

ВОЗБУЖДЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБВИНЕНИЯ

В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ

В.С. Зеленецкий

В.С. Зеленецкий

ВОЗБУЖДЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБВИНЕНИЯ
В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ

Вашим Миколайовичу
Лавренцу на добрую память
с пожеланиями более
иных успехов. автор

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете издательского
объединения „Вяца школа“
1979

УКРАИНА
Київський державний університет
Академія наук і мистецтв України
НАУКОВО-ВИСЛІДНИЙ
ІНСТИТУТ ПРАВНИХ ПРОБЛЕМ
301 ПРАВИЛОСТІ

м. Харків, вул. Шевченка, 80а
тел. 28-00-00, 28-81-00
№ 1111/016 від 18.10.001
На № _____ від ЕК

67.99(2)93

З-48

Зеленецкий В. С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те. 1979, 144 с. В монографии впервые в юридической литературе дано теоретическое обоснование стадии возбуждения государственного обвинения в советском уголовном процессе, раскрыты ее сущность, значение и место в общей системе уголовно-процессуальных стадий. Особое внимание уделено характеристике функциональной деятельности прокурора, ведущего процесс в данной стадии, а также анализу правовых последствий, наступающих в связи с возбуждением государственного обвинения.

Для научных работников и специалистов.

Список лит.: 161 назв.

Рецензент: доцент кафедры уголовного права, процесса и исправительно-трудового права КВШ МВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского *Ф. Г. Тарасенко*

Редакция гуманитарной литературы
Зав. редакцией *Г. И. Шинкаренко*

Владимир Серафимович Зеленецкий

ВОЗБУЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Редактор *К. К. Гулый*, обложка художника *Л. М. Юрченко*, художественный редактор *В. Б. Мартыняк*, технический редактор *Л. Т. Момот*, корректор *О. П. Котух*

Информ. бланк № 3943

Сдано в набор 31.07.78. Подп. в печать 11.01.79.
БЦ 09004. Формат 60×90/16. Бумага тип. № 2.
Лит. гарн. Выс. печать. 9 усл. печ. л. 10 уч.-изд. л.
Тираж 3000 экз. Изд. № 626. Зак. 1378. Цена 90 к.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16.
Харьковская городская типография № 16 Областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16.

11002—626 97—79 1203100000
М 226(04) — 79

© Издательское объединение
«Вища школа», 1979

ВВЕДЕНИЕ

В Отчетном докладе XXV съезду КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев говорил: «...Мы уделяли и будем впредь уделять постоянное внимание совершенствованию деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан» [4, с. 82]. Конституция СССР 1977 г. и новые конституции всех союзных республик, отражая тенденцию развития всех названных органов, детально регламентируют организационную структуру и принципы деятельности органов прокуратуры и советской юстиции.

Настоящая работа является частью комплексного исследования темы «Государственное обвинение в системе стадий советского уголовного процесса», осуществляемого автором на протяжении ряда лет. В ней предпринята попытка разработать совокупность вопросов, характеризующих сущность этапа, на котором возникает данный вид обвинения. Этим обусловлено и само название монографии.

Актуальность изучения названной темы предопределяется той ролью, которую играют государственное обвинение и прокурор, его осуществляющий, на различных этапах производства по делу, а также отсутствием комплексных монографических работ, посвященных анализу деятельности, которая образует содержание стадии возбуждения государственного обвинения. Если до недавнего времени содержание прокурорской деятельности по делу с обвинительным заключением сводили только к надзору за законностью предварительного расследования уголовного дела, то теперь представляется возможным говорить об обвинительной деятельности прокурора, которая возникает с момента утверждения обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения; о решении комплекса вопросов, связанных с завершением процесса привлечения лица к уголовной ответственности.

Таким образом, «проблема деятельности прокурора по делу с обвинительным заключением значительно шире, чем предполагалось до сих пор» [102, с. 3]. И это верно подмечено в советской процессуальной литературе. Но не правомерно ограничивать содержание данной стадии, а вместе с ним

и «проблему деятельности прокурора по делу с обвинительным заключением» прокурорской проверкой, как это иногда делается некоторыми учеными [см. 102, с. 8]. При такой постановке вопроса сама проблема формулируется односторонне, отражая лишь ретроспективный аспект прокурорской деятельности. Что касается перспективы ее развития, рассматриваемой в качестве ведущего вида прокурорской деятельности, то указанный аспект должен найти свое отражение как в формулировке проблемы, так и в исследовании, посвященном ее разрешению. Следовательно, проблема деятельности прокурора по делу с обвинительным заключением действительно шире и содержательнее, чем предполагалось ранее. Она охватывает комплекс вопросов, характеризующих сущность и задачи стадии возбуждения государственного обвинения, функции прокурора в данной стадии процесса, основания возбуждения государственного обвинения, особенности познавательного процесса, решения, принимаемые прокурором по результатам исследования обстоятельств уголовного дела. Именно они предопределили структуру монографии. Имеется еще один комплекс вопросов, прямо относящихся к изучаемой проблеме, но все же не нашедших в ней своего отражения, хотя и всесторонне разработанных автором.

Осознавая это обстоятельство, мы при выборе тех результатов, которые должны быть опубликованы, руководствовались тем, что лучше всего изложить все (или многое) нам известное по части относящихся к указанной теме проблем, чем высказывать свое мнение по всем вопросам данной темы, но вследствие ограниченности объема работы не сказать о них по сути ничего. Именно поэтому в монографию не включены те результаты исследования, которые характеризуют субъект и объект государственного обвинения, особенности уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, а также специфику познания прокурором обстоятельств уголовного дела и особенности осуществления им его процессуальных функций в стадии возбуждения государственного обвинения.

Для правильного понимания актуальности рассматриваемых вопросов представляется целесообразным изложить здесь хотя бы в тезисной форме свою позицию по тем из них, которые не нашли отражения в данной публикации. В этой связи прежде всего отметим следующие обстоятельства.

1. Субъектами государственного обвинения могут быть только лица, правомочные осуществлять функцию прокурорского надзора. К ним относятся прокурор, его заместители и помощники. Процессуальное положение этих лиц не одинаково. Одни из них правомочны не только возбуждать государственное обвинение, но и поддерживать его в суде, другие имеют право лишь на поддержание государственного обвинения в суде, но не могут возбуждать его в соответствующей

стадии процесса. С учетом сказанного все субъекты государственного обвинения могут и должны классифицироваться на основные и дополнительные. Между ними возникают и осуществляются правоотношения, специфика которых предопределена особым характером полномочий каждого субъекта, вступающего в эти правоотношения. В плане повышения эффективности обвинительной деятельности представляется целесообразным более четко урегулировать права дополнительных субъектов обвинения, в частности правовое положение тех из них, на которых возложена обязанность поддержания государственного обвинения. Целесообразно дополнить действующее законодательство нормой Закона, отражающей основания принятия государственного обвинения к поддержанию в суде; основания отказа от принятия обвинения к поддержанию в суде; процессуальную форму решений, принимаемых в указанных случаях; порядок разрешения противоречий между прокурором и лицом, на которое он возложил обязанность поддержания государственного обвинения; срок, в течение которого прокурор обязан проверить законность и обоснованность отказа от принятия государственного обвинения к поддержанию его в суде.

2. На практике и в уголовно-процессуальной литературе широко используется понятие субъект обвинения, но не применяется оппозиционно-соотносительное ему понятие объект обвинения. Поскольку тезис обвинения реализуется лишь в структуре субъектно-объектных отношений, то очевидна невозможность существования в реальном процессе субъекта обвинения без объекта обвинения и наоборот. Следовательно, называя одно из этих понятий, мы предполагаем его соотносительность с другим. При этом используемое в настоящее время понятие обвиняемый не может заменить понятие объект обвинения, ибо первое обозначает сущее, то, что наступило в результате обвинительной деятельности, а второе — должное, т. е. указывает на то, каким требованиям должно отвечать и какими при этом признаками должно обладать конкретное физическое лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, наличие которых делает возможным осуществление против него обвинительной деятельности.

3. Между субъектом и объектом государственного обвинения возникают и определенное время реализуются два вида правоотношений: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные, причем сначала возникают уголовно-правовые отношения, а затем уголовно-процессуальные, которые осуществляются наряду с уголовно-правовыми. Последние также бывают двух видов: позитивные и негативные. К позитивным относятся те

уголовно-правовые отношения, которые возникают между гражданином и государством с момента введения в действие советского уголовного закона. Они стабильны по своему характеру и отражают высокий уровень солидарности населения страны с действующим законодательством. Негативными являются те уголовно-правовые отношения, которые возникают в связи с совершением конкретным лицом определенного преступления. И для науки, и для практики борьбы с преступностью важно проследить механизм трансформации позитивных уголовно-правовых отношений в негативные в результате преступных действий конкретного лица. Знание этого механизма позволит повысить эффективность профилактической деятельности органов, ведущих процесс. Именно это, как сказано в Программе КПСС, — главное в борьбе с преступностью [см. 3, с. 106].

Отметим, что, излагая в данном исследовании свою интерпретацию структуры советского уголовного процесса, составной частью которой является стадия возбуждения государственного обвинения, и предлагая новый подход к пониманию ряда фундаментальных понятий советской уголовно-процессуальной теории, мы руководствовались принципом преемственности, в соответствии с которым в работе воспринято все то, что способствовало выработке нового научного направления в изучении государственного обвинения и его места в системе стадий советского уголовного процесса, отвечающего требованиям повышения эффективности борьбы с преступностью и другими нарушениями законности. Речь идет прежде всего о тех результатах, которые нашли свое отражение в работах М. И. Бажанова, П. М. Давыдова, Т. Н. Добровольской, Л. М. Карнеевой, А. М. Ларина, П. А. Lupинской, В. З. Лукашевича, Р. Д. Рахунова, А. Л. Ривлина, В. М. Савицкого, М. С. Строговича, Ф. Н. Фаткуллина, М. А. Чельцова, М. Л. Шифмана, П. С. Элькинд и других авторов.

Сделанные в работе выводы не противоречат общепризнанным научным достижениям. Напротив, они находятся в отношении дополнительности к тем концепциям, которые стали традиционными в современной процессуальной литературе.

Монография адресована не только ученым, но и практическим работникам тех органов, которые призваны вести борьбу с преступностью и другими нарушениями законности. Речь идет «о прокуратуре, суде... других административных органах...» [6, с. 22].

§ 1. Теоретическое обоснование стадии возбуждения государственного обвинения

Возбуждение государственного обвинения — процессуальный акт, отражающий утверждение должностным лицом, которое занимает статус прокурора и осуществляет обвинение от имени государства в интересах всего общества (независимо от каких-либо учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан), о совершении конкретным лицом уголовно наказуемого деяния, предусмотренного определенной нормой уголовного закона, порождающий его обязанность понести уголовную ответственность перед государством в лице компетентных органов правосудия, которые должны рассмотреть вопрос о принятии обвинения к своему разрешению, предании обвиняемого суду, его виновности и наказания.

Сущность данного акта обусловлена природой государственного обвинения, возбуждаемого прокурором на определенном этапе производства по делу. Следовательно, для выяснения природы этого акта и установления его места в системе уголовно-процессуальных стадий нужно исследовать, что именно представляет собой государственное обвинение. Это возможно при условии анализа того общего, частью которого является государственное обвинение. Речь идет о необходимости определения общего понятия обвинения, его видов, характера их взаимосвязи и взаимозависимости.

Любое обвинение всегда представляет собой утверждение компетентного государственного органа, представителя обществественности или частного лица о совершении другим лицом конкретного общественно опасного, противоправного, виновного и уголовно наказуемого деяния в форме действия или бездействия. Причем глагол «утверждать» обозначает одну из сторон понятия обвинения. Утверждать — значит, в письменной или в устной форме высказывать категорическое суждение о виновности конкретного лица в совершении инкриминируемого ему преступления с приведением в необходимых случаях соответствующих доказательств.

Понятие обвинения имеет еще одно значение. Оно отражает основанную на законе деятельность компетентных лиц по изобличению виновного в совершении им преступления;

доказыванию и обоснованию его причастности к конкретному преступлению. В процессуальной литературе первое именуется обвинением в материальном или материально-правовом смысле слова. Оно выражает собой фактические признаки, обусловленные во всей своей совокупности элементами состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей уголовного кодекса, по которой квалифицированы действия обвиняемого. Второе называется обвинением в процессуальном смысле или функцией обвинения, содержание которой образует совокупность взаимосвязанных действий обвинительного характера.

По субъектам, осуществляющим обвинение, и по тому признаку, в чьих интересах оно поддерживается, его принято делить на несколько видов и подвидов. По признаку, в чьих интересах осуществляется обвинение, различают два вида: частное, осуществляемое потерпевшим в своих собственных интересах; публичное, осуществляемое компетентными органами в общественных, публичных интересах. Под публичным в данном случае понимается обвинение, возбуждаемое компетентным лицом в интересах всего общества, независимо от тех лиц, учреждений, предприятий и организаций, чьи интересы оно может затрагивать.

Частное обвинение всегда исходит непосредственно от потерпевшего, но может осуществляться и представителем его интересов. Публичное обвинение по признаку поддерживающих его субъектов имеет два подвида: общественное и должностное, которое возбуждается лицами государственного аппарата, созданного специально для борьбы с преступностью. Сюда прежде всего относятся обвинения прокурорско-государственное (государственным оно называется потому, что прокуратура является единственным органом, уполномоченным осуществлять уголовное преследование всех преступлений и преступников от имени высшего органа Советской власти — Верховного Совета СССР) и следственное. Последнее ведется следователями прокуратуры, органов МВД и КГБ в процессуальных формах, отличных от других видов обвинения. Это влечет за собой отрицание некоторыми советскими учеными-процессуалистами самого факта существования данного подвида обвинения.

Из сказанного вытекает, что государственное обвинение в системе других его видов исторически и по действующему законодательству всегда занимало особое положение, служило общему назначению, но вместе с тем характеризовалось специфическими признаками. Именно они предопределили его особую природу, выяснение которой позволит раскрыть сущность исследуемого вида обвинения в советском уголовном процессе, а также его место в системе уголовно-процессуальных стадий. Для правильного изучения этих вопросов необхо-

дамо прежде всего рассмотреть структуру советского уголовного процесса.

Советский уголовный процесс представляет собой сложную динамическую систему. Ее функционирование направлено на быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Она, кроме того, должна способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития (ст. 2 Основ, ст. 2 УПК УССР, ст. 2 УПК РСФСР)¹.

Разрешение этих задач закон возлагает на лиц, ведущих процесс: следователя, лицо, производящее дознание, прокурора, суд (или единолично действующего судью). Именно от их своевременной, всесторонней и объективной деятельности зависит эффективность советского уголовного судопроизводства.

Чтобы лицо, ведущее процесс, могло начать свою деятельность, оно должно располагать необходимыми и достаточными для этого основаниями. В качестве исходного основания для начала, т. е. возникновения уголовно-процессуальной деятельности, выступает информация о совершенном или готовящемся преступлении. Получение следователем, прокурором, судьей (или судом) из установленных законом источников информации о совершенном или готовящемся преступлении обуславливает необходимость их взаимодействия с тем объектом познания, на который указывает имеющаяся информация. Совокупность процессуальных действий, образующих содержание такого взаимодействия, вызывает возникновение процесса. В ходе его реализации возникает потребность в осуществлении новых взаимодействий, которые в свою очередь интенсифицируют познавательную и производную от нее иную процессуальную деятельность указанных лиц и тем самым развивают уголовный процесс. Выполнение его задач предопределяет новые взаимодействия, которые совершаются в установленном законом процессуальном порядке до тех пор, пока не будут решены все задачи. Их осуществление предполагает прекращение операций взаимодействия субъекта с объектом познания и, следовательно, прекращение уголовного процесса.

Здесь, выражаясь словами К. Маркса, можно сказать, что «процесс угасает в продукте» [1, т. 23, с. 191], т. е. в результатах познавательной, а также в производных от нее других видах уголовно-процессуальной деятельности следователя,

¹ Здесь и далее имеются в виду Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а также соответствующие статьи УПК других союзных республик, если иное специально не оговорено.

прокурора, суда. Отсюда следует, что и возникновение, и прекращение уголовного процесса обуславливаются вполне определенными объективно существующими факторами. Взаимодействие субъекта познания с объектом, имеющим правовое значение, с целью его овладения образует указанный процесс. Поскольку такое взаимодействие направлено на овладение объектом, представляющим собой уголовно-наказуемое деяние, и детально регламентировано уголовно-процессуальным законодательством, оно называется уголовным процессом.

Исходным моментом его возникновения нужно рассматривать получение компетентным лицом информации о совершенном или готовящемся преступлении. Для выяснения места и роли возбуждения государственного обвинения в общей системе советского уголовного процесса проследим развитие уголовно-процессуальной деятельности именно с этого момента.

1. Получив информацию о совершенном или готовящемся преступлении, лицо, правомочное принимать решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в нем, изучает всю совокупность обстоятельств и принимает одно из предусмотренных законом решений. Если информация позволила установить отсутствие признаков состава преступления и наличие обстоятельств, исключающих производство по делу, то уголовный процесс завершается принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

2. Когда информация позволила следователю или прокурору выявить признаки определенного состава преступления, указанные лица возбуждают уголовное дело, в связи с чем по нему производится предварительное расследование.

Завершение производства по делу с учетом исправления возможных ошибок предполагает движение уголовного дела от его возбуждения до пересмотра приговора в порядке надзора. Речь идет о восходящем развитии процесса, в котором возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, производство по делу, осуществляемое прокурором, предание суду, судебное разбирательство, исполнение приговора, кассационное производство, пересмотр приговора в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам выступают в качестве специфических ступеней восходящего развития процесса познания, по которым субъекты, ведущие процесс, осуществляют переход от незнания к неполному знанию, а от него — к всестороннему, полному и объективному познанию изучаемых в уголовном деле явлений, т. е. к истине¹.

¹ Восходящее развитие уголовно-процессуальной деятельности имеет два относительно самостоятельных, но всегда взаимосвязанных аспекта: процессуальный и гносеологический. Первый отображает восхождение субъекта к целям и задачам производства по делу, второй — достижение истины, переход от неполного и неточного знания к знанию всестороннему,

Сопоставление описания первого процесса (назовем его следственным, так как он предшествует следственному) и второго (следственного), развивающегося после возбуждения уголовного дела, позволяет установить, что следственный процесс — одноступенчатый, а следственный — многоступенчатый. Без них развитие познавательного процесса невозможно. При этом каждая его ступень в юридической литературе и на практике рассматривается в качестве относительно самостоятельной стадии.

С гносеологической точки зрения все стадии в многоступенчатом уголовном процессе представляют собой соответствующие уровни познания. С этих позиций всестороннее, полное и объективное овладение субъектом конкретным объектом познания предполагает осуществление всей познавательной деятельности на определенном уровне. Поэтому можно утверждать, что более глубокий уровень овладения объектом познания требует реализации более высокого уровня процессуальной деятельности. При этом по мере перехода процесса познания от одного уровня познавательной деятельности к другому, более высокому, осуществляется процесс восходящего развития познания.

Взаимодействие субъекта с объектом познания может производиться до возбуждения уголовного дела и после него. Продолжение взаимодействия субъекта, ведущего процесс, с объектом познания после возбуждения уголовного дела означает начало процесса восходящего развития уголовно-процессуального познания действительности. Подобного рода процессы имеют многоступенчатый характер, в структуре которого возбуждение прокурором государственного обвинения выступает в качестве одной из специфических процессуальных ступеней.

Осуществляемые прокурором на данном этапе функции предопределяют особенности его познавательной и производной от нее уголовно-процессуальной деятельности, зависящие и от того места, которое данный процесс занимает в общей системе уголовно-процессуальных стадий. Место всех стадий в их общей системе определено достаточно полно. Речь в данном случае идет о необходимости выяснить роль того процесса, содержание которого образуется деятельностью прокурора при утверждении обвинительного заключения и направлении дела в суд для решения вопроса о предании обвиняемого суду. Такой подход полностью согласуется с высказыванием Ф. Энгельса о том, что познание отдельного предполагает

полному и объективному. Оба аспекта получают свое выражение в соответствующих актах, среди которых наиболее полное, интегральное отражение их взаимосвязи содержится в приговоре советского суда.

необходимость указать каждому члену ряда свое место в системе [см. 1, т. 20, с. 547].

Утверждение обвинительного заключения и направление дела в суд — часть той многогранной деятельности прокурора, которую он осуществляет по делу, поступившему к нему от следователя с обвинительным заключением. Эта деятельность проявляется в различных функциональных направлениях, каждое из которых рассматривается в качестве относительно самостоятельной процессуальной функции.

В связи со сказанным важно уточнить, в результате реализации каких функций прокурор принимает решение об утверждении обвинительного заключения и о направлении дела в суд. Правильный ответ можно получить в том случае, если верно определено правовое положение прокурора в данном процессе и выяснено, является ли он только органом надзора за законностью всей предшествовавшей в стадии предварительного расследования деятельности или уже здесь осуществляет функцию государственного обвинения. Решение этого вопроса необходимо еще и потому, что до настоящего времени не установлено, где именно, на каком этапе производства по делу возникает государственное обвинение.

В стадии предварительного расследования формулируется и развивается обвинение следственных органов. Но это обвинение не государственное, поскольку последнее в строгом соответствии с законом осуществляется только прокурором. Однако и данный вид публичного обвинения должен на каком-то этапе производства по делу возникнуть и обрести свою качественную определенность. Указанная постановка вопроса согласуется и с тем понятием обвинения, которое выработано советскими учеными. Ранее отмечалось, что в специальной литературе обвинение вообще, в том числе государственное, рассматривается как утверждение компетентного органа о совершении преступления конкретным лицом, которое закреплено в процессуальном акте, направленном на реализацию его уголовной ответственности [см. 37, с. 29]. Но где формулируется решение прокурора о государственном обвинении этого лица? Без него невозможна реализация уголовной ответственности виновного. По мнению А. Л. Ривлина, «государственное обвинение, имеющее огромное значение для отправления советского правосудия, как процессуальную функцию можно разделить на два этапа — на обвинение до суда, когда в своем материальном содержании оно предъявляется обвиняемому, когда собираются исходные доказательства для его обоснования, и на обвинение в суде, когда, будучи сформулированным в обвинительном заключении, оно поддерживается прокурором» [109, с. 96]. Такого же взгляда придерживается С. А. Альперт. Однако указанную точку зрения он высказывает более определенно: «Государственное обвинение — это обвинение, осу-

ществляемое уполномоченными на то органами государства. Поскольку обвинение это возникает уже в стадии предварительного расследования и в полной мере проявляется с момента привлечения лица в качестве обвиняемого, а затем осуществляется в ходе дальнейшего расследования по делу, субъектом его в данной стадии является следователь или лица, производящие дознание, т. е. те, которые формулируют обвинение и предъявляют его» [10, с. 221]. Отсюда следует, что государственное обвинение как процессуальная функция возбуждается, а затем и осуществляется как в стадии предварительного расследования, так и в суде. Анализируя взгляды А. Л. Ривлина и С. А. Альперта, В. М. Савицкий отмечает, что такого рода утверждение «очень неточно, а потому и неправильно» [117, с. 57].

Противоречивую позицию о времени возникновения государственного обвинения и, следовательно, времени появления процессуальной фигуры государственного обвинителя занимал М. Л. Шифман. Согласно одним его утверждениям «государственное обвинение начинается с момента предъявления уголовного иска» [156, с. 33], т. е. с момента направления прокурором уголовного дела с обвинительным заключением в суд для решения вопроса о возможности предания обвиняемого суду¹. В другом месте он писал, что «прокурор становится стороной (т. е. государственным обвинителем.— В. З.) только после того, когда уголовный иск принят судом. До этого прокурор стороной не является. Иначе говоря, прокурор начинает выполнять функцию государственного обвинителя только после предания суду» [156, с. 43]. В последнем случае М. Л. Шифман высказался более определенно. Поэтому следует полагать, что он связывал время возникновения процессуальной фигуры государственного обвинителя с конечными пределами стадии предания суду, начиная с момента вынесения решения, подводящего итог данной стадии процесса.

Подобной точки зрения придерживается В. Н. Шпилев. Он прямо указывает, что «функция обвинения появляется после предания обвиняемого суду» [155, с. 61]. Однако и это мнение нельзя признать обоснованным. Ни ранее действовавшее законодательство, ни новые уголовно-процессуальные кодексы не ставят возникновение государственного обвинения в зависимости от акта предания обвиняемого суду. Вынесением постановления (или определения) о предании обвиняемого суду решается лишь вопрос о возможности судить данное лицо, т. е. можно ли рассматривать уголовное дело о нем в стадии судебного разбирательства. С этого момента обвиняемый ста-

¹ В нашей литературе теория уголовного иска была подвергнута справедливой и достаточно глубокой критике, что исключает необходимость дополнительного анализа взглядов ее немногочисленных сторонников [ж. 76, с. 14; 108, с. 53—54; 148, с. 123—124].

новится подсудимым. Никаких других решений, которые бы обуславливали процессуальное положение прокурора и возводили его в статус государственного обвинителя, суд (или судья единолично) не выносит. Более того, суд не вправе принимать такие решения, поскольку самим фактом их вынесения он выражал бы свое отношение к обвинению, предъявленному конкретному лицу. Иначе говоря, вынесением указанного решения суд констатировал бы наличие у него убеждения о виновности обвиняемого, о необходимости его осуждения. Понятно, что в таком случае идея правосудия и ее реальное осуществление превратились бы в фикцию. Следует, однако, отметить, что изложенная здесь концепция не нашла своего развития в теории, а на практике дело обстоит совершенно иначе: суд не наделяет прокурора функцией государственного обвинителя.

Именно потому, что прокурор уже является государственным обвинителем по делу, по которому решается вопрос о предании обвиняемого суду, судья единолично или суд коллегиально принимает решение о необходимости участия в судебном разбирательстве прокурора, т. е. государственного обвинителя.

Приведем еще одно высказывание М. Л. Шифмана по рассматриваемому вопросу: «Прокурор становится стороной лишь с момента, когда он начинает поддерживать обвинение» [156, с. 49]. Однако и данная точка зрения не выдерживает критики. Если согласиться с тем, что государственное обвинение возникает лишь в стадии судебного разбирательства, то окажется, что в нашей стране имеются государственные обвинители, назначенные раз и навсегда для осуществления функции обвинения, независимо от того, участвовали они в предшествующих стадиях процесса и убеждены ли в виновности конкретного лица. Если бы все обстояло именно так, то государственные обвинители во всех случаях осуществляли бы функцию обвинения во что бы то ни стало. Однако в действительности дело обстоит иначе. Прокурор становится государственным обвинителем до суда, и лишь сформулировав государственное обвинение в отношении конкретного лица, приходит в судебное заседание для его поддержания. Им может быть лицо, возбудившее государственное обвинение, или другое лицо, вступившее в процесс для его поддержания. Но в любом случае эти лица осуществляют государственное обвинение в суде, возникшее задолго до рассмотрения дела по существу. Кроме того, если же придерживаться взглядов М. Л. Шифмана, окажется, что по одним делам, рассматриваемым с участием прокурора, государственное обвинение осуществляется, а по другим делам, рассматриваемым судом без его участия, последнее не осуществляется. Но это на практике невозможно. Участвует ли в деле прокурор или оно рассматривается без его

участия, предметом судебного разбирательства во всех случаях отправления правосудия по делам публичного обвинения является именно государственное обвинение. Поэтому мнение о его возникновении в стадии судебного разбирательства следует признать неправильным.

Прокурор допускается в судебное разбирательство только потому, что он до суда занял процессуальное положение государственного обвинителя. «Если прокурор не сформулировал обвинения и не принял решения (по своей инициативе или по инициативе суда) поддерживать, обеспечивать его в судебном разбирательстве, то ему нечего делать в суде, так как само судебное разбирательство окажется беспредметным, оно просто не состоится, ибо суду нечего будет разбирать» [117, с. 32]. Эти доводы В. М. Савицкого мы в принципе разделяем, однако не можем согласиться с предложенным им определением государственного обвинения.

По мнению В. М. Савицкого, «государственное обвинение— это осуществляемая в установленных законом процессуальных формах деятельность прокурора в стадии судебного разбирательства дела, вытекающая из его государственно-правовой функции надзора за точным исполнением законов, состоящая в доказывании виновности подсудимого и обосновании связанных с этим правовых последствий и направленная на создание условий, обеспечивающих вынесение законного и обоснованного приговора, а также выполнение всех других задач советского уголовного судопроизводства» [117, с. 229]. Как видно, цитируемый автор разделяет изложенные взгляды М. Л. Шифмана о времени возникновения государственного обвинения, ибо он понимает под ним деятельность прокурора, которую тот осуществляет в стадии судебного разбирательства и которая состоит в доказывании виновности подсудимого и обосновании связанных с этим правовых последствий. В другом месте своей работы В. М. Савицкий заявляет об этом более категорично: «Понятие «государственное обвинение» имеет совершенно определенное значение, не допускающее никаких толкований, кроме одного: это совокупность действий прокурора, который отстаивает перед судом свой вывод о виновности подсудимого и которому противостоит другая сторона, выполняющая процессуальную функцию защиты» [117, с. 57]. Но, во-первых, прежде чем доказывать виновность подсудимого, прокурору необходимо сформулировать тезис государственного обвинения. Очевидно, он не может сделать это в стадии судебного разбирательства, поскольку первоначально государственное обвинение возникает до суда, а в суде оно может лишь корректироваться либо аннулироваться прокурором путем отказа от него. Во-вторых, без ранее сформулированного обвинения прокурору, как считает В. М. Савицкий, в суде нечего делать. По этому поводу мы должны отметить

следующее. В анализируемом определении государственного обвинения как раз отсутствуют указания на то, что прокурор приходит в суд с уже сформулированным государственным обвинением в отношении конкретного лица, тем самым занимая до суда процессуальное положение государственного обвинителя. Ограничивая возникновение государственного обвинения стадией судебного разбирательства, В. М. Савицкий по существу дал определение поддержания государственного обвинения в суде.

На наш взгляд, *государственное обвинение возникает в том процессе, в котором прокурор исследует обвинительное заключение и все материалы уголовного дела.* Именно здесь, утвердив указанный акт, он формирует свое убеждение в виновности или невиновности обвиняемого. Если прокурор убежден в виновности конкретного лица, он принимает решение об утверждении обвинительного заключения и, следовательно, о возбуждении государственного обвинения. То, что государственное обвинение возникает на данном этапе производства по делу, подтверждается ст. 232 УПК УССР. В соответствии с ней прокурор, утвердив обвинительное заключение, направляет дело в суд, которому оно подсудно, и сообщает суду, считает ли он необходимым поддерживать государственное обвинение. Если придерживаться правил логики, то следует заключить, что поддерживать государственное обвинение можно лишь в тех случаях, если до совершения действий, образующих структуру акта поддержания обвинения, последнее уже существовало как специфическая правовая реальность.

В настоящее время принятие решения о возбуждении государственного обвинения действующим законодательством не предусмотрено. Поскольку в утверждаемом прокурором обвинительном заключении фактически выражается его убеждение в виновности конкретного лица в инкриминируемом ему преступлении, а в решении о направлении уголовного дела в суд отражена его решимость поддерживать государственное обвинение, целесообразно дополнить действующее законодательство нормой закона, в которой вполне определено было бы сказано, что, утвердив обвинительное заключение, прокурор возбуждает против виновного лица государственное обвинение, являющееся основанием направления дела в суд и предметом судебного разбирательства. При этом решения прокурора должны облекаться в форму постановления об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения. Возникает вопрос: не является ли этап, на котором прокурор утверждает обвинительное заключение и возбуждает государственное обвинение, самостоятельной стадией советского уголовного процесса. Насколько нам изве-

стно, он впервые был выдвинут Г. М. Миньковским [см. 83, с. 39], а затем более обстоятельно исследован Н. П. Подольной, которая отвечает на него положительно и указывает, что «деятельность прокурора, осуществляемая по делу с обвинительным заключением, является самостоятельной стадией советского уголовного процесса» [102, с. 5]. Следует полностью согласиться с этим мнением, однако нельзя положительно оценить ту характеристику, которую она дает сущности данной стадии.

Н. П. Подольная полагает, что сущность названной стадии обусловлена содержанием деятельности прокурора, направленной на проверку законности и обоснованности предварительного расследования уголовного дела. Именно на этом основании она называет ее стадией прокурорской проверки [см. 102, с. 8]. Подобное наименование вызывает возражения. Проверка материалов уголовного дела — не самоцель, а один из способов осуществления прокурором познавательной деятельности для получения истинного знания о законности и обоснованности предварительного расследования и решения на его основе всех задач данного этапа производства по делу.

Правильный ответ на вопрос, как следует именовать процесс, в котором прокурор осуществляет самостоятельное производство по делу, зависит от достоверного выяснения его сущности. Прежде всего необходимо установить, можно ли рассматривать указанную деятельность прокурора в качестве самостоятельного процесса или она, как утверждают некоторые авторы, является частью предварительного расследования и поэтому не обладает той самостоятельностью, которая присуща каждой отдельной стадии процесса. Второй точки зрения придерживается, в частности, Г. М. Миньковский. Разделяя мнение М. А. Чельцова, который рассматривает действия прокурора, предшествующие стадии предания суду, как «заключительный момент предварительного расследования» [146, с. 287—295], он отмечает, что «исключение из завершающей части предварительного расследования действий прокурора по проверке законности и обоснованности выводов следователя равносильно включению их в стадию предания суду, либо выделению их в самостоятельную стадию уголовного процесса, либо, наконец, отрицанию их процессуального значения. Неправильность всех этих трех решений очевидна» [83, с. 39]. Но так ли это?

Для ответа на поставленный вопрос следует проанализировать существенные признаки, которыми характеризуется любой реальный процесс, в том числе уголовный. Все процессы по своей природе системны. Поэтому для изучения сущности уголовного процесса необходимо использовать системный подход к исследованию самого процесса и его понятия, причем

последнее оказывается центральным в теории системного анализа. «То, что прежде всего должно быть выделено, если мы хотим думать и действовать «системно», есть процесс. Не может быть системного мышления без ясного понимания процесса» [90, с. 11]. Между тем только системное мышление может привести к правильному определению места и роли государственного обвинения в системе стадий советского уголовного процесса. При этом исходными являются теоретические положения о процессе, его свойствах и сущности, разработанные Н. К. Серовым. В соответствии с его положениями «1) всякий реальный процесс связан с некоторым конкретным материальным объектом или системой объектов и протекает в количественно определенных пространственно-временных границах; 2) всякий реальный процесс складывается во времени из некоторых качественно и количественно различных стадий, фаз, событий или состояний, протекающих соответственно в более узких пространственно-временных границах, чем рассматриваемый процесс; 3) каждый реальный процесс представляет собой в конечном итоге составную часть более широких в пространственно-временном отношении процессов; 4) протекание каждого реального процесса во времени является закономерно упорядоченным по крайней мере в двух отношениях: характеристики, свойственные некоторому множеству однородных процессов, присущи и всем другим процессам того же рода; характеристики достаточно длительного фрагмента некоторого процесса присущи также хотя бы ближайшим к моменту анализа будущим стадиям процесса» [122, с. 10].

Проследим с этих позиций, что представляет собой деятельность прокурора на этапе осуществления им самостоятельного производства по делу после направления ему уголовного дела следователем. Будучи связанной с утверждением обвинительного заключения, эта деятельность протекает в количественно определенных пространственно-временных границах. В соответствии со ст. 233 УПК УССР (ст. 214 УПК РСФСР) прокурор, получив дело от следователя, обязан в срок не более пяти дней рассмотреть его и дать ему надлежащее направление.

Таким образом, здесь имеет место протекание данной деятельности в количественно определенных пространственно-временных границах, что является одним из существенных свойств любого реального процесса. В этом плане характеризуемая деятельность, несомненно, процессуальная. Следует отметить, что утверждение обвинительного заключения как специфическая деятельность, осуществляемая прокурором, протекает не изолированно. Она находится в тесной связи с предшествующей (предварительное расследование) и с последующей (предание суду) стадиями. Этот признак взаимосвязи данной дея-

тельности со смежными ей стадиями процесса также указывает на процессуальный характер деятельности прокурора.

Утверждение обвинительного заключения не сводится к одноактному действию. Оно предполагает изучение всех материалов уголовного дела, разрешение жалоб или ходатайств участвующих в деле лиц. Здесь же прокурор решает вопрос о необходимости поддержания государственного обвинения, т. е. о личном его участии или участии иных компетентных лиц прокурорского надзора в судебном разбирательстве, а также высказывает свои соображения о месте слушания уголовного дела. Совершение большинства из перечисленных действий предшествует утверждению обвинительного заключения или связано с ним, однако так или иначе они имеют место в каждом уголовном деле, по которым прокурор принял решение о направлении их в суд для выяснения вопроса о предании обвиняемого суду. Эти действия протекают в более узких пространственно-временных границах, чем рассматриваемый процесс, образуя его содержание и выражая его сущность. На процессуальный характер данной деятельности указывает и однородность ее осуществления по различным уголовным делам, независимо от их категорий и сложности.

Каждая стадия характеризуется участием в решении ее задач определенных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. В этом плане прежде всего нужно отметить, что в данном процессе новым ведущим его лицом является прокурор. Особые полномочия, которыми он здесь наделен (ст. 227—233 УПК УССР, ст. 211—217 УПК РСФСР), обуславливают развитие специфических правовых отношений, которые, будучи урегулированы нормами уголовно-процессуального законодательства, выступают в качестве уголовно-процессуальных отношений. Наличие этих отношений рассматривается как признак (свойство) каждой стадии процесса. В соответствии с данной точкой зрения характеризуемый частный процесс также может выступать как самостоятельная стадия процесса.

Каждая стадия завершается принятием итоговых решений. Это свойство присуще и анализируемому процессу. Причем здесь принимается совокупность взаимосвязанных решений, которые имеют свою специфику, обладают известной самостоятельностью и поэтому заслуживают более глубокого анализа (см. гл. III).

Приведем еще один довод в подтверждение процессуальной сущности рассматриваемого этапа. Деятельность всех лиц, принимающих участие в решении задач той или иной стадии, детально (хотя и не для всех стадий одинаково) регламентирована действующим уголовно-процессуальным законодательством. Это же относится к деятельности прокурора, связанной

с проверкой и утверждением обвинительного заключения. Если признать справедливым утверждение о том, что любая деятельность, урегулированная процессуальным законом, процессуальная¹, то процессуальной будет и деятельность прокурора по проверке и утверждению обвинительного заключения. Таким образом, деятельность прокурора и этап, на котором она реализуется, являются по своей природе процессуальными и входят в общую структуру советского уголовного процесса. Но к какой из уже известных стадий процесса они относятся? Здесь речь идет о двух стадиях, между которыми осуществляется деятельность прокурора: предварительное расследование и предание суду. В первой составляется обвинительное заключение и она предшествует утверждению его прокурором; вторая является последующей по отношению к деятельности прокурора и выполняется специальным органом — судьей единолично или судом коллегиально. Поскольку прокурор не осуществляет функцию расследования² и не предает обвиняемого суду, можно заключить, что ни к одной из названных стадий деятельность прокурора не относится. Она выходит за пределы стадии предварительного расследования [см. 102, с. 3] и не входит в пространственно-временные границы стадии предания суду. Но она не выходит и за пределы уголовного процесса. Значит, правомерно утверждать, что деятельность прокурора имеет самостоятельный характер. Приведем еще один довод: не может быть такого, чтобы предварительное расследование и предание суду относились к процессуальной деятельности, а посредствующее, точнее говоря, связывающее их звено было непроцессуальным. По этим соображениям следует признать недопустимым, чтобы обвинительное заключение формулировалось как результат процессуальной деятельности, а его утверждение осуществлялось вне уголовного процесса. Невозможно также возникновение государственного обвинения вне общей системы стадий советского уголовного процесса. Иначе непонятно, каким образом государственное обвинение, однажды возникнув вне общей системы стадий советского уголовного процесса, входит в него как его движущий момент, как составная часть его общей структуры. Очевидно, само существование этой деятельности как связывающего звена, без которого невозможен переход уголовного дела из предварительного расследования в стадию предания суду, представляет собой важнейшее свидетельство самостоятельности,

¹ «Любое действие, — пишет В. Я. Чеканов, — совершаемое во исполнение требований уголовно-процессуального закона, есть действие процессуальное» [145, с. 61]. По мнению Н. В. Жогина и Ф. Н. Фаткуллина, такие действия не могут не считаться процессуальными, поскольку они регулируются нормами уголовно-процессуального права» [47, с. 35].

² Кроме случаев, когда он считает целесообразным принять уголовное дело к своему производству (ст. 227 УПК УССР).

объективной необходимости данного процесса и его реальности, специфической целостности.

Таким образом, *деятельность прокурора, связанную с утверждением обвинительного заключения, следует рассматривать в качестве самостоятельного процесса.* Но в общем производстве по уголовному делу он не является завершающим. В системе восходящего развития уголовно-процессуальной деятельности этот процесс, как и другие стадии, занимает своеобразное промежуточное положение. Поэтому *он представляет собой стадию в общей системе восходящего развития уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой различными субъектами советского уголовного процесса.* Выясним теперь, какими свойствами обладает стадия уголовного процесса и присущи ли они тому процессу, в котором реализует свою деятельность прокурор в связи с утверждением обвинительного заключения. Каждая стадия характеризуется: 1) тем, что данный этап процесса — неминуемая, неизбежная часть, если только иное не оговорено в самом законе; 2) самостоятельной, но подчиненной общей цели процессуальной задачей, невыполнение которой препятствует дальнейшему развитию процесса; 3) специфическими процессуальными действиями и соответствующими им правовыми отношениями; 4) особым положением субъектов, ведущих процесс на определенном этапе производства по делу; 5) процессуальной формой и условиями производства по делу; 6) итоговым процессуальным актом, в котором субъекты, ведущие процесс, излагают свое решение и указывают дальнейший ход дела [см. 47, с. 39].

Процесс, в котором прокурор принимает решение об утверждении обвинительного заключения, не может миновать ни одно уголовное дело, по которому производилось дознание или предварительное следствие.

В соответствии со ст. 225 УПК УССР (ст. 207 УПК РСФСР) после окончания производства по делу и подписания обвинительного заключения следователь и лицо, производящее дознание, направляют уголовное дело прокурору с целью решения вопроса об утверждении этого процессуального акта и передачи дела в суд для предания обвиняемого суду. Следовательно, данный процесс является неизбежным в структуре восходящего развития уголовно-процессуальной деятельности и поэтому должен рассматриваться как самостоятельная стадия советского уголовного процесса. В пользу такого решения проблемы указывают и те специфические задачи, которые здесь решаются.

Во-первых, *данный процесс, также как и стадия предания суду, выполняет роль своеобразного процессуального фильтра.* Однако отличие между ними состоит в том, что «фильтрация» результатов всей предшествующей деятельности осуществля-

ется через призму не судебного познания (как это имеет место в стадии предания суду), а прокурорского надзора. В этом проявляется связь прокурорского надзора с государственным обвинением — двумя сторонами деятельности одного и того же органа — прокурора.

Во-вторых, в рассматриваемом процессе прокурор должен воспринять обвинение, сформулированное следователем, либо сформулировать новые обвинения от имени государства, независимо от каких-либо учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан, чьи интересы оно может затрагивать. Здесь речь идет о формулировании государственного обвинения в отношении действительно виновного лица. Но в любом случае оно должно быть законным и обоснованным, не влечь за собой применения статьи уголовного закона с более тяжелой санкцией и не связано с существенным изменением обвинения по фактическим обстоятельствам (ст. 231 УПК УССР). Поэтому в задачу рассматриваемой стадии процесса входит также недопущение привлечения к уголовной ответственности лиц, не виновных в совершении преступления, и тем самым предупреждение поступления в суд уголовных дел о невиновных лицах.

Воспринимает прокурор обвинение, сформулированное следователем, или формулирует его сам, внося с учетом обстоятельств дела в ранее сформулированное обвинение соответствующие изменения, во всех случаях он принимает соответствующее решение, которое по своей природе является актом возбуждения государственного обвинения против конкретного лица¹.

После возбуждения государственного обвинения оно осуществляется от имени государства специальным субъектом — прокурором, переходя в суд вместе с поступившим к нему уголовным делом, независимо от того, поддерживается оно прокурором непосредственно перед судом или нет. Как видно, в данном процессе, обладающем всеми свойствами самостоятельной стадии, реализуется сложная по своему содержанию и важная по правовым последствиям деятельность. Здесь принимаются решения, от которых зависит не только ход, но и исход познания обстоятельств уголовного дела. Одни из этих решений обращены как бы в прошлое (утверждение обвинительного заключения, констатирующее выполнение прокурором его надзорных полномочий по отношению к предшествующей стадии процесса), другие — в будущее (возбуждение государственного обвинения против конкретного лица и направление

---

¹ М. С. Строгович ставит вопрос о возникновении обвинения в зависимость от акта о его возбуждении: «Исходным актом возбуждения уголовного преследования является акт привлечения определенного лица к делу в качестве обвиняемого» [127, с. 65].

дела в суд для предания обвиняемого суду). Оба вида решений не только взаимосвязаны, но и находятся в определенном единстве, которое подчеркивается их фиксацией (отражением) в одном процессуальном акте, подводящем итог деятельности прокурора в данной стадии процесса. И хотя указанные решения существенны и неотделимы друг от друга, перспективу развития всей последующей уголовно-процессуальной деятельности обуславливают те из них, которые обращены в будущее. К таким относится решение прокурора о возбуждении государственного обвинения в отношении конкретного лица. Именно оно выражает сущность рассматриваемой стадии, актуализирует последующую процессуальную деятельность, порождает специфические правовые отношения, поскольку имеет своей задачей решить вопрос о реализации уголовной ответственности обвиняемого. Поэтому *исследуемый процесс следует назвать стадией возбуждения государственного обвинения*. Возникает вопрос: не колеблется ли идея самостоятельности стадии возбуждения государственного обвинения от того, что данный вид обвинения не находит в ней своего разрешения. Нет, ведь следственное обвинение тоже возникает и развивается в стадии предварительного расследования, однако здесь не находит своего разрешения. Напротив, формулировка законного и обоснованного обвинения в отношении конкретного лица, составление обвинительного заключения предполагают направление уголовного дела через соответствующего прокурора в суд для его разрешения. Аналогично, государственное обвинение, возникнув в конкретной стадии процесса, движется в судебные стадии для рассмотрения его по существу и разрешения в установленном законом порядке. Из сказанного следует, что возбуждаемое прокурором государственное обвинение неразрывно связано с тем обвинением, которое на предварительном следствии осуществлял следователь.

Выясним характер соотношения двух названных видов обвинения и соответствующей им обвинительной деятельности. Поскольку прокурор — единственный субъект, возбуждающий государственное обвинение в советском уголовном процессе, то никто иной, в том числе и следователь, такого обвинения не осуществляет. Очевидно, возбуждаемое прокурором обвинение имеет другой характер, по которому оно отличается от обвинения, возбуждаемого следователем. В связи с тем, что закон не именует осуществляемое следователем обвинение, назовем его следственным. Данное обозначение указывает на то, что субъектом указанного вида обвинения выступает следователь.

Соотношение названных видов обвинения может рассматриваться в двух аспектах: уголовно-правовом, или материально-правовом, и уголовно-процессуальном.

В уголовно-правовом аспекте названные виды обвинения могут рассматриваться как тождественные и как отличаю-

щиеся по фактическим обстоятельствам и правовой квалификации. Тождественность обвинений имеет место при неизменном описании фактических обстоятельств совершенного преступления и правовой квалификации в соответствующих процессуальных актах, вынесенных следователем и прокурором в отношении одного и того же лица. Следственное и государственное обвинение в материально-правовом смысле будут различны только в том случае, если прокурор при решении вопроса об утверждении обвинительного заключения изменил фактическую сторону обвинения или его квалификацию.

В зависимости от характера внесенных прокурором в следственное обвинение изменений последние разделяются на существенные и несущественные. При существенном изменении следственного обвинения по фактическим обстоятельствам или изменения его на более тяжкое прокурор возвращает дело органу дознания или следователю для дополнительного расследования и предъявления нового обвинения (ч. 1, ст. 231 УПК УССР). Изменение обвинения считается несущественным, если внесенные в первоначальное обвинение изменения не влекут за собой применения статьи уголовного закона с более тяжкой санкцией и не связаны с существенным изменением обвинения по фактическим обстоятельствам. При таком характере изменений, вносимых в следственное обвинение, прокурор утверждает обвинительное заключение и возбуждает государственное обвинение. Однако независимо от характера правовых последствий, наступающих в результате внесенных изменений, важно отметить, что в случае изменения прокурором следственного обвинения при утверждении обвинительного заключения возбуждаемое им государственное обвинение в материально-правовом смысле отличается от следственного.

Если рассматривать сравниваемые виды обвинения в уголовно-процессуальном аспекте, т. е. как особый вид процессуальной деятельности соответствующих органов, направленной на изобличение и доказывание виновности лица в совершении преступления с целью добиться его осуждения, исправления и перевоспитания, следует указать, что в этом плане *государственное обвинение во всех случаях отличается от следственного, так как оно осуществляется особым субъектом обвинения — прокурором и обладает своей морфологической структурой.*

Исучаемые виды обвинения отличаются и по характеру правовых последствий, наступающих для определенных лиц в связи с возбуждением каждого из названных видов обвинения.

Возбуждение следственного обвинения позволяет следователю применить к обвиняемому различные меры принуждения, а по окончании расследования направить уголовное дело

вместе с обвинительным заключением прокурору для решения вопроса о возможности его утверждения и передачи дела в суд. В случае согласия прокурора с обвинительным заключением он утверждает данный акт и тем самым возбуждает государственное обвинение, которое служит единственным основанием для направления уголовного дела в суд. Из сказанного вытекает, что следственное обвинение является первоначальным или исходным по отношению к государственному обвинению, а последнее — окончательным по отношению к следственному с точки зрения оснований направления уголовного дела в суд.

Без обвинительной деятельности прокурора следственное обвинение не может поступить в суд и рассматриваться там именно как следственное. Данный вид обвинения может быть предметом судебного разбирательства лишь после того, как оно трансформируется в установленном законом порядке в государственное обвинение. Отсюда следует, что публичное должностное обвинение в своем завершенном виде осуществляется двумя специальными субъектами: следователем (лицом, производящим дознание) и прокурором. Именно эти лица в своем единстве совершают ту совокупность действий, которая в силу их взаимосвязи и взаимообусловленности образует общую структуру публичного обвинения в советском уголовном процессе.

Анализируя вопрос о соотношении следственного и государственного обвинений, необходимо подчеркнуть, что здесь речь идет о двух самостоятельных видах обвинения, которые не могут ни отождествляться, ни противопоставляться друг другу. Несостоятельность иных вариантов соотношения следственного и государственного обвинений подтверждается следующими обстоятельствами.

Деление обвинения на следственное и государственное имеет теоретическую основу и практический смысл, который заключается в том, что эти виды обвинения представляют собой обвинения различного уровня. Следственное обвинение осуществляется от имени органа, ведущего борьбу с преступностью, а государственное — специальным органом — прокурором от имени государства по всем делам¹, независимо от ведомственной принадлежности следственного органа, в производстве которого данное дело находилось. Это обвинение более высокого уровня.

При таком двухуровневом подходе к разграничению видов публичного обвинения может показаться, что следственное обвинение не выражает интересы государства и общества. Но это не так. Отнесение следственного и государственного обвинений к одному и тому же виду (публичному обвинению)

¹ Кроме тех, которые прямо предусмотрены законом.

указывает на то, что каждое из них выражает интересы государства и общества. Однако и здесь между ними не может быть тождества. Речь идет о степени, полноте выражения публичных интересов в деятельности соответственно следователя и прокурора, осуществляющих определенный вид публичного обвинения.

В этой связи мы полностью разделяем мнение П. М. Давыдова, который полагает, что «степень официальности, глубина порицания зависят от того, на какой стадии, в каких условиях, от какого органа государства исходит обвинение» [37, с. 20].

Государственное обвинение по своему характеру является высшим уровнем публичного обвинения потому, что оно возбуждается и поддерживается специальным органом — прокурором, осуществляющим высший надзор в СССР за обеспечением законности на всей территории страны. Ему наряду с другими органами поднадзорен и следственный аппарат Союза ССР, в одном из структурных подразделений которого формулируется следственное обвинение по конкретному уголовному делу. Поскольку прокурорский надзор осуществляется от имени высшего органа Советской власти — Верховного Совета СССР, выражающего интересы всего народа, то, естественно, государственное обвинение возбуждается и поддерживается прокурором от имени Советской власти, представителя интересов советского народа. В этом плане можно утверждать, что только государственное обвинение всесторонне и полно выражает интересы государства и общества.

Практический смысл выделения различных уровней публичного обвинения заключается еще и в том, что если следственное обвинение имеет предварительный характер по делам, направляемым в суд, то государственное обвинение по этим же делам во всех случаях является окончательным для того лица, в отношении которого оно возбуждено.

При рассмотрении соотношения двух видов публичного обвинения обращает на себя внимание то обстоятельство, что следственное обвинение представляет собой не требование о наказании виновного судом, а лишь констатацию виновности определенного лица в совершении конкретного преступления. Государственное же обвинение констатирует не только виновность конкретного лица. В нем заключается требование прокурора, обращенное от имени государства к виновному понести уголовную ответственность в судебном порядке за совершенное преступление, и к суду, обязанному рассмотреть данный вопрос по существу. Как видно, по своей направленности требование прокурора является двусторонним. Оно одновременно обращено к лицу, совершившему преступление, и к суду, которому это дело подсудно, обязанному в соответст-

вии с правилами о подсудности рассмотреть его по существу. Различие указанных видов обвинения проявляется также в правовых последствиях, наступающих в связи с возбуждением каждого вида публичного обвинения.

§ 2. Сущность стадии возбуждения государственного обвинения

При теоретическом обосновании стадии возбуждения государственного обвинения некоторые вопросы, характеризующие сущность и значение данной стадии процесса, уже были рассмотрены¹. Однако они затрагивались в той мере, в какой это было необходимо для обоснования реального существования в уголовном процессе возбуждения государственного обвинения в качестве его самостоятельной стадии. Естественно, что для достижения подобного рода теоретических целей были использованы только некоторые данные, подтверждающие наличие в уголовном процессе указанной стадии. Поэтому ее сущность охарактеризована нами лишь частично. Теперь, когда созданы необходимые предпосылки для дальнейшего исследования, рассмотрим комплекс вопросов, позволяющих всесторонне и полно выяснить сущность стадии возбуждения государственного обвинения.

Для достижения этой цели прежде всего следует проанализировать всю совокупность существенных признаков, необходимо принадлежащих стадии возбуждения государственного обвинения при всех условиях, без которых данный процесс существовать не может, так как именно они выражают коренную природу названной стадии и тем самым отличают ее от других стадий советского уголовного процесса².

Сущность данной стадии процесса определяется природой того предмета, который образует ее содержание. Таким предметом является государственное обвинение. Именно оно возбуждается против конкретного лица в одноименной стадии процесса, а затем осуществляется в последующих судебных

¹ Выяснение сущности любой стадии процесса предполагает изучение всего комплекса вопросов, возникающих на данном этапе производства по делу. Поэтому все то, что рассматривается в каждой главе работы, характеризует сущность и значение данной стадии процесса. Однако указанное обстоятельство не исключает необходимости выделения проблемы сущности стадии возбуждения государственного обвинения в отдельный параграф работы, поскольку без исследования основных признаков, характеризующих сущность этой стадии, невозможно понять структуру и содержание каждой главы.

² В. Н. Кондаков называет существенным признаком такой, «который необходимо принадлежит предмету при всех условиях, без которых данный предмет существовать не может и который выражает коренную природу предмета и тем самым отличает его от предметов других видов и родов» [64, с. 578].

стадиях. Установление сущности стадии возбуждения государственного обвинения предполагает выяснение его природы.

Социальная природа государственного обвинения до сих пор не была предметом всестороннего самостоятельного исследования. В подавляющем большинстве работ государственное обвинение рассматривается как нечто данное, не вызывающее сомнения в реальности своего существования. И это верно, поскольку оно, выступая как правовая реальность, существует объективно, если возбуждается на основании закона компетентным государственным органом — прокурором. Государственное обвинение осуществляется по каждому уголовному делу¹ и в известных пределах получило свою правовую регламентацию. При всем этом нужно отметить, что до настоящего времени не выяснена социальная сущность государственного обвинения, не дано его теоретическое обоснование, неясно, почему следует говорить о государственном, а не каком-нибудь другом обозначении этого вида обвинения.

Деятельность любого государственного органа осуществляется от имени государства и в этом смысле может именоваться государственной деятельностью. Деятельность не только прокурора, но и следователя также является государственной, а осуществляемое ими обвинение выражает интересы государства и может именоваться государственным. Так и поступает М. С. Строгович, когда указывает, что государственное обвинение — это «обвинение от лица государства и в его интересах» [126, с. 232]. Однако такой подход к определению государственного обвинения, хотя и проливает свет на рассматриваемую проблему, не может быть признан достаточно полным и удовлетворительным. Дело в том, что в этом случае характеризуется государственно-правовая природа следственных, прокурорских и других государственных органов и не раскрывается социальная сущность каждого вида обвинения, в частности государственного. Решение поставленной проблемы видится в правильном определении социальной сущности органа, в деятельности которого реализуется право государства (возникающее в момент совершения преступления) на привлечение к уголовной ответственности преступника и его наказание судом. Следовательно, выявляя социальную сущность государственного обвинения, необходимо обратить внимание на государственно-правовой статус прокурора, принадлежность его к органу государственной власти. Это довольно существенный признак, характеризующий субъекта государственного обвинения, однако и он не позволяет всесторонне раскрыть государственно-правовой статус государственного обвинителя, а значит, и социальную сущность данного вида об-

---

¹ За исключением дел частного обвинения, а в случаях, предусмотренных законом (ст. 27 УПК УССР), — и по этим делам.

винения. Действительно, для прокуратуры организационно-политической базой ее образования и деятельности являются Советы народных депутатов [см. 65, с. 192]. Но сами Советы как органы государственной власти подразделяются на высшие и местные. «Высшие органы государственной власти — непосредственные выразители суверенитета, они сосредотачивают всю полноту государственной власти... Местные органы государственной власти в социалистических государствах — это представительные органы, образуемые в соответствии с административно-территориальным устройством страны» [96, с. 200—201]. Таким образом, речь должна идти о конкретном уровне государственной власти, к которому относится советская прокуратура. Правильное, определение этого уровня не представляет трудностей в силу его прямой правовой регламентации в Конституции СССР 1977 г. и конституциях союзных республик. Но его нужно обязательно указать, поскольку иногда утверждают, что любой орган государства, на который возложена реализация его функций, выступает органом государственной власти. Исходя из такого рода концепций, можно сделать вывод о том, что прокуратура — орган власти. И. Д. Перлов не только так и поступил, но и пошел дальше. По его мнению, «прокуратура является одновременно и органом государственной власти, и органом государственного управления» [24, с. 25]. Если согласиться с автором, то следует заключить, что в уголовном процессе государственное обвинение осуществляется прокурором «одновременно» от имени органа власти и от имени органа государственного управления. Такого рода утверждения не верны, поскольку нет ни практической необходимости, ни политической целесообразности осуществлять прокурору свою деятельность, а значит, и государственное обвинение сразу от имени двух органов — власти и управления. Кроме того, подобная позиция противоречит основным положениям государственного и административного права, а также теории государства и права. Именно поэтому в юридической литературе она была подвергнута справедливой критике [см. 65, с. 185].

Приведенные утверждения неправильны и с точки зрения закона. В соответствии со ст. 165 Конституции СССР 1977 г. Генеральный прокурор назначается Верховным Советом СССР. Этому органу прокурор и подотчетен. Следовательно, прокуратуру необходимо рассматривать как надзорный орган Верховного Совета СССР. Поскольку, однако, органы прокуратуры осуществляют свою надзорную деятельность на территории соответствующей республики, каждая из которых имеет материальное и процессуальное законодательство, возникает вопрос, от имени какой власти (Союза ССР или союзной рес-

публики) прокурор осуществляет государственное обвинение в уголовном процессе. Он должен решаться с учетом правовой регламентации деятельности советской прокуратуры. Здесь мы полностью разделяем точку зрения авторов учебника «Прокурорский надзор в СССР». По их мнению, Конституция СССР и специальные правовые акты выделяют прокуратуру в самостоятельную систему государственных органов, а прокурорский надзор — в самостоятельную форму государственной деятельности. Прокуратура не входит ни в систему органов государственной власти, ни в систему органов государственного управления. Она представляет собой самостоятельную единую централизованную систему, возглавляемую Генеральным прокурором СССР, который назначается Верховным Советом СССР и ему подотчетен [см. 101, с. 18].

Как видно, прокуратура осуществляет свои надзорные полномочия от имени Верховного Совета СССР. Но поскольку осуществление государственного обвинения также возложено на прокуратуру, следует заключить, что и этот вид государственной деятельности осуществляется от имени Верховного Совета СССР. В таком решении вопроса содержатся глубокий социальный смысл и политическая направленность, которые в советском уголовном процессе получают свое выражение в стадии возбуждения государственного обвинения. Одна из сторон ее сущности характеризуется деятельностью прокурора, который впервые осуществляет здесь самостоятельное производство по делу от имени и в интересах Советского государства, полноправного выразителя интересов всего советского народа. Это первое обстоятельство, которое необходимо выделить при анализе сущности стадии возбуждения государственного обвинения. Второе же обстоятельство, характеризующее сущность данной стадии процесса, связано с реализацией права Советского государства на привлечение лица, виновного в совершении преступления, к уголовной ответственности. Здесь через прокурора в уголовном процессе реализуется право государства на привлечение преступника к уголовной ответственности, возникшее в момент совершения последним уголовно наказуемого деяния. Нужно также отметить, что именно в стадии возбуждения государственного обвинения указанное право государства получает свое материализованное выражение в акте привлечения лица к уголовной ответственности, связанном с возбуждением против него государственного обвинения.

Особое положение прокурора в механизме советского социалистического государства обуславливает и его особое положение в системе субъектов, ведущих процесс, а значит, и специфическую сущность стадии возбуждения государственного обвинения.

ного обвинения, в которой прокурор осуществляет свою процессуальную деятельность¹.

Сущность и специфика данной стадии процесса предопределяются тем видом обвинения, которое именуется государственным и возникает в рассматриваемой стадии процесса в момент его возбуждения прокурором в установленном законом порядке. Следовательно, неправильно было бы сводить сущность указанной стадии к одноактным действиям прокурора, связанным с утверждением обвинительного заключения и возбуждением государственного обвинения.

Поскольку здесь исследуется самостоятельная стадия, то ее структура, а значит, и сущность могут быть выражены в анализе того процесса, который образует ее содержание.

Каждый процесс имеет свои границы, состоит из специфической деятельности, осуществляемой конкретными субъектами, и тех правоотношений, которые здесь возникают, развиваются, и, наконец, получают свое завершение или переходят в другие стадии процесса. О границах данной стадии мы говорили. Они еще будут предметом самостоятельного исследования, поскольку их точное определение имеет непосредственное практическое значение. Здесь же укажем, что процессуальная деятельность и связанные с ней правоотношения, образующие структуру и содержание этой стадии, осуществляются в определенных границах. Их специфика выражается в том, что в связи с завершением прокурором производства по делу в данной стадии процесса они не прекращаются. Напротив, вместе с уголовным делом, направляемым прокурором в суд, они переходят в судебные стадии процесса, где в специфических условиях проверяются законность и обоснованность их возникновения, наличие достаточных оснований для их продолжения и развития. Следовательно, речь идет о правоотношениях, которые носят длящийся характер и существуют они до тех пор, пока уголовная ответственность преступника не будет реализована.

Каждая стадия процесса имеет свою, т. е. присущую только ей структуру, которая также характеризует сущность соот-

¹ Являясь непосредственным представителем законодательной власти в системе органов, ведущих процесс, и занимая в ней особое положение органа надзора за обеспечением законности в уголовно-процессуальной деятельности, прокурор в целях эффективности осуществления своих функций должен обладать правом личной неприкосновенности, т. е. своеобразным должностным иммунитетом. В новом Законе о прокуратуре СССР было бы целесообразным *предусмотреть право личной неприкосновенности прокурора*, которое должно выражаться в особом порядке привлечения прокуроров к уголовной ответственности или их ареста лишь с разрешения Верховного Совета СССР или его Президиума. Существование такого порядка в отношении постоянно действующих судей показало его практическую целесообразность, поскольку он выражает одну из реально существующих гарантий независимости судей и подчинения их только закону.

ветствующей стадии процесса. Своей структурой обладает и стадия возбуждения государственного обвинения. Она образуется совокупностью действий, совершаемых прокурором с целью решения им всего комплекса стоящих перед данной стадией задач. Здесь есть такие, которые относятся к исходным границам стадии или к первоначальным действиям прокурора; характеризуют деятельность прокурора, связанную с окончанием производства по делу, а также те, которые имеют как бы промежуточный характер, поскольку они осуществляются между исходными и конечными границами стадии.

Объединение действий по признаку их сходства и различия позволяет выделить определенные виды деятельности, каждый из которых образует относительно самостоятельный этап производства по делу, осуществляемый в указанной стадии процесса. Совокупность исходных действий прокурора связана с принятием к своему производству уголовного дела, поступившего от следователя. Действующее законодательство не содержит норм, регламентирующих порядок принятия дела к своему производству и форму процессуального акта, в которую облекается принимаемое прокурором решение. На практике такие решения прокурор фактически принимает и лишь после этого приступает к самостоятельному производству по делу. Полагаем, что первый этап производства по делу должен получить свою правовую регламентацию, которая бы предусматривала вынесение прокурором постановления о принятии дела к своему производству. Это будет дисциплинировать прокурора, повышать чувство его ответственности за результаты осуществляемого им самостоятельного производства по конкретному уголовному делу, а также четко определять исходные границы стадии возбуждения государственного обвинения, время возникновения правоотношений между прокурором, следователем, обвиняемым и другими субъектами уголовно-процессуальной деятельности.

Второй этап производства по делу связан с реализацией прокурором своих надзорных полномочий и решением контрольно-познавательных задач, стоящих перед данной стадией процесса. Следует отметить, что именно совокупность контрольно-познавательных действий образует содержание второго этапа процессуальной деятельности прокурора, осуществляемой в данной стадии процесса. По своему объему эта деятельность доминирует над другими видами уголовно-процессуальной деятельности и имеет важное значение для решения всего комплекса задач рассматриваемой стадии процесса. При этом реализуются надзорные полномочия прокурора, входящие в содержание его надзорной функции, осуществление которой предопределяет специфику анализируемой стадии процесса.

Содержание третьего этапа прокурорской деятельности образует совокупность тех действий, которые связаны с принятием прокурором системы процессуальных решений по результатам произведенной им деятельности.

Среди совокупности принимаемых прокурором решений основным является решение об утверждении обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения. В случае отсутствия для этого достаточных оснований прокурор принимает решение о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным законом (ст. 213 УПК УССР, ст. 208 УПК РСФСР). Возможность принятия прокурором таких решений не изменяет сущности данной стадии процесса, поскольку ее природа зависит от ведущего вида осуществляемой здесь процессуальной деятельности и характера тех решений, которые актуализируют направление развития процесса. Таким ведущим видом деятельности прокурора выступает познание, направленное на определение законности и обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого, всего предварительного расследования с целью решения вопроса о возможности утверждения обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения. Это направление деятельности прокурора является ведущим, обуславливает его перерастание в обвинительную деятельность прокурора, которая берет свое начало с принятого им решения об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения. Именно данное решение прокурора актуализирует всю последующую его деятельность, выражая сущность той стадии, в которой оно было принято.

При установлении: 1) существенной неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании; 2) существенного нарушения уголовно-процессуального закона при производстве дознания или предварительного следствия; 3) наличия оснований для предъявления другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо его изменения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении; 4) неправильного соединения или разъединения дела прокурор принимает решение о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование органу дознания или следователю (ст. 229 УПК УССР, ст. 214 УПК РСФСР). Для повышения эффективности прокурорской деятельности, обеспечения ее законности и обоснованности представляется целесообразным дополнить действующее законодательство специальной нормой, в которой были бы полно изложены основания возвращения прокурором уголовного дела для производства дополнительного расследования.

С учетом обстоятельств уголовного дела возможно также принятие прокурором иных решений, в частности об избрании, изменении или отмене меры пресечения; принятии мер кустрации причин и условий, способствующих совершению преступления; удовлетворении или отказе в нем жалоб на действия следователя или лица, производившего дознание, составлении нового обвинительного заключения; отмене незаконных или необоснованных постановлений следователя и органа дознания (п. 4, ч. 3, ст. 227 УПК УССР; п. «Д» ч. 2, ст. 211 УПК РСФСР). Наконец, в этой же стадии процесса прокурор может принять решение о возбуждении уголовного дела против новых лиц, информация о совершении преступления которыми вытекает из материалов конкретного уголовного дела. Принятие прокурором совокупности названных решений характеризует социальную роль его процессуальной деятельности в данной стадии, а также ее значение в системе процессуальных стадий.

Четвертый этап производства по делу образуют действия прокурора, связанные с его подготовкой к осуществлению функций надзора и государственного обвинения в судебных стадиях процесса. Результаты указанной деятельности прокурора находят свое отражение в его надзорном производстве, в котором должны находиться копии принятых им решений по уголовному делу, а также иные материалы, свидетельствующие о его подготовке к участию в рассмотрении этого дела в судебных стадиях процесса.

Пятый, последний этап деятельности прокурора обусловлен его действиями, связанными с переводом возбужденного им государственного обвинения в суд для решения вопроса о принятии его судом к своему разрешению и предании обвиняемого суду. Важность этих действий прокурора предопределяется тем, что именно они выражают намерение и готовность прокурора к поддержанию государственного обвинения в судебных стадиях процесса, порождая особые правовые отношения между прокурором и судом.

Все названные этапы тесно взаимосвязаны и только в своем единстве образуют содержание той стадии, которая именуется возбуждением государственного обвинения.

В соответствии с совокупностью действий и принятых прокурором решений возникает целостная система уголовно-процессуальных отношений, субъектами которых являются, с одной стороны, прокурор, а с другой — следователь, обвиняемый и его защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, судья (или суд). В зависимости от характера принятых решений в правовые отношения с прокурором могут вступать представители коллектива трудящихся (при прекращении дела с передачей виновного на поруки); общественные организации, когда принимаются

меры к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления; представители общественности (в случае прекращения дела с передачей материалов в товарищеский суд); должностные лица различных учреждений, предприятий и организаций, чьи интересы затрагиваются решениями прокурора, или те лица, кому они направляются для исполнения (руководитель организации, в которую прокурор внес представление или его постановление об отстранении обвиняемого от должности и т. д.).

Не все отношения, возникающие между прокурором и названными лицами, одинаковы по своему характеру. Основными среди них являются отношения прокурора с лицом, против которого им возбуждено государственное обвинение, со следователем, осуществляющим производство по делу в предшествовавшей стадии процесса, и судом, в производство которого дело поступает после перевода его прокурором в соответствии с правилами о подсудности. Именно эти правоотношения придают данной стадии свою специфику, выражают определенный аспект ее сущности. Вместе с тем необходимо отметить, что только реализация всего комплекса правоотношений, в которые прокурор вступает в стадии возбуждения государственного обвинения, позволяет решить соответствующие задачи. Поэтому прокурор должен обеспечить выполнение всеми правовыми отношениями своего функционального назначения.

Сущность любой стадии характеризуется спецификой проявления в ней в ходе осуществления деятельности, образующей ее содержание, функциональных характеристик общих принципов советского уголовного процесса. Обладая определенной сущностью, каждый принцип процесса по-разному проявляет свое действие в той или иной стадии. Это зависит от условий осуществления деятельности в указанной стадии процесса, в ходе которой реализуются конкретные принципы.

Сущность общих принципов процесса достаточно детально исследована учеными-процессуалистами [см. 148, 119, 38, 144, 35, 158, 110, 132, 135, 34]. За последние годы литература по этому вопросу пополнилась новыми работами [см. 41, 7], хотя еще рано утверждать об исчерпывающей разработке данной проблемы. Именно поэтому справедливо указывается, что «еще недостаточно раскрыто значение принципов для всей уголовно-процессуальной деятельности и отдельных ее стадий» [7, с. 6]. В плане настоящего исследования целесообразно рассмотреть проявление общих принципов процесса в стадии возбуждения государственного обвинения.

Анализ поставленного вопроса применительно к другим стадиям процесса привел к получению двух важных теоретических выводов, правильная интерпретация которых имеет непосредственное практическое значение. Прежде всего справедливо утверждается, что общие принципы советского уго-

ловного процесса действуют на всех его отдельных стадиях. Отсюда Г. Н. Агеева заключает, что «для всего уголовного судопроизводства принципы едины. Это единство принципов определяется единством задач уголовного судопроизводства (ст. 2 Основ) и единством полномочий государственных органов (ст. 3 Основ), направленностью всего процесса на борьбу с преступлениями» [7, с. 23]. Другие исследователи полагают, что общность принципов процесса не исключает общих специфических положений, присущих отдельным его стадиям. Такой подход представляется нам более предпочтительным, поскольку он отражает реальное существование специфики отдельных стадий процесса. Хотя в ней и проявляется действие общих принципов процесса, она не исключает существования таких закономерностей, которые присущи только данной стадии.

Указанное обстоятельство было замечено М. А. Чельцовым, который в 1951 г. установил такие закономерности в стадии предварительного расследования и назвал их в отличие от принципов процесса «общими условиями предварительного расследования» [147, с. 234—242]. Эта идея оказалась плодотворной и спустя пять лет И. Д. Перлов сформулировал общие условия судебного разбирательства [см. 104, с. 17], характеристика которых выходит за пределы настоящей работы. Но применительно к теме исследования важно подчеркнуть, что следующим шагом в развитии рассматриваемой идеи явилось признание за названными общими условиями статуса принципа конкретной стадии процесса. В советской процессуальной литературе эта концепция впервые была предложена М. С. Строговичем в 1968 г. [см. 126, с. 51—66]. Правда, эти отдельные принципы автор формулирует применительно к стадии предварительного расследования, что расценивается некоторыми учеными как слабость самой теоретической концепции [см. 7, с. 24]. Мы полагаем, что указание М. С. Строговича на объективность следствия, его полноту, активность и быстроту имеет иллюстративный характер для идеи реального существования в уголовном процессе принципов отдельных его стадий.

Разделяя концепцию М. С. Строговича, укажем, что при всей спорности общих положений, которые он относит к принципам стадии предварительного расследования, обоснованной представляется сама идея реального существования в той или иной стадии своих собственных принципов. Она базируется на диалектическом понимании соотношения общего и особенного в уголовном процессе, на признании реального существования той специфики стадии, через которую действие общих принципов процесса проявляет новые стороны своей сущности. Противники выделения принципов отдельных стадий обосновывают идею их единства единством общих задач процесса

и полномочий государственных органов, ведущих борьбу с преступностью. Но при этом они оставляют в стороне реальное существование системы частных задач и специфических полномочий органов, ведущих процесс, в каждой его отдельной стадии, которые в конечном счете не только не исключают, но и обуславливают существование общих положений той или иной стадии, а значит, и *необходимость выделения частных принципов процесса*. Наименование указанных принципов частными подчеркивает их локальный характер по отношению к принципам советского уголовного процесса. Такие же частные принципы свойственны и стадии возбуждения государственного обвинения.

Обращая внимание на действующие в данной стадии процесса общие принципы советской процессуальной системы¹, укажем, что к числу принципов стадии возбуждения государственного обвинения относятся следующие: 1) возбуждение государственного обвинения полномочным должностным лицом — прокурором; 2) независимость прокурора при осуществлении государственного обвинения в советском уголовном процессе; 3) недопустимость ухудшения положения обвиняемого при возбуждении государственного обвинения; 4) обеспечение полноты предварительного расследования; 5) осуществление обвинительной деятельности на началах равенства всех граждан перед прокурором, возбуждающим государственное обвинение на основании закона и фактических обстоятельств дела, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальности, расовой принадлежности, вероисповедания; 6) предупреждение привлечения к уголовной ответственности невиновного и возбуждение государственного обвинения против действительно виновного лица.

¹ В последнее время система принципов советского уголовного процесса наиболее обстоятельно исследована Т. Н. Добровольской. Из семнадцати положений, которые она рассматривает в качестве общих принципов советского уголовного процесса, девять непосредственно действуют в стадии возбуждения государственного обвинения. К ним относятся: 1) осуществление всей процессуальной деятельности в соответствии с законом (ст. 4, 10, 19, 20, 31, 43, 44 Основ); 2) публичность (официальность) процессуальной деятельности государственных органов, уполномоченных вести борьбу с преступностью (ст. 30 Основ); 3) осуществление производства по делу на языке союзной или автономной республики, автономной области или национального округа или большинства населения данной местности; 4) обеспечение обвиняемому права на защиту (ст. 57 Конституции СССР 1977 г., ст. 55 Конституции Украинской ССР 1978 г., ст. 13, 21, 22, 27, 39 Основ); 5) презумпция невиновности обвиняемого (ст. 2, 14, ст. 2, 15, 36, 43 Основ); 6) принцип объективной истины (ст. 2, 14, 17, 43 Основ); 7) гласность процесса; 8) участие общественности в возбуждении расследования и рассмотрении уголовных дел (ст. 41 Основ); 9) непосредственность исследования доказательств (ст. 37, 43 Основ). Другие положения, выдвигаемые автором в качестве принципов процесса, рассчитаны на их действие в судебных стадиях процесса [см. 41].

Объективное существование этих принципов в стадии возбуждения государственного обвинения предопределено спецификой полномочий прокурора в данной стадии процесса и особенностями тех частных задач, которые здесь решаются. Подобно тому, как частные задачи производны от общих задач процесса и служат их разрешению, названные частные принципы являются выражением общих принципов процесса, обеспечивают их реализацию в ходе поступательного развития уголовно-процессуальной деятельности.

Следовательно, *речь идет не только о взаимосвязи, но и о взаимозависимости частных и общих принципов процесса, единство которых образует целостную иерархическую систему принципов.* Их совместное функционирование способствует выполнению стадий возбуждения государственного обвинения стоящих перед ней задач, предопределяет ее демократическую сущность и значение в общей системе стадий советского уголовного процесса.

§ 3. Границы стадии возбуждения государственного обвинения

Каждая стадия имеет свои границы. Не составляет исключения в этом плане и стадия возбуждения государственного обвинения. Вместе с тем для нее данный вопрос принципиален, так как публичное обвинение, возникнув до стадий возбуждения государственного обвинения, впоследствии реализуется в судебных стадиях процесса. В связи с этим пространственно-временные пределы исследуемой стадии нельзя признать очевидными. Постановка вопроса о границах стадии возбуждения государственного обвинения вполне оправдана и ее правильное решение имеет важное значение для осуществления прокурором своей практической деятельности с целью определения места возникновения государственного обвинения и соответствующей стадии в общей системе стадий советского уголовного процесса. Прежде всего укажем на необходимость различать *нормативные, гносеологические и фактические границы стадии.*

Нормативные пределы регламентированы действующим уголовно-процессуальным законодательством. Именно в законе четко устанавливаются орган и время осуществления производства по делу. Следует отметить, что правовая регламентация пространственно-временных пределов не является единой для всех стадий процесса. Указанное обстоятельство нужно особо подчеркнуть применительно к правовой регламентации порядка продления сроков производства по делу. Наиболее детально регламентированы границы предварительного следствия, для увеличения которых предусмотрен спе-

пиальный процессуальный порядок. Что касается судебных стадий процесса, то в законе отсутствует детальная регламентация их пространственно-временных границ.

Нормативные границы стадии возбуждения государственного обвинения определены ст. 233 УПК УССР (ст. 214 УПК РСФСР), в соответствии с которой прокурор, получив дело от органа дознания или следователя, обязан в срок не более пяти дней рассмотреть и дать ему надлежащее направление. Сопоставление этого срока со сроками производства по делу в других стадиях процесса свидетельствует о том, что он минимален, а продление его законом не предусмотрено. Между тем такое однозначное для всех случаев решение вопроса не отвечает интересам всестороннего, полного и объективного познания обстоятельств дела. Данное требование полностью распространяется и на познавательную деятельность прокурора. Установить истину можно в определенные сроки с учетом сложности уголовного дела. Не вызывает сомнения, что для исследования прокурором всех обстоятельств по многотомному делу требуется больше времени, чем его отводится на несложное дело, поступившее к нему от органов дознания. В этой связи было бы целесообразным предусмотреть в законе дифференцированные сроки, предоставив право прокурору продлять их до определенных пределов с учетом сложности и трудности уголовного дела.

Обстоятельства дела выясняются в каждой стадии процесса. Естественно, все стадии имеют свои гносеологические пределы, которые выражаются в решении соответствующих вопросов в начальный момент производства по делу и достигнутым знанием при его завершении. Существование таких пределов — факт, требующий глубокого изучения. Между тем данный вопрос до настоящего времени не был предметом специального исследования. Мы не ставим задачу всесторонне проанализировать его, поскольку это выходит за пределы нашей работы. Однако каждое исследование конкретной стадии должно в той или иной степени затрагивать и указанную проблему. Прежде всего следует отметить, что гносеологические и нормативные пределы стадии находятся в определенном соотношении, которое, как правило, выражается в их совпадении. О фактическом совпадении названных пределов убедительно свидетельствует следственно-прокурорская практика. По подавляющему большинству уголовных дел расследование, а также проверка обвинительного заключения прокурором проводились в установленные законом сроки. Однако иногда заключать решение этих пределов в свои сроки не представлялось возможным, что обуславливалось сложностью или трудоемкостью уголовного дела. В связи со сказанным возникает необходимость увеличения сроков производства по делу, прежде

всего его гносеологических пределов. Следовательно, продление пространственно-временных пределов стадии предопределено необходимостью расширения гносеологических пределов. Изучение уголовных дел показало, что продление по ним сроков предварительного расследования во всех случаях вызывалось потребностями решения конкретных познавательных задач, т. е. обеспечением полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела. Очевидно, именно всестороннее познание всех обстоятельств дела, решение на этой основе задач уголовного процесса — объективная основа сокращения пространственно-временных границ конкретной стадии процесса. По нашему мнению, более глубокое изучение указанного соотношения названных пределов позволяет найти новое направление сокращения процесса познания и ускорения производства по делу. Здесь следует особо отметить, что фактические границы той или иной стадии процесса предопределяются реальным соотношением нормативных и гносеологических пределов конкретной стадии. Данное обстоятельство должно каждый раз учитываться при производстве по делу. Его игнорирование приведет (и приводит) к формализму, установлению однообразных сроков производства по делу.

Изложенные положения общие для характеристики пространственно-временных пределов любой стадии процесса. В этом плане они характеризуют также границы стадии возбуждения государственного обвинения. Однако здесь имеется ряд вопросов, специфических для данной стадии, и именно они должны быть предметом дальнейшего исследования. Прежде всего нуждается в уточнении начальный момент стадии возбуждения государственного обвинения. Решение данной проблемы особенно необходимо, поскольку некоторые ученые включают действия прокурора, относящиеся к стадии возбуждения государственного обвинения, в последний этап стадии предварительного расследования.

В. А. Стрёмовский, например, «рассмотрение прокурором уголовного дела для принятия решения о его дальнейшем направлении» [128, с. 35] относит к стадии предварительного расследования в качестве ее последней, шестой части. Ф. Н. Фаткуллин в работе, посвященной изменению обвинения в советском уголовном процессе, рассматривает полномочия прокурора при решении возникающих в этой связи вопросов в главе «Изменение обвинения в стадии предварительного расследования» [см. 140, с. 163]. Не проводит четкого разграничения между двумя названными процессами и В. М. Савицкий. По его мнению, ни одно уголовное дело не может попасть в суд, минуя прокурора, так как «именно ему на заключительном этапе расследования принадлежит право распоряжаться судьбой дела» [117, с. 135]. Следует полностью согласиться с тем, что уголовное дело может поступить в суд только

через прокурора. Но не правомерно относить деятельность прокурора, связанную с утверждением обвинительного заключения, к стадии предварительного расследования. Эту ошибку В. М. Савицкий повторяет и в новой своей работе, ибо деятельность прокурора, связанную с утверждением обвинительного заключения, он относит к стадии предварительного расследования. Автор пишет: «В стадии предварительного следствия проверка законченного расследования возложена на прокурора» [118, с. 226]. При таком подходе границы стадии возбуждения государственного обвинения оказываются размытыми, неопределенными, что приводит к смешению качественно разнородной деятельности, осуществляемой различными по своему процессуальному положению субъектами. Именно это обстоятельство является одним из факторов, который обусловил неправильный вывод об отнесении деятельности прокурора по утверждению обвинительного заключения к стадии предварительного расследования. Анализируя эти ошибочные выводы, Н. П. Подольная справедливо указывает, что из такой конструкции логически следует, что этот этап должен иметь место в пределах каждого ведомства, компетентного расследовать уголовные дела (МВД, КГБ, прокуратура). Но «по окончании расследования в пределах одного ведомства остаются только уголовные дела, поступившие к прокурору от следователей прокуратуры. В остальных случаях они выбывают не только из производства следователя, но и ведомства. Получается, что предварительное расследование как обособленный этап уголовного процесса, осуществляемый органами внутренних дел и государственной безопасности, не имеет заключительной части, и для завершения предварительного расследования уголовное дело должно направляться в другой орган — прокурору. Такая трактовка противоречит понятию стадии процесса и подтверждает тезис, что проверка дела с обвинительным заключением является самостоятельной стадией советского уголовного процесса» [102, с. 8]. Очень убедительные доводы. Однако автор делает в работе такие выводы, которые явно противоречат ее же позиции.

Н. П. Подольная полагает, что «обвинительное заключение является актом обвинительной власти, и поэтому не может являться итоговым документом стадии предварительного расследования, так же как не является основанием для проверки прокурором уголовного дела» [102, с. 7]. Она предлагает «дополнить уголовно-процессуальный кодекс статьей, предусматривающей обязанность следователя составлять процессуальный документ (постановление), в котором он должен констатировать выполнение задач предварительного расследования» [102, с. 7]. О необходимости вынесения подобного постановления уже говорилось в нашей литературе. Однако это должно

иметь место не взамен обвинительного заключения, а наряду с ним. Каждый из указанных процессуальных актов имеет свое функциональное назначение и составление одного не исключает вынесения (составления) следователем другого.

Правовая регламентация окончания следователем производства по делу позволяет выделить две группы действий, образующих содержание двух взаимосвязанных, но относительно самостоятельных этапов. Первый этап — ознакомление заинтересованных лиц с материалами окончательного производством уголовного дела (ст. 217, 218 УПК УССР, ст. 200—203 УПК РСФСР), второй — составление обвинительного заключения и направление его вместе с делом прокурору для утверждения. Исходные границы первого этапа следует связывать с решением следователя об окончании расследования, отражаемого в его постановлении, а конечные — с протоколом ознакомления заинтересованных лиц с материалами уголовного дела.

В указанном постановлении должны содержаться все решения, вытекающие из ст. 217, 218 УПК УССР (ст. 200—203 УПК РСФСР). При этом составляемый следователем протокол об ознакомлении потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и обвиняемого с материалами дела будет свидетельствовать о выполнении принятых ранее об этом решений. Обвинительное заключение также констатирует факт окончания производства по делу, но подводит итоги не всему производству, а только обвинительной деятельности следователя, т. е. осуществлению отдельной его функции. Данный акт имеет четко выраженный обвинительный характер и поэтому именуется обвинительным заключением.

В соответствии со ст. 225 УПК УССР (ст. 207 УПК РСФСР) после подписания обвинительного заключения следователь направляет дело прокурору. Значит, начальным этапом стадии возбуждения государственного обвинения и нижним пределом пространственно-временных границ данной стадии является момент получения прокурором уголовного дела от следователя для решения вопроса о возможности утверждения обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения или отказа в этом. Мы полагаем, что нижняя граница названной стадии была бы определена более четко, если бы получила надлежащее процессуальное оформление. Решение этого вопроса имеет большое значение, поскольку с момента принятия дела прокурором к своему производству закон связывает многие правовые последствия. Прежде всего именно с данного момента не только между следователем и прокурором, но и между прокурором и другими участниками процесса возникают определенные (уголовно-процессуальные) отношения. Считаем, что процессуальное оформление самого факта и времени принятия прокурором уголовного дела к своему произ-

водству, а следовательно, и определение нижней, исходной границы стадии возбуждения государственного обвинения должно осуществляться вынесением прокурором соответствующего постановления. Это вполне логично, так как достижение конечного предела данной стадии констатируется прокурором вынесением различного рода постановлений (ст. 229 УПК УССР, ст. 214 УПК РСФСР), а ее начальный момент не получает при этом никакого процессуального оформления.

§ 4. Задачи стадии возбуждения государственного обвинения

В системе советского уголовного процесса нет и не может быть таких стадий, которые не имели бы своих задач. Отсутствие специфических задач для конкретного этапа производства по делу указывает на отсутствие объективных оснований для выделения определенного процесса в самостоятельную стадию. Поэтому каждая стадия отличается от любой другой спецификой своих процессуальных задач. Для иллюстрации изложенных положений нет необходимости выяснять специфику задач каждой стадии процесса. Подобный подход увел бы далеко в сторону от целей данной работы. Но в плане темы настоящего исследования целесообразно указать на задачи двух смежных стадий — предварительного расследования и предания суду. Это необходимо в частности для того, чтобы показать специфичность задач стадии возбуждения государственного обвинения и несовпадение их с задачами двух других смежных стадий. Сказанное позволит еще раз, но уже по другим основаниям индивидуализировать стадию возбуждения государственного обвинения, показать ее самостоятельность в общей системе стадий советского уголовного процесса. Конкретизация места данной стадии в общей системе процессуальных стадий, в свою очередь, дает возможность указать место, которое занимают задачи рассматриваемой стадии в системе общих правовых задач, разрешаемых в советском уголовном процессе. «А отыскать место, которое занимает эта или иная задача — значит в значительной степени охарактеризовать ее сущность» [68, с. 10].

Прежде всего выясним, что следует понимать под задачей в советском уголовном процессе. В русском языке задачей называется «то, что требует исполнения, разрешения» [93, с. 187]. Здесь кратко, но достаточно точно обращается внимание на некоторые существенные элементы (свойства) задачи. Она отражает то, что должен, обязан достичь субъект в результате своей деятельности. Подчеркивая этот момент, характеризующий любую социальную задачу, В. И. Куценко пишет, что она «представляет собой наиболее общую, интегрирующую

форму социального долженствования. Субъект должен подчинить свое поведение ее требованиям» [68, с. 187], т. е. сделать то, что с достаточной полнотой и всесторонностью отражает содержание задачи, реализация которой предполагает достижение определенной цели. Указать на цель очень важно, ибо задача всегда включает в себя определенную цель, достигаемую осуществлением конкретного вида деятельности. Поэтому можно утверждать, что любая правовая задача характеризует статическое состояние тех видов деятельности, которые должны быть выполнены в будущем как объективная необходимость, без реализации которой невозможно решить соответствующую задачу. Подчеркивая отраженный в задачах деятельный момент, правомерно говорить о них как о задачах функционирования уголовно-процессуальной деятельности, или о функциональных задачах процесса.

Однако связь задачи с целью не дает оснований для отождествления этих самостоятельных понятий, что нередко допускается в специальной литературе. Так, В. Т. Томин и Б. Т. Безлепкин, обращая внимание на взаимосвязь понятий цель и задача, пишут, что «цель — это то, к чему стремятся, что надо осуществить, иначе говоря, результат или идеальное предвосхищение результата, на достижение которого направлены действия. Под задачей же понимается цель, достижение которой желательно к определенному моменту времени» [131, с. 138]. При всей лаконичности обоих определений первое из них не только конкретно по форме, но в целом верно и по существу, так как цель действительно представляет собой идеальное предвосхищение результата, на достижение которого направлены действия субъекта¹. Второе определение задачи, хотя и отличается той же лапидарностью, имеет существенные недостатки. Помимо отождествления задачи с целью, что на наш взгляд является неверным, здесь нивелированы объективные основы задачи, указывающие на необходимость, а не на желательность совершения тех или иных действий для достижения общественно значимого результата. «Социальная задача — это понятие, отражающее необходимость для субъекта (общества, социальной общности, личности) осуществить в будущем определенную деятельность» [68, с. 5]. Именно указанное обстоятельство должно найти отражение в определении любой, в том числе правовой, задачи, разрешаемой в уголовном процессе.

---

¹ Для уточнения укажем, что в определении понятия цели речь во всех случаях должна идти о необходимом результате, ибо «цель представляет собой отражение таких и только таких явлений, которые в отношении к действиям живого существа есть не просто их результат, а потребный, нужный (от слова «нужда») ему результат. Цель является, короче говоря, образом, информационной моделью только желаемого результата» [32, с. 115].

Но не только в этом состоит слабость анализируемых определений. Главное заключается в том, что ни одно из них не указывает на такие существенные элементы задачи, как наличие определенных условий и того, что требуется установить. При их отсутствии, хотим мы этого или нет, наше внимание акцентируется только на цели и той деятельности, с помощью которой названная цель будет достигнута. Между тем подобное отождествление недопустимо ни в процессуальной науке, ни на практике, ни в работе органов, ведущих борьбу с преступностью. Поэтому в специальной литературе делаются попытки произвести четкое вычленивание задачи из общей деятельности, именуемой экономистами «работой». Ю. Рудаков обращает внимание на то, что «при выделении «задачи» из «работы» нужно руководствоваться возможностью ее формулирования в терминах «дано — требуется определить» [114, с. 143—144]. Следовательно, по мысли автора, основными элементами задачи являются ее требования (то, что «требуется определить») и условия (то, что «дано»). Эти элементы действительно главные, без них нет и не может быть задачи. Однако указание только на них не позволяет дать полную характеристику правовой задачи. Если «задача» представляет собой наиболее общую, интегрирующую форму социального должноствоания» [68, с. 5], то одним из ее характерологических признаков должно быть указание на объективную необходимость ее решения, независимость ее содержания от субъекта деятельности, направленной на ее разрешение. При этом решение задачи (во всяком случае в советском уголовном процессе) не может быть произвольным. Оно всегда должно осуществляться по определенным правилам.

В уголовном процессе задачи и правила их решения регламентированы законом, вследствие чего они имеют правовой характер. Это обстоятельство должно быть отражено в понятии правовой задачи в советском уголовном процессе. По существу та *процедура, осуществление которой связано с производством по делу, представляет собой специальные правила решения правовых задач в уголовном процессе*. В каждой стадии они обладают известной спецификой, которая обуславливается характером разрешаемых здесь задач и особым местом каждой стадии процесса в общей системе других стадий. Совокупность правил решения задач всех стадий образует в своем единстве общую систему правил решения правовых задач в советском уголовном процессе.

В системе указанных правил особую роль играют принципы уголовного процесса, которые, пронизывая всю деятельность, направленную на решение правовых задач, в плане настоящего исследования могут рассматриваться в качестве *общих принципов решения правовых задач* в советском уголовном процессе. Если недопустимо отождествление правовой

задачи с целями уголовного процесса, то тем более неправомерно отождествлять цели и задачи с принципами советского уголовного процесса и с принципами уголовно-процессуального права¹.

Отметим, что независимо от того, идет речь о ближайших или конечных целях, текущих или перспективных задачах, принципах советского уголовного процесса либо принципах отдельных его стадий, все они, хотя и находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, обязательно обладают определенной самостоятельностью.

Решая вопрос соотношения названных понятий, нужно руководствоваться указаниями В. И. Ленина о том, что «основные положения и цели — две разные вещи... Принципы — это не цель»... [2, т. 44, с. 24]. Эти идеи удачно использует П. С. Элькинд при анализе соотношения целей уголовно-процессуального регулирования и принципов уголовного судопроизводства. Полностью разделяя такой подход, отметим, что если «категория «цель» отвечает на вопрос, на что направлена деятельность, а категория «принцип» — как, каким образом она осуществляется» [158, с. 31], то категория «задача» указывает на то, что необходимо или что требуется решить. Нужно указать, что *правовая задача выполняет специфическую регулятивную функцию*, предопределяя развитие процессуальной деятельности прокурора в направлении, способствующем решению задачи адекватно ее требованиям и условиям. Однако наличие у задачи этой функции не обуславливает достижение при любых условиях и в каждом отдельном случае поставленной цели вне творческого подхода прокурора к решению данной задачи. Отсюда следует, что не всякая деятельность, хотя и направленная на решение конкретной задачи и приводящая к достижению определенной цели, характеризует решение задачи в целом. В то же время любая деятельность, ведущая к достижению определенной цели на пути (или в направлении) решения задачи, являются тем фактором, который вносит свой вклад в ее решение. Необходимо, наконец, указать и на то, что любая деятельность, связанная с решением задачи, должна осуществляться не только по определенным частным правилам, но и в соответствии с теми принципами, которые установлены в действующем законодательстве.

Сказанное позволяет сформулировать определение понятия правовая задача, включив в него указание на то, что под таковой следует понимать выраженную в законе (или вытекающую из него) объективно существующую форму правого-

¹ Указывая на недопустимость подобного отождествления, мы исходим из реально существующего отличия принципов уголовного процесса от принципов уголовно-процессуального права [см. 120, с. 116].

го должествования, реализуемого лицами, ведущими процесс осуществлением в особом процессуальном порядке конкретной деятельности с целью установления по делу истины, привлечения к уголовной ответственности, осуждения, наказания, исправления и перевоспитания действительно виновного лица, защиты интересов личности и государства, ликвидации причин и условий, способствующих совершению преступлений. Это определение полностью распространяется и на общую характеристику правовых задач, разрешаемых в стадии возбуждения государственного обвинения. Однако прежде чем указать отдельные виды таких задач, нужно выяснить, какие правовые задачи решаются следователем в предшествующей и судом (или судьей единолично) в последующей за возбуждением государственного обвинения стадиях процесса.

Применительно к характеристике задач предварительного расследования подобная точка зрения высказана Н. В. Жогиным и Ф. Н. Фаткуллиным. По их мнению, перед органами расследования стоят следующие задачи: быстрое и полное раскрытие преступления; привлечение виновного к уголовной ответственности и создание условий для предания обвиняемого суду; возмещение причиненного преступлением материального ущерба или создание необходимых условий для его реального возмещения после судебного приговора; выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступления; воспитание граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития [см. 48, с. 38—48].

В нашей литературе отсутствуют работы, где достаточно полно и четко были бы сформулированы задачи стадии предания обвиняемого суду. Более того, во всех учебниках и монографиях, в которых исследуются проблемы предания обвиняемого суду, нет ни одного параграфа, специально посвященного задачам данной стадии процесса. О задачах стадии предания суду говорится в тех местах, где рассматриваются понятие и значение этой стадии.

Все же представляется возможным выделить две основные задачи стадии предания суду: контроль за всесторонностью, полнотой, объективностью и законностью предварительного расследования уголовного дела; подготовка доброкачественного проведения судебного разбирательства в случае предания обвиняемого суду [см. 104, с. 36]. На объективное существование подобных задач в данной стадии указывают две группы разрешаемых здесь вопросов, одна из которых позволяет выполнить контрольную функцию стадии предания суду, а вторая — подготовительную по отношению к стадии судебного разбирательства (ст. 242, 253 УПК УССР, ст. 222, 228 УПК РСФСР). Если сравнить содержание деятельности прокурора с теми ее направлениями, которые осуществляют следователь

и суд (равно как и судья единолично) для решения задач соответствующей стадии, можно заметить в деятельности каждого из них общее и особенное.

Следователь и прокурор, равно как и суд, обязаны осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы оказать воспитательное воздействие на субъектов уголовно-процессуальной деятельности и на других граждан. Это их общая задача. Но в связи с ее выполнением деятельность каждого из названных органов утрачивает общие черты и на первый план выдвигаются такие особенности деятельности каждого из них, которые в конечном счете индивидуализируют процесс в самостоятельную стадию с определенной совокупностью специфических задач. Если в задачу следователя входит раскрытие преступления и установление виновности лица, его совершившего, то в стадии возбуждения государственного обвинения перед прокурором такая задача не стоит, ибо преступление уже раскрыто следователем. В задачу прокурора входит проверка законности и обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого, т. е. установление его фактической виновности.

Далее, если сравнить задачи прокурора в данной стадии с задачами суда в стадии предания обвиняемого суду, можно убедиться в их существенном различии. В стадии возбуждения государственного обвинения прокурор исследует вопрос о виновности конкретного лица, что находит отражение в его решении об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения. Суд, напротив, не вправе решать этот вопрос в стадии предания обвиняемого суду. В его задачу входит исследование вопроса о достаточности доказательств для рассмотрения дела о виновности лица в стадии судебного разбирательства. Иначе говоря, стадия «предания суду ставит своей задачей решение предварительного вопроса о достаточности оснований для рассмотрения дела по существу» [20, с. 6] в стадии судебного разбирательства.

Сравниваемые виды осуществляемой следователем, судьей (или судом) и прокурором в названных стадиях процесса деятельности необходимо различать и по характеру разрешаемых в них гносеологических задач. Если задачи следователя ориентируют его на осуществление деятельности поискового характера, то в задачу прокурора входит освоение уже достигнутого следователем знания о всей совокупности обстоятельств, подлежащих исследованию по делу, и решение вопроса о выполнении следователем всех стоящих перед ним задач. Таким образом, если следователь решает гносеологические задачи с многими неизвестными, сначала поисковые, а затем процессуального доказывания с использованием прежде всего метода проб и ошибок, то прокурор решает задачи контрольно-познавательного характера, требующие от него совершения

совокупности мыслительных операций, единство которых обеспечивает формирование его убеждения в виновности лица, привлеченного в качестве обвиняемого, соблюдении следователем всех требований закона и в связи с этим о возможности утверждения обвинительного заключения, возбуждении государственного обвинения и направлении дела в суд для решения вопроса о предании обвиняемого суду.

Таким образом, в стадии возбуждения государственного обвинения прокурор решает следующие типы правовых задач: познавательные; уголовно-правовые; криминологические; воспитательные; разрешения уголовного дела по существу¹; подготовки к поддержанию государственного обвинения и реализации надзорных полномочий в судебных стадиях процесса.

Четыре первые задачи являются для данной стадии процесса основными, поскольку они возникают и разрешаются прокурором по каждому уголовному делу. Две последние относятся к числу дополнительных (или факультативных) задач, так как первая из них возникает лишь при наличии предусмотренных законом оснований к прекращению уголовного дела, а вторая — в связи с возбуждением государственного обвинения и принятием прокурором решения о необходимости его поддержания в судебных стадиях процесса.

Все названные задачи отличаются от разрешаемых в других стадиях процесса, что наглядно прослеживается при анализе каждой из них. Познавательные задачи, например, решаются во всех стадиях процесса. Однако в стадии возбуждения государственного обвинения они имеют свою специфику. В стадии предварительного расследования преобладают эмпирические познавательные задачи. Характеризуя их, И. Г. Герасимов отмечает, что они «состоят в выявлении, тщательном изучении и точном описании фактов об изучаемых объектах» [31, с. 84]. Эти задачи решаются с использованием материальных средств познания, среди которых ведущая роль принадлежит следственным действиям. Именно они обеспечивают решение эмпирических познавательных задач следователем. «Никакие мышления не могут заменить этот вид познавательной деятельности» [31, с. 84].

В стадии возбуждения государственного обвинения прокурор, как известно, эмпирические задачи не решает и не совершает таких действий, которые были бы направлены на обнаружение и описание фактов об изучаемых объектах. Но здесь он исследует объекты, которые являются общими для всех

¹ Мы полагаем, что подобное наименование данной задачи, хотя и стало традиционным, неточное. Такие задачи и решения должны называться конечными. Решение конечных правовых задач лишь условно может быть названо разрешением уголовного дела, поскольку этим процесс производства по делу завершается.

субъектов, ведущих процесс. Однако прокурор изучает их с помощью особых мыслительных операций. Иначе говоря, в этой стадии процесса решаются познавательные задачи логического характера. Применение названных познавательных средств необходимо и для выяснения качественной определенности предшествовавшей прокурору познавательной (равно как и другой) деятельности следователя. Как видно, в деятельности прокурора логические познавательные задачи доминируют и являются основными. Специфичны и его уголовно-правовые задачи, разрешаемые им в данной стадии процесса. Их в предшествующей стадии разрешает и следователь, однако он лишь привлекает виновное в совершении преступления лицо в качестве обвиняемого. Это действие выступает первоначальным в структуре сложного процесса привлечения лица к уголовной ответственности, в котором возбуждение государственного обвинения является его конечным действием. Без этих действий прокурора невозможно привлечение лица к уголовной ответственности, а следовательно, и решение в судебных стадиях процесса задачи уголовной ответственности виновного в совершении преступления, его наказания, исправлении и перевоспитании мерами уголовно-правового характера¹. В этом плане *возбуждение прокурором государственного обвинения следует рассматривать как процесс формулирования уголовно-правовой задачи, выдвигаемой им для разрешения ее судом в целях осуществления общих задач процесса.* Следует отметить, что выполнение таких задач возможно только при условии, что прокурор направит в суд уголовное дело, по которому возбуждено государственное обвинение против действительно виновного в совершении преступления лица. Поэтому в задачу рассматриваемой стадии процесса входит недопущение привлечения к уголовной ответственности лиц, не виновных в совершении преступления, и предупреждение поступления в суд дел о невиновных лицах.

Существенное отличие в деятельности следователя и прокурора наблюдается и при решении криминологических задач по уголовному делу. Хотя в соответствии со ст. 23 УПК УССР (ст. 21 УПК РСФСР) обязанность выявить и устранить причины и условия, способствовавшие совершению преступления, в одинаковой мере возложена на лицо, производящее дознание, следователя, прокурора и суд, однако в стадии возбуждения государственного обвинения она реализуется с определенной спецификой. Поскольку расследование уголовного дела предшествует деятельности прокурора в стадии возбуждения государственного обвинения, то рассматриваемая криминологическая задача должна решаться прежде всего следо-

¹ Вопрос о процессуальной сущности привлечения лица к уголовной ответственности рассмотрен в § 2 гл. II.

вателем [см. 82, 53, 52]. При этом прокурор не совершает таких действий, которые были бы специально направлены на выявление причин и условий, способствующих совершению преступления. Он, как правило, принимает меры к устранению указанных обстоятельств, если они выявлены, но следователь не принял мер к их устранению. В связи с такой очередностью решения криминологических задач в уголовном процессе последние следовало бы отнести к числу факультативных, разрешаемых прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения. Однако эта задача не может относиться к числу факультативных и не только вследствие того, что она, как сказано в Программе КПСС, является главной в борьбе с преступностью, в связи с чем ее должны решать все органы, ведущие процесс, а потому, что вся деятельность прокурора в данной стадии процесса имеет большое профилактическое значение. Следовательно, общая криминологическая задача является основной не только для следователя и других лиц, но и для прокурора, осуществляющего самостоятельное производство по делу в стадии возбуждения государственного обвинения.

То же самое необходимо сказать и о воспитательных задачах, реализуемых в стадии возбуждения государственного обвинения. При этом кроме воспитательного воздействия процесса на всех, кто вовлекается в его орбиту, главное внимание следует обратить на задачу декриминализации лица, совершившего преступление. Хотя эта задача частная по отношению к общей воспитательной задаче процесса, ее решение имеет важное значение для достижения общих целей советского уголовного процесса. Наконец, перспективы прокурорской деятельности, обуславливаемые решением прокурора поддерживать возбужденное им государственное обвинение, требуют от него соответствующей подготовки к осуществлению названной деятельности в суде, которая выступает здесь в качестве самостоятельной процессуальной задачи. Характеристика процесса ее решения прокурором составляет предмет специального исследования. Здесь же отметим, что, несмотря на факультативный характер этой задачи, ее оптимальное решение во многом определяют эффективность осуществления обвинительной функции прокурора в судебных стадиях процесса.

Если рассматривать отношение указанных задач к задачам всего уголовного процесса, то они, как и в любой другой стадии, меньше по объему.

Сказанное свидетельствует о возможности выделения *двух классов правовых задач*, разрешаемых при производстве по уголовному делу: *общих* (советского уголовного процесса); *частных* (каждой отдельной стадии). Общие задачи выступают в качестве фактора, который предопределяет взаимосвязь всех

стадий в единой системе советского уголовного процесса. Каждая стадия должна внести свой вклад в решение общих задач уголовного процесса, поскольку ни одна из них вне объективной взаимосвязи с другими стадиями не может решить все его задачи. Это обуславливается тем, что каждая стадия процесса подходит к решению общих задач лишь в соответствии со своей спецификой, с учетом существующих возможностей. Последние обеспечивают решение частных задач данной стадии, а вместе с тем и общих, но лишь в определенном аспекте, т. е. в той их части, которые функционально зависимы от деятельности в конкретной стадии процесса.

Если каждая стадия имеет свои задачи и все они вместе образуют определенную систему правовых задач, правомерно утверждать, что *задачи каждой последующей стадии представляют собой более высокий уровень решения общих задач процесса*. Отсюда следует, что по мере восходящего развития уголовно-процессуальной деятельности, в которой каждая стадия образует новую ступень, происходит процесс поступательного решения общих задач, уменьшение их объема и сложности. Это действительно так, ибо деятельность, осуществляемая в каждой предшествующей стадии, в большей или меньшей степени, но обязательно способствует выполнению задач теми лицами, которые ведут процесс в каждой последующей стадии. В этом смысле можно говорить о служебно-вспомогательной функции каждой предшествующей стадии по отношению к последующей, ибо осуществляемая здесь деятельность во всех случаях опирается на ранее достигнутые результаты при производстве по одному и тому же уголовному делу. Без такой процессуальной преемственности невозможно было бы успешное разрешение общих задач процесса.

Поскольку осуществление задачи, т. е. воплощение в действительность содержащейся в ней необходимости, предполагает совершение совокупности действий, образующих в своем единстве специфическое направление деятельности, а само такое направление рассматривается в качестве определенной функции процесса, то вопрос о функциях конкретной стадии необходимо рассматривать как продолжение анализа сущности правовых задач в их динамическом состоянии. Следовательно, задачи и функции процесса находятся не только во взаимосвязи, но и во взаимозависимости. При этом укажем, что «задачи и функции... органично связаны прежде всего потому, что функции... получают право на свое существование от того, насколько они способствуют успешному решению задач» [152, с. 95]. Поэтому прав Р. Д. Рахунов, который еще в 1954 г. указал на связь правовых задач и уголовно-процессуальных функций. По его мнению, «функции органов расследования прокуратуры и суда в борьбе с противоправными действиями

вытекают из тех общих задач, которые преследуются социалистическим правосудием» [107, с. 6].

То, что функции производны от задач, не вызывает сомнения. Это верное утверждение правильно акцентирует внимание на детерминированности процессуальных функций теми задачами, которые стоят перед органами, ведущими борьбу с преступностью. Однако функции конкретного органа детерминированы лишь теми задачами, которые являются либо общими для всей системы органов, ведущих борьбу с преступностью, либо сугубо специальными, стоящими только перед данным органом, ведущим процесс. Тогда эти задачи определяют возникновение и объективное существование специфических для данного органа функций.

Что касается общих функций органов, ведущих борьбу с преступностью, то они производны от такой же степени общности задач, которые являются общими и едиными для всей системы названных органов. Именно конкретная задача определяет осуществление компетентным лицом соответствующего направления процессуальной деятельности. В связи с этим следует признать верным утверждение о том, что «функция — одна из форм выражения задачи, которая фиксирует деятельность» [68, с. 101]. Однако структура прокурорской (равно как и любой другой) деятельности, осуществляемой в советском уголовном процессе, не может ограничиваться только теми направлениями, которые прямо (непосредственно) вытекают из названных задач, обуславливают развитие многих иных направлений процессуальной деятельности, представляющих собой, как это будет показано ниже, самостоятельные функции, хотя и не сводимые к наименованию рассмотренных здесь задач. Данное положение может быть, в частности, проиллюстрировано при исследовании функциональной структуры прокурорской деятельности, которая позволяет в новом аспекте выявить сущность стадии возбуждения государственного обвинения, ибо «только через функции проявляются и реализуются сущность и свойства систем, элементов их структуры и организации» [112, с. 6].

§5. Функции прокурора в стадии возбуждения государственного обвинения

В советском уголовном процессе учение об уголовно-процессуальных функциях занимает одно из центральных мест. Поэтому оно активно разрабатывается коллективными усилиями ученых [см.: 9; 25; 68; 78; 89; 97; 118; 155 и др.]. Основное (исходное) понятие данного учения — понятие уголовно-процессуальной функции, с выяснения которого было бы правильным начать рассмотрение функций прокурора. Однако ограниченность объема работы не позволяет сделать этого, вследствие

чего выясним только виды тех функций, которые осуществляются прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения.¹

Вопрос о видах уголовно-процессуальных функций не новый. Он уже был предметом исследования. В зависимости от целей конкретного исследования тот или иной автор выделяет разное количество направлений, каждое из которых рассматривается в качестве взаимосвязанного, но относительно самостоятельного вида функций советского уголовного процесса. Изучение вопроса о количестве функций, осуществляемых в советском процессе, хотя и представляет не только теоретический, но и практический интерес, выходит за рамки нашей работы. Поэтому в подтверждение вывода о существовании отдельных видов функций приведем классификацию, получившую признание в процессуальной науке и широко популярную в юридической учебной литературе.

Принято различать семь видов уголовно-процессуальных функций: расследование; обвинение; надзор за законностью; защита; разрешение уголовного дела судом; вспомогательная, побочная [см. 136, с. 12—15]. Сейчас нет какой-либо необходимости доказывать правомерность (или неправомерность), рассматривать каждое из перечисленных направлений деятельности в качестве отдельного вида процессуальных функций. Укажем лишь на то, что изложенный здесь перечень функций не является исчерпывающим, поскольку в других литературных источниках приводятся иные их классификации. Следовательно, индивидуализацией названных функций процесс их видообразования не завершается ибо в его основу могут быть положены и другие логические признаки.

Логическое понятие «вид» говорит «о том, что данный класс предметов является классом менее широким по объему, чем класс более широкий по объему» [64, с. 88]. Если за основу классификации функций принять объем уголовно-процессуальной деятельности, образующей (наряду с другими признаками) содержание конкретной функции, то, учитывая различие объема и направлений деятельности, осуществляемой в отдельных стадиях, можно выделить общие и частные функции процесса. Иначе говоря, если до сих пор речь шла лишь о функциях советского уголовного процесса, то полученные в настоящем исследовании результаты позволяют выделить не только общие функции всего уголовного процесса, но и *функции отдельных его стадий, которые в отличие от общих можно именовать частными функциями*. В основе такой классификации лежит различие *объема и объекта* отдельных направлений односторонней деятельности, рассматриваемых в качестве функций

¹ Понятие уголовно-процессуальной функции рассматривалось нами в работе «Функциональная структура прокурорской деятельности» (Харьков, 1978, с. 3—23).

соответственно уголовного процесса или отдельных его стадий. Обоснование указанного положения предполагает прежде всего изучение объекта и объема функций.

Под объектом функции понимается то, на что направлена одномотивная деятельность субъекта, образующая содержание конкретной процессуальной функции. Объемом функции называется величина совокупности тех одномотивных действий, единство которых образует содержание той или иной функции.

Прежде всего нужно отметить, что в основе отграничения функций уголовного процесса от функций каждой отдельной его стадии должны лежать два относительно самостоятельных признака — объем и объект деятельности, рассматриваемой в качестве процессуальной функции. Поскольку и общесистемные функции, и функции отдельной стадии имеют объем и объект, отметим, что объем функций процесса (общесистемных функций) всегда больше объема функций конкретной стадии. Они находятся в отношении целого и части, где функция конкретной стадии является частью, а функция уголовного процесса — целым.

Второй аспект данного отношения заключается в том, что *функции стадии находятся в отношении дополнительности к соответствующей функции уголовного процесса*. С учетом темы настоящего исследования это положение можно проиллюстрировать на примере функции обвинения, которую некоторые авторы называют уголовным преследованием. Так, М. С. Строгович пишет, что «уголовное преследование — это обвинение как процессуальная функция, т. е. обвинительная деятельность» [126, с. 194]. При таком подходе один и тот же вид деятельности получает два однозначных наименования, что, естественно, ничем не может быть оправдано.

Неприемлема и точка зрения М. А. Чельцова, отождествляющего уголовное преследование с производством по делу в целом [см. 151, с. 88—89]. В подобной трактовке уголовное преследование лишено своей качественной определенности, поскольку оно направлено не на индивидуальное лицо, а на того, кто стоит за фактом совершенного преступления. Имеет место полное прекращение производства за отсутствием события преступления (п. 1 ст. 6 УПК УССР, п. 1 ст. 5 УПК РСФСР). В таких случаях производство по делу хотя и возбуждалось, но уголовного преследования не было, поскольку ему может подвергаться не мнимое, а вполне реальное установленное в процессе производства лицо. Иначе говоря, уголовное преследование всегда предполагает указание лица, совершившего преступление.

В уголовном процессе индивидуализация названного лица осуществляется в форме задержания, избрания меры пресечения, привлечения в качестве обвиняемого и в постановлении

о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Качественная определенность индивидуализации во всех случаях различна. Но общим для них является наличие процессуального акта, содержащего утверждение компетентного органа о совершении преступления конкретным лицом. Именно это обстоятельство, замеченное А. М. Лариным, позволило дать наиболее приемлемое определение уголовному преследованию, понимаемому как специфическая «уголовно-процессуальная деятельность, которая состоит в формулировании и обосновании вывода о совершении определенным лицом конкретного преступления» [70, с. 97]. Разделяя приведенную точку зрения, отметим, что уголовное преследование — функция советского уголовного процесса. Она отражает (и в то же время характеризует) наибольший объем названной деятельности, который может осуществляться в уголовном процессе. Поэтому мы говорим об уголовном преследовании как о функции всего уголовного процесса. Но ее содержание образует деятельность определенных субъектов, которые осуществляют ее не в абстрактном, а в конкретном, т. е. реальном, процессе, состоящем из совокупности специфических стадий. Следовательно, на деятельности, образующей содержание функции уголовного преследования, не может не отражаться специфика той или иной стадии, где эта деятельность осуществляется. Например, в стадии возбуждения уголовного дела данная функция выражается в совершении совокупности действий и принятии на их основе решения о начале производства по делу для установления не только факта преступления, но и лица, его совершившего. В ней также сказывается отрицательное отношение государства к тому, что совершено. В стадии предварительного расследования названная функция реализуется сначала в деятельности следователя по изобличению лица, совершившего преступление, затем приобретает форму следственного обвинения, а в стадии возбуждения государственного обвинения — форму государственного обвинения.

Если продолжить сравнение этих функций по предложенным признакам, следует отметить, что по объекту и следственная, и прокурорская деятельность, осуществляемая в стадии государственного обвинения, являются обвинительными. Речь, таким образом, идет о едином (и одномотивном) направлении деятельности, т. е. о тождестве объекта на отдельных стадиях процесса и в уголовном процессе в целом. Но здесь же довольно легко обнаруживается их отличие по второму признаку — объему. Здесь количественная определенность обвинительной деятельности, осуществляемой в конкретной стадии, меньше того объема деятельности, которая образует содержание обвинения, реализуемого в уголовном процессе в целом. И это действительно так, поскольку и следственное, и государственное обвинение суть структурообразующие элементы пуб-

личного обвинения. Они как раз и находятся в отношении до-полнительности и только в своем единстве образуют функцию публичного обвинения.

В зависимости от того, осуществляются ли те или иные функции на протяжении всего уголовного процесса или только на отдельных его стадиях, все они могут классифицироваться на *общие* и *частные*. Функции, реализуемые на всех стадиях процесса с момента его возникновения до завершения уголовного процесса в установленном законом порядке, — общие. Частными функциями называются такие направления односторонней деятельности, которые осуществляются лишь в одной или нескольких стадиях процесса, выражая специфику деятельности тех или иных субъектов. Общие (или крупномасштабные) функции выполняют свою детерминирующую роль, предопределяя возникновение большого многообразия частных функций, и в то же время реализуются через функции меньшего масштаба, точно так, как «крупномасштабные задачи выполняют свою детерминирующую роль через задачи меньшего масштаба» [68, с. 187].

Выясним, какие функции являются общими и какие следует отнести к частным. Проанализируем те направления деятельности, которые осуществляются в различных стадиях процесса, прежде всего в стадиях предварительного расследования, возбуждения государственного обвинения и судебного разбирательства.

Отметим, что все лица, ведущие процесс, призваны вести борьбу с преступностью с целью ее ликвидации. Эта задача реализуется в деятельности конкретных субъектов, пронизывает каждую стадию процесса и поэтому является общей для всех них. В сказанном заключено общее назначение всех органов, ведущих процесс, их единое направление совместной деятельности, т. е. процессуальная функция. Именно она определяет основную социальную ценность всех названных органов, осуществляющих характеризуемую деятельность. По своему содержанию рассматриваемая функция обладает наибольшим объемом образующей ее деятельности, вследствие чего она может именоваться генеральной функцией процесса.

Как бы ни была важна та или иная функция процесса, она может реализоваться лишь при осуществлении других, тоже общих, но меньшего объема функций. Среди них прежде всего следует выделить осуществляемую всеми лицами, ведущими процесс, функцию уголовно-процессуального познания действительности. Вне познания нет знания, а без знания невозможно осуществление целесообразной деятельности, обеспечивающей успешную реализацию функции борьбы с преступностью. Но и сама борьба с преступностью предполагает осуществление названными органами специфической деятельности, связанной с уголовным преследованием лиц, совершивших преступление.

Эта деятельность основана на знании, достигнутом в процессе осуществления функции уголовно-процессуального познания действительности, что указывает на их связь и взаимозависимость.

Структура функции уголовного преследования сложная. Она включает в себя два специфических следующих один за другим направления деятельности — изобличение преступника и обвинение лица, совершившего преступление. Как видно, для реализации функции уголовного преследования необходимо осуществление двух относительно самостоятельных функций меньшего объема. С момента привлечения лица в качестве обвиняемого возникает функция защиты, а после предания обвиняемого суду начинает действовать функция разрешения уголовного дела. Из сказанного вытекает, что такие функции, как следственное обвинение, государственное обвинение, защита, разрешение дела осуществляются не на всех, а лишь на отдельных стадиях процесса, и не всеми субъектами уголовно-процессуальной деятельности, а только некоторыми из них. Значит, подобные функции имеют не общий, а частный характер, вследствие чего их следует именовать частными функциями процесса, или функциями отдельных стадий.

Сопоставление общих и частных функций показывает, что первые обладают свойством временной стабильности, поскольку осуществляются с момента возникновения производства по делу до его окончания. Частные же функции направлены на решение задач конкретной стадии. Они преходящи во времени, ибо, выполнив свое функциональное назначение, как правило, прекращают действие в той стадии процесса, где они возникли. Исключение из этого правила составляют те функции, которые реализуются не во всех, но в нескольких стадиях процесса. Они имеют сквозной характер и поэтому могут называться сквозными. В их число входят часть основных функций процесса (обвинение, защита, правосудие) и некоторые дополнительные функции (предъявление и поддержание иска, возражение против него).

С помощью системы функций решаются задачи текущего производства и общие задачи процесса. Так, посредством контрольно-познавательной функции решается задача контроля за всесторонностью, обоснованностью и объективностью предварительного расследования, его законностью. Через это направление процессуальной деятельности в стадии возбуждения государственного обвинения реализуется такая функция прокурора, как обеспечение режима законности в советском уголовном процессе. Осуществляя всю систему частных функций, прокурор тем самым способствует решению и общих задач процесса.

Если уголовный процесс рассматривать как открытую, неизолированную от внешней среды систему, (а именно таким

он и является), нужно будет признать, что во всех случаях он взаимодействует с окружающей средой. Это проявляется в воздействии как среды на систему уголовного процесса, так и уголовного процесса на среду. Последнее производится с помощью совокупности действий, единство которых образует уголовно-процессуальную деятельность. Поскольку рассматриваемая деятельность всегда содержательная и ее осуществляют различные субъекты процесса, нужно отметить, что по своему характеру она не может быть однородной. Следовательно, речь снова идет о различных видах взаимодействия, а значит, и о различных видах процессуальной деятельности.

Если вид деятельности или отдельное направление является функцией, следует признать, что *в уголовном процессе осуществляются как внешние, так и внутренние функции*, наличие которых можно установить, если к их выявлению в структуре уголовно-процессуальной деятельности подойти с учетом специфики объектов, с которыми различные субъекты процесса взаимодействуют. Если то, на что процессуальная деятельность воздействует, рассматривается в качестве ее объектов, то по месту расположения они делятся на внутрисистемные, т. е. находящиеся в пределах пространственно-временных границ уголовного процесса, и внесистемные, расположенные за пределами этих границ.

К внутрисистемным объектам относятся: обвинение; ущерб, нанесенный преступлением; все материалы уголовного дела, в том числе и те результаты деятельности субъектов, ведущих процесс, которые они отражают и т. д. Внесистемными объектами являются: преступление, по поводу которого ведется производство; преступность как социальное явление, обуславливающее конкретное преступление; условия, способствующие совершению преступления и др. С учетом реального существования внутрисистемных и внесистемных объектов позиции и деятельности субъектов процесса правомерным представляется классификация функций на внутренние (или внутрисистемные) и внешние (или внесистемные).

Под внутренними следует понимать те направления односторонней деятельности, которые в процессе их реализации обеспечивают достижение целей и решение задач, связанных с окончанием производства по конкретному уголовному делу. Таких функций большинство. Назначение же внешних функций уголовного процесса связано с решением общесоциальных задач: борьба с преступностью, предупреждение преступлений и преступности в нашей стране, воспитательная функция. Между внешними и внутренними функциями существует диалектическая взаимосвязь и взаимозависимость.

Если говорить о внешних функциях советского уголовного процесса, прежде всего следует указать на их связь с функциями Советского государства. Она имеется у всех органов, ведущих

борьбу с преступностью, и проявляется при осуществлении общих и частных функций процесса. Однако наиболее четко эта связь прослеживается при анализе механизма реализации общих функций. Органы расследования, органы прокурорского надзора, равно как и правосудия, призваны вести борьбу с преступностью, принимать меры к ликвидации причин и условий не только отдельных преступлений, но и преступности в целом. «По мере развития советского государства происходит изменение и дальнейшее развитие его функций, что в свою очередь вызывает изменение характера и содержания процессуальных функций» [81, с. 113].

Классификация функций процесса на внутренние и внешние (или внутрисистемные и внесистемные) имеет большое практическое значение, поскольку позволяет отразить объективно существующую иерархию процессуальных функций, определить (указать) границы (или пределы) осуществления того или иного вида функциональной деятельности. Знание границ реализации конкретной функции дает возможность прокурору правильно проверить, осуществляется такого рода деятельность в пространственно-временных границах уголовного процесса или выходит за их пределы. Это очень важный вопрос, ибо, признав, что данная функциональная деятельность осуществляется лишь в границах процесса, мы тем самым будем ориентировать практику на недопустимость ее реализации за его пределами. Если же придерживаться противоположной точки зрения, то указания относительно пределов осуществления функциональной деятельности будут выходить за пространственно-временные границы уголовного процесса. Как видно, от правильного решения поставленного вопроса зависит эффективность борьбы с преступностью.

Имеется еще один вопрос, который непосредственно связан с первым: каковы исходные и конечные границы каждой отдельной функции? Любая функция базируется на определенных основаниях, при отсутствии которых не может возникнуть ни одна функция процесса. Вопрос о исходных границах той или иной функции связан с установлением момента возникновения указанных оснований. Если рассматривать его применительно к трем основным функциям процесса, следует отметить, что функция обвинения возникает на основе тезиса обвинения. Значит, с момента возникновения обвинения необходимо исчислять исходные границы данной функции. С этим обычно связывают возникновение и функции защиты, что является в принципе верным утверждением. Однако оно нуждается в некотором уточнении. Функция защиты возникает не с момента формулировки тезиса обвинения, а с того времени, когда обвинение инкриминируется конкретному лицу, которое в связи с этим вынуждено определенным образом реагировать на не-

го. Поэтому функция защиты производна от функции обвинения и ее исходные границы совпадают с моментом предъявления обвинения. В ее основе лежит соответствующая позиция защиты, как форма реагирования на обвинение. Поскольку функция защиты производна от функции обвинения и в своей основе содержит позицию, обуславливающую реакцию защиты на предъявленное лицу обвинение, можно утверждать о сложном характере основания возникновения функции защиты. Такими же являются и основания возникновения функции правосудия, осуществляемой судом. Она возникает с момента получения судом уголовного дела и решения им вопроса о предании обвиняемого суду. В ее основе лежит как тезис обвинения, так и соответствующая позиция защиты. Такова общая функциональная структура уголовно-процессуальной деятельности. Но каждая стадия имеет свою специфическую структуру, образуемую совершением таких односторонних направлений деятельности, которые нами рассматриваются в качестве частных функций процесса, или функций конкретной стадии.

С учетом предмета исследования анализируем функциональную структуру уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения государственного обвинения. Прежде всего отметим, что общее всегда определяет отдельное, обуславливает его. Поэтому частные функции процесса производны от общих. Общее выражается в индивидуальном. Следовательно, частные функции должны выражать назначение общих функций процесса всесторонне, полно и объективно. В каждой стадии процесса реализуется конкретная совокупность функций. Их количественная и качественная определенность обуславливается как многообразием стадий процесса, так и многообразием функционального назначения последних.

Выясним, сколько функций и какие именно осуществляют прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения. Правильное решение поставленного вопроса возможно лишь с учетом специфики, места и назначения данной стадии в общей системе стадий советского уголовного процесса. Как уже указывалось, все лица, ведущие процесс, входят в общую систему органов, ведущих борьбу с преступностью, и поэтому все они осуществляют названную процессуальную функцию. Прокурор также ведет борьбу с преступностью, но не как отдельную функцию стадии возбуждения государственного обвинения, а в процессе реализации всех специальных функций данной стадии. Какие бы действия он здесь ни совершал, все они в конечном счете направлены на укрепление законности, искоренение преступлений и преступности в нашей стране.

Однако эффективность борьбы с преступностью прямо зависит от того, насколько обоснованы те решения, которые прокурор принимает в указанной стадии процесса. Очевидно, они

должны базироваться на достоверной и в то же время достаточной информации. Получение ее возможно лишь в результате совершения определенного комплекса познавательных действий. Следовательно, этот комплекс в своем единстве образует определенное направление, которое в плане рассматриваемого вопроса могло быть названо функцией познания. Подобное обозначение весьма заманчиво, поскольку оно согласуется с наименованием соответствующей общей функции уголовного процесса — функции уголовно-процессуального познания действительности. Но каждое понятие должно максимально точно отражать обозначаемое им явление. Поэтому указанное наименование характеризующей функции прокурора следует признать неудовлетворительным. Все дело заключается в том, что данное понятие является узким, поскольку отражает лишь одну сторону деятельности прокурора, обращенную как бы в будущее. Что касается прошлого, то речь должна идти о совершении таких действий, которые позволяют оценить законность и обоснованность всей уголовно-процессуальной деятельности следователя в предшествовавшей стадии процесса. Совершение совокупности всех названных действий образует содержание надзорной функции прокурора. Но она реализуется им в процессе осуществления надзора за законностью предварительного расследования уголовного дела. Если бы эта надзорная деятельность прокурора не обеспечила законность всего производства по делу, то следователю нельзя было бы завершать указанное производство составлением обвинительного заключения. Как видно, говорить о данном направлении деятельности прокурора как о чисто надзорном нельзя, но и недопустимо игнорировать этот элемент в его деятельности. Прокурор в силу особой важности принимаемых им в этой стадии процесса решений должен произвести контрольную проверку выполнения им всех надзорных задач по отношению к стадии предварительного расследования (т. е. прибегнуть к самоконтролю), решить ряд вопросов с точки зрения возможности движения уголовного дела в судебные стадии процесса. Такая деятельность, а следовательно, и функция, содержание которой она отражает, может быть названа контрольно-познавательной.

Осуществляя контрольно-познавательную функцию, прокурор получает информацию о виновности лица, привлеченного по делу в качестве обвиняемого, а также о законности и обоснованности всей уголовно-процессуальной деятельности следователя. Если информация достаточная и прокурор на ее основе сформулировал убеждение о виновности обвиняемого и об отсутствии каких-либо нарушений по делу, он утверждает обвинительное заключение следователя и тем самым возбуждает против виновного лица государственное обвинение. С этого мо-

мента в уголовном процессе возникает функция государственного обвинения, осуществляемая прокурором, как в одноименной стадии процесса, так и в последующих судебных стадиях.

Известно, что в суде прокурор осуществляет функцию не только государственного обвинения, но и надзора за законностью рассмотрения судом уголовного дела. Для того чтобы эти функции были осуществлены прокурором в новых условиях всесторонне, полно и объективно, требуется его надлежущая подготовка к деятельности в судебных стадиях процесса. Совокупность подготовительных действий образует содержание функции прокурора, именуемой функцией подготовки к поддержанию государственного обвинения и реализации надзорных полномочий в судебных стадиях процесса. Две последние функции осуществляются прокурором лишь при условии возбуждения им государственного обвинения. Если же в деле имеются обстоятельства, указывающие на объективное существование оснований к прекращению уголовного дела, прокурор принимает решение по существу и, таким образом, осуществляет функцию разрешения уголовного дела, которую правильно было бы называть функцией решения конечных правовых задач. Наконец, принимая меры к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления, а также к недопущению поступления в суд уголовного дела о невиновном, прокурор тем самым осуществляет еще одну — профилактическую — функцию в стадии возбуждения государственного обвинения. Такова функциональная структура уголовно-процессуальной деятельности прокурора в названной стадии процесса.

Нас могут упрекнуть в правомерности подобного разграничения, указав, что выделение функций уголовного процесса и функций отдельных его стадий носит несколько условный характер, ибо, находясь в отношении части и целого, последние тоже являются функциями советского уголовного процесса. Это действительно так. Несмотря на различную степень общности, и те, и другие — процессуальные функции. Поэтому их не только можно, но и нужно именовать функциями советского уголовного процесса. Но смысл предложенной классификации состоит не в том, чтобы выработать понятия для обозначения функций различного объема деятельности. С помощью указанной классификации мы индивидуализируем различные по своему объему и объекту направления процессуальной деятельности, а затем в процессе сравнительного анализа выясняем сущность и специфику каждого из них. Такой подход в конечном счете позволяет дать более глубокую характеристику обвинению вообще и государственному обвинению в частности, а также сущности той стадии, в которой эти виды процессуальной деятельности осуществляются. Без названного подхода к исследованию мы не смогли бы обеспечить всесторонность и полноту решения обсуждаемой здесь проблемы.

Классификация, следовательно, имеет самостоятельное познавательное значение. «Она дает возможность охватить изучаемые предметы единой основой, установить не только место каждого из них, но и связать друг с другом, раскрывает их внутренние закономерности» [46, с. 60]. Таким образом, в стадии возбуждения государственного обвинения осуществляется пять частных функций (контрольно-познавательная, государственного обвинения, профилактическая, подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения и реализации надзорных полномочий в судебных стадиях процесса, решения уголовного дела или конечных правовых задач), каждая из которых направлена на реализацию общих уголовно-процессуальных функций, а все они вместе — на достижение целей генеральной функции процесса.

Сравнительный анализ каждой отдельной функции убеждает в том, что не все они выполняют одинаковую роль в стадии возбуждения государственного обвинения, хотя степень их значимости различна. *Основными*, выражающими сущность рассматриваемой стадии процесса, являются функции контрольно-познавательная, государственного обвинения и подготовки прокурора к осуществлению государственного обвинения и реализации надзорных полномочий в судебных стадиях процесса. Они осуществляются по каждому уголовному делу, которое направляется в суд, и поэтому должны рассматриваться как обязательные. Другие функции (решения конечных правовых задач или профилактическая) реализуются лишь в случаях необходимости, обусловленной обстоятельствами конкретного дела. Такого рода функции имеют *факультативный характер*, что все же не умаляет их правового значения в общей системе функций, поскольку при наличии конкретных обстоятельств их осуществление обязательно и в конечном счете приводит к достижению социально значимых целей.

Характер соотношения обязательных и факультативных функций стадии возбуждения государственного обвинения указывает на возможность рассматривать первые как основные, а вторые — как дополнительные функции данной стадии процесса.

Глава II. ОСНОВАНИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§1. Понятие и структура основания возбуждения государственного обвинения

Осуществление прокурором деятельности, образующей содержание стадии возбуждения государственного обвинения, может начаться при наличии законченного производством уголовного дела, которое в соответствии со ст. 225 УПК УССР (ст. 207 УПК РСФСР) следователь направляет ему с обвинительным заключением для решения вопроса о его утверждении и направлении в суд. Отметим, что сам факт перевода уголовного дела прокурору, а вместе с ним и следственного обвинения еще не обуславливает обязанность последнего в любом случае возбуждать государственное обвинение. Для этого необходимо *достаточное основание*, которое устанавливается только при осуществлении прокурором самостоятельной познавательной деятельности в стадии возбуждения государственного обвинения. Следовательно, передачу лицом, производящим дознание, или следователем законченного производством уголовного дела прокурору вместе с обвинительным заключением для решения вопроса о возможности его утверждения и возбуждения государственного обвинения нужно рассматривать в качестве *повода* для осуществления прокурором самостоятельного производства по уголовному делу. Без него невозможно возникновение процесса познания в данной стадии процесса, а следовательно, и установление основания для возбуждения государственного обвинения.

Как видно, и повод к осуществлению процессуальной деятельности, и основание возбуждения государственного обвинения находятся во взаимной связи. Поскольку без повода нельзя реализовать познавательную деятельность, а вне ее — установить основания для возбуждения государственного обвинения, представляется правомерным рассматривать факт поступления уголовного дела к прокурору в качестве не только

повода к осуществлению производства по делу, но и к утверждению обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения. Однако для принятия прокурором указанных решений одного лишь повода недостаточно. Необходимо еще вполне определенное достоверное основание.

Действующее законодательство ничего не говорит об основаниях утверждения обвинительного заключения и тем более об основаниях возбуждения государственного обвинения. В ст. 228 УПК УССР (ст. 213 УПК РСФСР) приводится лишь перечень вопросов, которые подлежат проверке прокурором по каждому уголовному делу, поступившему к нему с обвинительным заключением. Ст. 229 УПК УССР (ст. 214 УПК РСФСР) указывает три вида решений, одно из которых принимает прокурор по результатам произведенной проверки. Но при наличии какого именно результата прокурор принимает то или иное решение — закон умалчивает. Между тем характер ответа на каждый вопрос в отдельности и на всю их совокупность предопределяет принятие одного из этих решений.

Указанные в законе вопросы (ст. 228 УПК УССР) имеют самостоятельное гносеологическое значение. В данном случае они интересуют нас с точки зрения оснований утверждения обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения. Их анализ свидетельствует о том, что для принятия решений об утверждении обвинительного заключения и, следовательно, о возбуждении государственного обвинения необходимо установить совершение преступления лицом, привлеченным в качестве обвиняемого; его виновность; отсутствие обстоятельств, влекущих за собой прекращение дела в соответствии со ст. 213 УПК УССР (ст. 208 УПК РСФСР); соблюдение при производстве дознания или предварительного следствия всех иных требований закона. При этом прокурор должен обладать таким психологическим состоянием, которое характеризует наличие у него убеждения в виновности обвиняемого, а также в законности и обоснованности всего производства по делу. Из сказанного следует, что решение прокурора о возбуждении государственного обвинения базируется на следующих четырех группах факторов: 1) нормах права (среди которых имеются нормы и материального, и процессуального законодательства); 2) доказательственной и иной информации; 3) внутреннем убеждении; 4) нормах коммунистической нравственности. Первая группа образует *нормативные (или правовые) основания* возбуждения государственного обвинения, вторая — *информационные*, третья — *психологические*, четвертая — *этические*¹. Каждое из названных оснований обладает

¹ В тех случаях, когда для привлечения лица к уголовной ответственности (судей всех судебных органов и народных депутатов Советов народных депутатов), а значит, и возбуждения государственного обвинения требуется специальное разрешение компетентного органа (ст. 36 Основ

своей качественной определенностью и поэтому выделяется как некоторая самостоятельная индивидуальность. Действительно, при анализе материалов уголовного дела довольно четко прослеживаются информационная обеспеченность принятых прокурором решений, их нормативное обоснование, а также выраженное в процессуальных актах его убеждение о характере принятого им решения, которое наиболее четко проявляется в содержании изложенной в нем мотивировки.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что все указанные основания, как правило, присутствуют в каждом решении прокурора, выражающем ту или иную его позицию. Это значит, что они всегда находятся во взаимосвязи и в реальном процессе друг без друга не существуют. Отсюда видны относительная самостоятельность каждого основания, и не только их взаимосвязь, но и взаимозависимость.

Анализ любого уголовного дела показывает, что ни те, ни другие его элементы отдельно друг от друга не существуют. Они находятся в причинно-обусловленном диалектическом единстве и только в таком состоянии могут выступать в качестве основания утверждения обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения. Подобно тому, как невозможно раздельное (вне взаимосвязи и взаимозависимости) принятие решений об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения, так невозможно раздельное существование оснований, на которых они базируются. Сказанное свидетельствует о том, что в процессе практической деятельности и осуществления научного исследования нельзя отрывать основания утверждения обвинительного заключения от оснований возбуждения государственного обвинения. Иной подход приводит к противопоставлению возбуждения государственного обвинения утверждению обвинительного заключения и наоборот. Признание абсолютной самостоятельности названных актов может повлечь за собой принятие незаконных решений об утверждении обвинительного заключения и о возбуждении государственного обвинения.

Как видно, характеризующее основание по своей структуре сложное. Оно состоит из совокупности структурообразующих элементов, единство которых указывает на его комплексный характер. Именно единство правовых, информационных, психологических и этических элементов является конечным, или, точ-

---

законодательства о судостроительстве, ст. 33, 34 Закона СССР «О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР»), речь должна идти о специальном дополнительном элементе в структуре рассматриваемого основания. С учетом этого основания привлечения лица к уголовной ответственности и возбуждения государственного обвинения могут делиться на простые (которые необходимы для привлечения лица к уголовной ответственности и возбуждения государственного обвинения при соблюдении общего порядка) и субсидиарные (когда для принятия названных решений кроме общего основания требуется дополнительное разрешение компетентного органа).

нее, комплексным основанием для утверждения обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения.

Основание играет существенную роль в обвинительной деятельности прокурора, которая проявляется в его назначении. В этой связи можно указать три назначения основания, к возбуждению государственного обвинения. Во-первых, оно является тем фактором, с учетом которого формулируется государственное обвинение; во-вторых — базой принятия прокурором соответствующих процессуальных решений; в-третьих — основой дальнейшего развития обвинительной деятельности в форме государственного обвинения, т. е. функционирования государственного обвинения в определенном направлении. Обвинение нельзя отрывать от его основы. Между ними существует прямая и непосредственная связь. С одной стороны, конкретное основание всегда выступает основанием конкретного обвинения, с другой — конкретное обвинение всегда имеет свое собственное, только ему присущее основание. Устранение основания государственного обвинения делает его необоснованным, несостоятельным, ничтожным. Поэтому для того чтобы выполнить свое функциональное назначение, государственное обвинение должно во всех случаях базироваться на вполне определенных, адекватно отражающих правовую реальность основаниях.

Основание возбуждения государственного обвинения появляется лишь на определенной стадии развития уголовно-процессуальной деятельности, когда для его осуществления созданы необходимые материальные и процессуальные условия. Такого рода основания возбуждения государственного обвинения возникают только на этапе утверждения обвинительного заключения и зависят от познавательной деятельности прокурора, что еще раз свидетельствует о возникновении государственного обвинения именно в данной стадии процесса.

Дальнейшая характеристика указанного основания возможна в направлении самостоятельного анализа каждого структурообразующего его элемента. Но прежде чем это сделать, отметим, что все элементы рассматриваемого основания находятся в определенном отношении, характер которого влияет на механизм формирования позиции прокурора по уголовному делу. Поэтому при изучении взаимодействия элементов основания необходимо выделять отношения координации и субординации. Первые характеризуют отношения равенства взаимодействующих элементов, вторые — отношения подчинения.

Поскольку вся деятельность, связанная с борьбой с преступностью, регламентирована совокупностью социальных норм, среди которых и правовые, и этические играют одинаково важную роль, их следует выдвигать на первый план в структуре характеризуемого основания, рассматривая их взаимосвязь как отношение координации. Второй уровень структурообразующих

элементов основания возбуждения государственного обвинения образуется системой доказательственной информации, в составе которой особое место принадлежит совокупности обвинительной и доказательственной информации. Наконец, на базе нормативной (как правовой, так и этической) и доказательственной информации формируется убеждение прокурора о возбуждении государственного обвинения или об отказе в нем. Этот последний (психологический) элемент в структуре основания к возбуждению государственного обвинения представляет собой результат взаимодействия всех иных (объективных и субъективных) элементов основания и может быть назван его итоговым, или конечным элементом. Однако независимо от первичности или вторичности в генетической последовательности возникновения, развития и взаимодействия того или иного элемента основания каждый из них обладает своей собственной и при этом сложной структурой. Она у них неоднородна, как неоднородны сами элементы, образующие в своем единстве структуру основания к утверждению обвинительного заключения и возбуждению государственного обвинения.

Исследуем с этой точки зрения правовые элементы рассматриваемого основания. Они также неоднородны и делятся на материально-правовые и процессуальные. Каждый из них играет присущую ему роль, выяснение которой позволит проследить те нормативные данные, на которых базируются соответствующие решения прокурора. Материально-правовой элемент основания к утверждению обвинительного заключения и возбуждению государственного обвинения установлен действующим уголовным законодательством. В соответствии со ст. 3 Основ уголовного законодательства (ст. 3 УК УССР, ст. 3 УК РСФСР) уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно-опасное деяние.

Каждое уголовно наказуемое деяние обладает своей неповторимостью. Однако общим для них является то, что им свойственна однозначная структура. Любому преступлению присуща совокупность таких признаков, с помощью которых уголовный закон определяет посягательство как преступное. Взаимосвязь указанных признаков образует состав преступления, а тот в свою очередь — общую структуру последнего. Без состава преступления нет того умышленно или по неосторожности совершаемого деяния, которое уголовный закон устанавливает как преступное. «В общем определении состава преступления должна быть выражена юридическим языком характеристика всех необходимых элементов общественно-опасного посягательства, субъекта преступления (кто посягает), объекта преступления (на что осуществляется посягательство) и объективной стороны (в чем выражается объективно посягательство) и субъек-

ективной стороны (в чем выражается отношение посягающего к тому, что он делает)» [57, с. 165—166]. Именно состав преступления является единственным основанием правовой ответственности. Вместе с тем в литературе существует мнение о том, что состав преступления не единственное основание уголовной ответственности. Так, Б. С. Утевский не считает достаточным для уголовной ответственности наличие в действиях преступника состава преступления [см. 138, с. 118]. Он обосновывает необходимость расширения основания уголовной ответственности. По его мнению, «становление основания уголовной ответственности вступило в новую фазу. Новое уголовное законодательство облегчило эту задачу. На его основе советские криминалисты, несомненно, вскоре придут к единогласному мнению по этому вопросу. Каковым бы оно ни было, надо полагать, что оно не вернется к взгляду на состав преступления, как единственное основание уголовной ответственности» [137, с. 62]. Эта точка зрения поддержана Б. С. Никифоровым, А. С. Шляпочниковым, А. Б. Сахаровым и А. В. Кузнецовым [см. 133]. Однако большинство ученых, в том числе Н. С. Алексеев, В. Г. Смирнов, М. Д. Шаргородский [см. 8, с. 73—85], Н. С. Лейкина [см. 71, с. 39—43], М. П. Карпушин, В. И. Курляндский [см. 57, с. 183—200], подвергли ее критике. Они обоснованно полагают, что состав преступления является единственным основанием уголовной ответственности. Мы также разделяем этот взгляд и считаем *состав преступления одним из структурообразующих элементов того основания, при наличии которого создана первая предпосылка для положительного решения вопроса о возможности привлечения следователем конкретного лица в качестве обвиняемого и утверждения прокурором обвинительного заключения и возбуждения им государственного обвинения.*

В этой связи следует полностью согласиться с М. И. Бажановым, по мнению которого «наличие состава преступления как юридического основания привлечения в качестве обвиняемого определяется принципиальными требованиями ст. 3 УК УССР (ст. 3. УК РСФСР), считающей состав преступления единственным основанием уголовной ответственности. Поэтому всякие попытки лишить состав преступления этого его значения должны быть отвергнуты не только вследствие своей теоретической несостоятельности, но и потому, что на практике они могут привести к грубым нарушениям законности» [18, с. 142]. Поскольку привлечение лица к уголовной ответственности представляет собой не одноактное действие, а процесс, нижней границей которого является привлечение лица в качестве обвиняемого следователем (см. § 2 данной главы), а верхней — возбуждение государственного обвинения прокурором и направление им дела в суд первой инстанции для принятия обвинения к своему разрешению, естественно

полагать, что между основаниями привлечения лица в качестве обвиняемого следователем и возбуждением государственного обвинения прокурором имеется много общего. В то же время, так как речь идет об исходном и конечном этапах одного и того же института — привлечении лица к уголовной ответственности, между основаниями привлечения лица в качестве обвиняемого и основаниями возбуждения государственного обвинения прокурором существуют различия. Отсюда вытекает необходимость исследовать как общее, так и особенное в основаниях привлечения лица в качестве обвиняемого и в основаниях возбуждения государственного обвинения в отношении одного и того же лица. В юридической литературе данная проблема в указанном соотношении еще не изучалась. Однако при ее решении следует опираться на те работы, которые посвящены привлечению лица в качестве обвиняемого. Кроме того, имеются некоторые результаты следственной и прокурорской практики, согласно которым необходимо строить теоретические выводы. Начнем с того общего, что лежит в основе решения прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения — состава конкретного преступления, совершенного определенным лицом. Этого указания явно недостаточно для вывода о законности и обоснованности следственных и прокурорских решений.

В соответствии с последними достижениями теории принятия решений в уголовном судопроизводстве [см. 74, 80] в основе любого решения лежит информация. В уголовном процессе она именуется доказательственной или просто доказательствами. Следовательно, общим для решения следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого и решения прокурора об утверждении обвинительного заключения является то, что они базируются на доказательствах. При этом не отдельные доказательства, а только их совокупность может быть положена в основу того или иного решения. В специальной литературе достаточно полно исследовались понятие доказательства, их классификация и функциональное назначение [см. 130, 15]. Что касается совокупности доказательств, на основании которых в уголовном процессе принимаются все (или во всяком случае подавляющее большинство) решения, то до сих пор это понятие не выяснено, не дана полная классификация совокупности доказательств, не изучено соотношение их качественной и количественной определенности [см. 50, с. 74—78]. Между тем именно совокупность доказательств образует информационный фонд уголовного судопроизводства, является одним из тех его элементов, входящих наряду с составом преступления в структуру основания, при наличии которого возможно утверждение обвинительного заключения и возбуждение государственного обвинения. В этой связи представляет особый интерес анализ тех видов доказательственной

информации, один из которых устанавливает виновность лица, привлеченного в качестве обвиняемого, или усиливает его ответственность, а другой оправдывает или смягчает ее. Характер соотношения совокупности (обвинительной и оправдательной) информации обуславливает возможность принятия прокурором решения об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения.

Указанный подход полностью согласуется с требованиями закона, в соответствии с которым всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела предполагает выполнение следователем, прокурором или судом своей обязанности выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие его вину обстоятельства (ст. 22 УПК УССР, ст. 20 УПК РСФСР). Эти, как и все другие обстоятельства, устанавливаются при помощи фактических данных, т. е. доказательств. Одни фактические данные, посредством которых выявляются обстоятельства, уличающие обвиняемого в совершении преступления, принято называть обвинительными доказательствами, а другие, те, которые устанавливают обстоятельства, полностью или частично опровергающие обвинение, инкриминируемое конкретному лицу, — оправдательными.

Объединения качественно разнородных доказательств образуют самостоятельные совокупности, на основании которых (в единстве с другими доказательствами) прокурор принимает решение о виновности или невиновности лица, совершившего преступление, и, следовательно, о возможности или невозможности утверждения обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения. Для того чтобы такое решение было законным и обоснованным, требуется достоверная оценка имеющейся доказательственной информации. Необходимо отметить, что каждое доказательство, входящее в то или иное самостоятельное объединение, имеет свое функциональное назначение, характер которого предопределяет и функциональное назначение соответствующей совокупности доказательств. Причем каждая из них образует относительно самостоятельный поток доказательственной информации.

Совокупность обвинительных доказательств призвана установить виновность лица в совершении преступления либо предусмотренный законом перечень обстоятельств, смягчающих его ответственность (ст. 41 УК УССР). Совокупность оправдательных доказательств, напротив, обеспечивает выявление таких обстоятельств, которые полностью или частично опровергают обвинение и, таким образом, оправдывают обвиняемого или смягчают его ответственность. Из сказанного следует, что все названные совокупности, имея различное функциональное назначение, противостоят, а значит, противодействуют друг другу. Такое взаимодействие совокупностей доказательств носит

конкурирующий характер и представляет собой информационное отражение объективно существующего соотношения функций обвинения и защиты, противостоящих друг другу с момента их возникновения в уголовном судопроизводстве. На этот факт мы обращаем особое внимание, поскольку, начиная с момента возникновения функций обвинения и защиты, можно определить время дифференциации доказательственной информации и формирования совокупности обвинительных и оправдательных доказательств.

До формулировки обвинения и привлечения лица в качестве обвиняемого имеются лишь доказательства, устанавливающие преступление и указывающие на лицо, его совершившее. Только в связи с формулировкой обвинения происходит объективный процесс дифференциации доказательств по отношению к обвинению на обвинительные и оправдательные. Их интеграция в качественно однородные объединения образует соответствующие совокупности обвинительных и оправдательных доказательств. Изложенное позволяет назвать два самостоятельных объединения качественно разнородных доказательств, имеющих в деле противоположное функциональное назначение, *конкурирующими совокупностями доказательств*.

Самостоятельное обозначение этих совокупностей направлено не только на их индивидуализацию и отличие от других, имеющих в деле. Выделение конкурирующих совокупностей в самостоятельные образования позволяет прокурору сконцентрировать внимание на противостоящие друг другу информационные потоки, от правильной оценки и выяснения приоритета которых в общей совокупности доказательств зависит возможность выработки и принятия правильного решения по делу. Кроме того, указанное обозначение названных совокупностей доказательств, отражая качественную определенность и характер их соотношения, дает возможность более точно проследить не только специфику познания в уголовном процессе, но и механизм принятия прокурором решения об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения.

Каждая из конкурирующих совокупностей (обвинительных и оправдательных) доказательств обладает не только своей качественной и количественной определенностью, но и обусловливаемым этим специфическим функциональным назначением. Вследствие противоположных направлений изменений, а также тенденций функционирования и развития, они именуется противоположностями, а их взаимодействие составляет противоречие [см. 154, с. 185]. При этом следует особо подчеркнуть, «что противоречием называется лишь такое различие, которое касается расхождения тенденций или направлений изменения тех или иных взаимодействующих сторон или явлений. Другими словами, только те стороны образуют про-

тиворечие, которые имеют различные направления изменения и развития» [см. 154, с. 188—189]. Отметим, что рассматриваемые *противоречия* являются *внутренними*, происходящими в пределах общей (генеральной) совокупности доказательств [см. 50, с. 74]. Их наличие способствует развитию процесса доказывания, правильному познанию всех явлений, имеющих правовое значение.

Наряду с внутренними в процессе доказывания следует выделять *внешние противоречия*. К ним относятся противоречия между совокупностью имеющихся в деле доказательств и предметом доказывания. Установление такого рода противоречия до окончания производства по делу предполагает активизацию, интенсификацию процесса доказывания до тех пор, пока оно не будет устранено, ибо его наличие не позволяет прийти к выводу о достижении истины и свидетельствует о невозможности принятия окончательных решений по уголовному делу. Невозможность преодоления указанного противоречия предполагает (в зависимости от того, в какой стадии оно установлено) направление дела на следствие либо его прекращение. Внешние и внутренние противоречия могут быть основными и второстепенными, существенными и несущественными.

Существенными являются такие взаимодействия между противоположными, конкурирующими совокупностями, которые относятся к сущности предмета доказывания, его главного факта. Несущественные же противоречия возникают по поводу установления обстоятельств, не входящих в главный факт предмета доказывания. Очевидно, что на судьбу дела определяющее влияние оказывают существенные противоречия. Характер их развития предопределяет принятие того или иного решения по уголовному делу. Противоречивый характер взаимодействия качественно разнородных доказательств, объединяемых различными конкурирующими совокупностями, имеет как нормативное, так и объективное фактическое основание. Первое содержится в ст. 22 УПК УССР, предписывающей следователю, прокурору и суду выявить обстоятельства, уличающие и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину; второе проявляется в отношении доказательств, устанавливающих виновность лица, совершившего преступление, и опровергающих ее к одному и тому же предмету доказывания.

Взаимополагание в деле обвинительных и оправдательных доказательств представляет собой фактическую основу требования объективности исследования обстоятельств дела. Отсюда следует, что устранение из дела объективно существующего единства противоположностей в виде конкурирующих совокупностей доказательств равнозначно неполноте и односторонности исследования дела. При таком положении принятие

объективного решения относительно виновности или невиновности конкретного лица невозможно, как невозможно правильное решение прокурором вопроса о возможности или невозможности утверждения обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения. Отметим, что в некоторых случаях в деле может и не оказаться совокупности, которая будет конкурировать с совокупностью обвинительных доказательств. Подобная гносеологическая ситуация возникает тогда, когда виновность лица полностью доказана и по делу не выявлено никаких обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность. Характер противоречия предопределяется составом доказательств, устанавливающих или опровергающих обстоятельства, входящие в предмет доказывания по конкретному уголовному делу. Его выявление прокурором — неперемное условие правильного решения основных вопросов в стадии возбуждения государственного обвинения.

Снижение или повышение конкурентной способности каждой анализируемой совокупности обвинительных и оправдательных доказательств зависит от состава образующих их элементов, точнее, тех обстоятельств дела, которые они устанавливают. При этом не все доказательства, устанавливающие те или иные обстоятельства дела, обладают соответствующей конкурентной способностью. Определять ее следует с учетом существующей правовой регламентации.

Перечень обстоятельств, доказывание которых повышает конкурентноспособность той или иной совокупности, приведен в законе (некоторые в ст. 40, 41 УК УССР). Совокупности обвинительных и оправдательных доказательств, хотя и являются самостоятельными конкурирующими объединениями доказательств, представляют собой *подсистемы общей (генеральной) доказательственной системы* в конкретном уголовном деле. Поэтому названные конкурирующие совокупности являются самостоятельными, но взаимосвязанными и необходимыми частями генеральной совокупности доказательств. В силу этого их следует рассматривать как противоположности, имеющие определенное единство.¹ Противоположность данных объединений доказательств как раз и проявляется в индивидуально определенном функциональном назначении каждой из них, а единство — в общих фактических основаниях их взаимодействия. Именно с учетом этих оснований нужно рассматривать обстоятельства, входящие в предмет доказывания. По поводу

¹ Характеризуя соотношение противоположностей, В. И. Ленин указывал, что «единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, относительно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» [2, т. 29, с. 317].

их, но в различном (противоположном) направлении реализуется функциональное назначение конкурирующих совокупностей. Следовательно, характер их функциональной направленности определяется спецификой отношения доказательств, входящих в ту или иную совокупность, к предмету доказывания.

Конкурирующая совокупность, как и любой составной ее элемент, независимо от ее информативности не устраняет доказательственное значение другой, противостоящей ей конкурирующей совокупности, не изменяет ее функциональное назначение. Эти совокупности независимо от характера взаимодействия сохраняют свои объективные индивидуальности. Четкое разграничение их функционального назначения возможно лишь при сопоставлении их друг с другом и выяснении отношения к предмету доказывания. Связь данных совокупностей с этим предметом указывает на их связь между собой. Взаимозависимость конкурирующих совокупностей свидетельствует об объективном существовании того общего для них, что обуславливает их единство. При этом следует отметить, что единство конкурирующих совокупностей предопределяется прежде всего отношением каждого доказательства их образующих к одному и тому же предмету доказывания. Именно наличие единой основы при различной функциональной направленности доказательств делает возможной конкуренцию возникающих (формирующихся) совокупностей. Такое определение характера взаимодействия двух конкурирующих совокупностей доказательств в структуре рассматриваемого основания к возбуждению государственного обвинения полностью согласуется с характеристикой взаимоотношения противоположностей, принятой в марксистской философии.

Анализируя взаимоотношения противоположностей, А. П. Шептулин указывает, что, «имея противоположные тенденции функционирования и развития, противоположные направления изменений и тем самым, исключая друг друга, противоположности не расходятся и не уничтожают друг друга, а существуют вместе, в неразрывной связи и взаимодействии» [154, с. 185]. Полностью разделяя это положение и развивая его применительно к теме настоящего исследования, отметим, что только взаимосвязь двух совокупностей, выполняющих различное функциональное назначение, позволяет рассматривать их как конкурирующие, противостоящие друг другу. Поскольку совокупности обвинительных и оправдательных доказательств носят конкурирующий характер, исследование их информативной емкости, тенденций развития и конкурентноспособности предполагает использование прокурором такого метода познания, как сравнение. Для исследования возможностей двух конкурирующих совокупностей доказательств применение данного метода в уголовном процессе имеет определен-

ную специфику, обусловливаемую теми особенностями, которые присущи объекту познания.

Так как речь идет о доказательствах, обвинительный или оправдательный характер которых зависит от их отношения к обвинению, инкриминируемому конкретному лицу, выяснение доказательственных возможностей каждой из этих совокупностей правомерно лишь в процессе изучения того, насколько полно совокупность обвинительных доказательств устанавливает виновность конкретного лица, или, напротив, насколько полно это обвинение опровергается совокупностью оправдательных доказательств. Только при сравнении указанных совокупностей с третьим объектом — предметом доказывания — представляется возможным определить место той или иной конкурирующей совокупности в общей доказательственной системе. Иначе говоря, здесь применяется метод опосредствованного сравнения, где полнота выявления обстоятельств, инкриминируемых обвиняемому, или их опровержение совокупностью оправдательных доказательств рассматривается как эталон или критерий установления доказательственных возможностей каждой конкурирующей совокупности доказательств. Использование же метода непосредственного сравнения совокупности обвинительных и оправдательных доказательств без учета их отношения к обвинению не даст положительных результатов, и оценка двух рассматриваемых совокупностей будет беспредметной. Следует отметить, что для получения прокурором полного и достоверного знания о роли той или иной конкурирующей совокупности в общей доказательственной системе оценке подлежат не только доказательства, но и те выводы, которые получены при оценке каждой совокупности доказательств.

Таким образом, при решении прокурором вопроса о виновности или невиновности конкретного лица, возможности или невозможности возбуждения против него государственного обвинения объектами сравнительного анализа являются, во-первых, отдельные (обвинительные и оправдательные) доказательства, во-вторых — их частные (конкурирующие) совокупности, в-третьих — результаты оценки всех доказательств по совокупности. Сопоставление полученных данных позволяет прокурору определить, какая из конкурирующих совокупностей доказательств обладает большей информативностью и, следовательно, повышенной конкурентноспособностью. Совокупность доказательств с повышенной информативностью оказывает большее информативное воздействие на сознание прокурора, формируя у него убеждение в виновности или невиновности конкретного лица. Именно такой совокупности следует отдавать предпочтение при выработке решения о возможности возбуждения государственного обвинения, против конкретного лица.

Ту из двух конкурирующих совокупностей доказательств, которая обладает большей информативностью и, следовательно, повышенной конкурентноспособностью, назовем *доминирующей*. Данное понятие несет определенную рабочую нагрузку. Поскольку термин «доминировать», означает «господствовать, преобладать, возвышаться» [129, с. 226], применительно к характеристике совокупности обвинительных и оправдательных доказательств это свидетельствует о том, что доминирующая совокупность по своей информативной емкости преобладает и возвышается над другой конкурирующей совокупностью. Основанное на ней мнение о виновности или невиновности лица является господствующим по сравнению с другим мнением, которое, возможно, сформировалось с учетом информации, представляемой в деле второй конкурирующей совокупностью. Использование указанного понятия позволяет выделить ту конкурирующую совокупность, которая определяет тенденцию развития познания и соответствующего знания прокурора по конкретному уголовному делу, а также объяснить, почему он отдает предпочтение той или иной совокупности доказательств и принимает то, а не другое решение по делу.

Но в уголовном деле может сложиться информационная ситуация, при которой ни одна из конкурирующих совокупностей не занимает в общей системе доказательств доминирующего положения. Здесь противоположные тенденции конкурирующих совокупностей получают такое развитие, при котором ни одна из них по своим доказательственным возможностям не может превзойти другую, в связи с чем одна из них примерно в одинаковой мере устанавливает виновность обвиняемого, а другая соответственно ее опровергает. В этом случае конкурирующие совокупности в равной мере воздействуют на сознание прокурора, не позволяют ему принять вполне определенное решение относительно виновности или невиновности конкретного лица и, следовательно, о возможности возбуждения против него государственного обвинения. Такое «равнодействие противоположностей» проявляется на определенной стадии развития противоречия, когда наступает равенство противодействующих сил, тенденций» [154, с. 186]. Информационную ситуацию, в которой конкурирующие совокупности доказательств одинаково противодействуют друг другу, отражая противоположные тенденции в развитии процесса доказывания, назовем *состоянием информационного равновесия*.

Поскольку в уголовном процессе все решения принимаются на основе имеющейся информации, то, естественно, возникновение той или иной информационной ситуации воздействует на процесс познания и предопределяет возможность или невозможность принятия того или иного решения. Отсюда следует, что познание сложившихся в деле информационных ситуаций

имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение.

Характеризуя состояние информационного равновесия в уголовном процессе, нужно отметить, что оно может иметь как количественное, так и качественное выражение. Это обусловлено тем, что каждое явление, в том числе и совокупность доказательств, обладает качественной и количественной определенностью. Количественное выражение информационного равновесия проявляется в равном количестве элементов отдельных доказательств каждой конкурирующей совокупности. На практике оно встречается редко, но сам факт его возможного существования говорит в пользу теоретической обоснованности его исследования. Изучение конкретных уголовных дел показывает, что информационное равновесие в его количественном выражении никогда не предопределяет характер принимаемого решения, ибо никогда равное количество элементов двух конкурирующих совокупностей не несет равное количество информации и поэтому не может свидетельствовать о равенстве их доказательственных возможностей. Здесь определяющее воздействие на сознание лица, принимающего решение, оказывает качественная определенность той или иной совокупности доказательств. Точнее говоря, лишь единство количественной и качественной определенности совокупности доказательств обуславливает ее доказательственные возможности. Только при таком соотношении представляется возможным проанализировать состояние информационного равновесия в его качественном и количественном выражении.

Если рассматривать состояние информационного равновесия в генетическом плане, прослеживая его возникновение в общем развитии процесса доказывания на отдельных этапах познания, его можно назвать *периодическим состоянием информационного равновесия*, поскольку на всем протяжении процесса доказывания оно может неоднократно возникать и устраняться до тех пор, пока не закончится процесс познания и полностью не выяснится доказательственное значение той или иной конкурирующей совокупности доказательств.

Возникновение информационного равновесия не ликвидирует доказательственного значения конкурирующих совокупностей. Каждая совокупность продолжает обладать определенными, присущими ей доказательственными возможностями, но их точное установление для принятия правильного решения невозможно, поскольку повысилась обуславливаемая состоянием информационного равновесия неопределенность знания гносеологической системы относительно изучаемых в уголовном деле явлений. Эта неопределенность, вызываемая состоянием информационного равновесия, обостряет информационные потребности гносеологической системы. Создается проблемная ситуация, требующая своего разрешения. Поэтому каждый раз с

появлением в процессе доказывания состояния информационного равновесия возникает необходимость о его преодолении. Достижение данной цели предполагает продолжение процесса доказывания. Однако здесь прокурор должен прежде всего решить, существуют ли в реальной действительности объективные предпосылки для продолжения процесса доказывания и каковы направления возможного изменения состояния информационного равновесия. Естественно, что последний вопрос должен быть решен в первую очередь, ибо, не зная вариантов направления процесса доказывания, нельзя решить вопрос о возможности изменения состояния информационного равновесия. При этом нужно исходить из того, что в уголовном процессе доказывание осуществляется по поводу обвинения определенного лица в совершении конкретного преступления и в силу объективно существующей презумпции невиновности оно должно привести либо к ее опровержению в отношении данного лица и установлению его виновности в инкриминируемом ему обвинении, либо к опровержению предъявленного обвинения и реабилитации этого лица.

Из сказанного следует, что состояние информационного равновесия может и должно изменяться в двух направлениях: полном установлении виновности конкретного лица в предъявленном ему обвинении или полном его опровержении. Только при осуществлении доказывания в этих двух направлениях возможно достижение истины. Третьего не дано. Такое решение вопроса полностью согласуется с принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, предполагающего установление как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его вину обстоятельств (ст. 22 УПК УССР, ст. 20 УПК РСФСР). Отметим, что знание направлений процесса доказывания еще не выступает в качестве достаточного основания, обеспечивающего выполнение поставленной задачи. Сложность состоит в том, что преодоление информационного равновесия, а следовательно, и продолжение процесса доказывания зависят от ряда объективно существующих обстоятельств, наличие которых обуславливает возможность или невозможность их осуществления. Поэтому первоочередным является комплексное, совместное изучение следующих вопросов: что нужно понимать под возможным и невозможным в процессе доказывания; каковы причины возникновения и условия существования информационного равновесия. Только их выяснение позволит выработать эффективные средства устранения информационного равновесия в уголовном судопроизводстве.

В юридической литературе верно утверждается о возможности раскрытия любого преступления. Но не по каждому делу с необходимой полнотой и достоверностью может быть доказана виновность конкретного лица в его совершении. При ином

подходе будет игнорироваться возможное и невозможное в советском уголовном процессе. Мы не ставим перед собой задачу всестороннего и полного анализа указанных вопросов — это предмет самостоятельного исследования. Выясним только возможное и невозможное в процессе доказывания, точнее, возможность и невозможность преодоления в процессе доказывания информационного равновесия, в котором оказался прокурор в результате своей познавательной деятельности. Знание механизма устранения информационного равновесия позволяет прокурору сформировать свою позицию по уголовному делу, не только определить наличие или отсутствие оснований для направления уголовного дела на дополнительное расследование, но и прийти к выводу о целесообразности принятия им такого решения с целью преодоления возникшего в уголовном процессе информационного равновесия.

С точки зрения марксистско-ленинской философии возможное рассматривается как осуществимое, как «то, что может наступить при соответствующих условиях» [154, с. 168]. В приведенном определении возможного содержатся такие признаки, которые указывают на реальную осуществимость определенной задачи или деятельности. При этом подчеркивается зависимость осуществления задачи или деятельности от наличия соответствующих условий. Следовательно, «условия представляют собой совокупность факторов, необходимых для превращения какой-либо возможности в действительность» [154, с. 171].

Обобщение всего существенного, что было сказано о признаках, характеризующих общефилософское понятие возможности, и учет специфики познания в уголовном судопроизводстве позволяют дать применительно к теме настоящего исследования следующее «рабочее» определение понятия возможности преодоления информационного равновесия в уголовном судопроизводстве. Под ним понимается такое состояние процесса доказывания, в котором информация, необходимая для устранения возникшей неопределенности знания о виновности или невиновности лица, может быть введена в уголовное судопроизводство при условии ее существования в реальной действительности и выполнения с этой целью субъектом, ведущим процесс, в установленном законом порядке всех необходимых гносеологических операций¹.

Предложенное определение понятия возможности преодоления состояния информационного равновесия полностью согласуется с общим понятием возможности, которое утвердилось в марксистско-ленинской философии. В нем прежде всего

¹ В понятие гносеологических операций мы включаем следственные действия и мыслительные операции, использование которых в их взаимосвязи и единстве позволяет осуществить процесс познания в уголовном судопроизводстве.

обращается внимание на то обстоятельство, что информационное равновесие познающей системы обусловлено определенным состоянием процесса доказывания. Необходимость же его устранения вызвана неопределенностью знания, наличие которой не позволяет решить в полном объеме задачи уголовного процесса. Из сказанного следует, что для практической реализации поставленной цели — решения вопроса о путях преодоления информационного равновесия и устранения неопределенности знания — прокурору прежде всего необходимо проанализировать весь процесс доказывания и выяснить его реальное состояние. Без этого невозможно установить причины возникновения и условия существования информационного равновесия, наметить пути их преодоления. Но устранение информационного равновесия связано с необходимостью удовлетворения информационных потребностей гносеологической системы. Поэтому в приведенном определении внимание акцентируется на прямой зависимости превращения возможности в действительность от объективного существования необходимой информации в реальной действительности. При этом, поскольку появление информационного равновесия обусловлено взаимодействием двух конкурирующих совокупностей, для его преодоления необходима информация, устанавливающая обстоятельства, которые подтверждают виновность конкретного лица или опровергают ее.

Но как бы ни была доступна данная информация, она может быть введена в уголовное дело лишь в процессе доказывания. Именно поэтому в нашем определении подчеркивается «деятельный» момент, ориентирующий на активность субъекта познания в возникшей ситуации информационного равновесия. Очевидно, что такие указания имеют непосредственное практическое значение, так как они направлены на осуществимость поставленной задачи.

Однако какой бы важной ни была задача, которую необходимо разрешить, и как бы ни была близка цель, к достижению которой стремится лицо, ведущее процесс, добиваться устранения информационного равновесия в нарушение установленного законом порядка с целью установления как виновности, так и невиновности лица недопустимо. Именно это мы хотим подчеркнуть, включая в анализируемое определение указание на необходимость совершения всех гносеологических операций в предусмотренном законом порядке. Вводя в уголовный процесс информацию, необходимую для преодоления информационного равновесия, следовательно, получивший от прокурора уголовное дело на следствие, должен соответствующим образом ее классифицировать, включив в совокупность обвинительных или оправдательных доказательств.

Для последующего развития процесса доказывания важно знать характер и те направления информационных изменений, которые происходят в гносеологической системе при введении

новой информации. Поскольку состояние информационного равновесия причинно обусловлено, включение новой информации влияет на его изменение, а при наличии достаточной информации предопределяет полное устранение причин возникновения и условий существования информационного равновесия. При этом характер и направление информационных изменений в гносеологической системе аналогичны тем изменениям, которые изложены в формулировке принципа Ле Шателье: если изменить одно из условий, при которых система находится в состоянии равновесия, то она ответит сдвигом равновесия в сторону, противодействующую производимому изменению [см. 39, с. 181]. В информационном плане данное положение выглядит так: изменение одного из условий, предопределивших в единстве с другими возникновение информационного равновесия, ответит сдвигом равновесия конкурирующих совокупностей в сторону, соответствующую функциональному назначению дополнительной информации.

На процессуальном языке сказанное означает, что если предъявленное лицу обвинение основывалось на доказательствах, опровергнутых дополнительной информацией, то ее введение повлечет изменение знания о виновности лица, признании его невиновным и принятии прокурором решения об отказе в возбуждении против него государственного обвинения и прекращении уголовного дела. Суд в подобных случаях должен выносить оправдательный приговор. При таких изменениях информационного фонда информация, лежащая в основе обвинения, теряет свое доказательственное значение в отношении конкретного лица. Отметим, что не любое изменение условий влечет за собой обязательное изменение информационного равновесия, а также принятие прокурором и судом указанных решений. Поскольку существование информационного равновесия обуславливается действием лишь существенных условий, для его изменения необходимо изменение именно таких условий. При этом полное преодоление неопределенности знания о виновности или невиновности лица предполагает не частичное изменение условий информационного равновесия, а их полное устранение. Только тогда можно установить истину и вынести законное и обоснованное решение о возбуждении государственного обвинения по уголовному делу. Но может оказаться, что по конкретному уголовному делу не представляется возможным устранить информационное равновесие. В связи с этим важно выяснить, какие последствия установления подобной невозможности наступают для процесса доказывания.

Опираясь на приведенное определение возможности преодоления информационного равновесия, под невозможностью его преодоления будем понимать такое состояние процесса доказывания, в котором информация, необходимая для устранения

неопределенности знания о виновности или невиновности лица вследствие объективных, не зависящих от следователя и прокурора обстоятельств, не может быть введена в уголовное судопроизводство, а все выполненные с этой целью необходимые и возможные гносеологические операции не дали и не дадут в будущем положительных результатов.

Существование возможного и невозможного в преодолении информационного равновесия свидетельствует о наличии объективного основания для выделения его двух видов: 1) преодолимое информационное равновесие; 2) непреодолимое информационное равновесие. Последний вид характеризуется абсолютной невозможностью его устранения и поэтому может быть назван состоянием абсолютного равновесия.

Характеризуя состояние абсолютного равновесия, прежде всего отметим, что это такой вид информационного равновесия, при котором ни отдельное следственное действие, ни вся их совокупность не могут ввести в уголовный процесс необходимую и достаточную информацию для изменения доказательственных возможностей одной из конкурирующих совокупностей и преодоления информационного равновесия, позволяющего принять решение о виновности или невиновности конкретного лица.

Здесь следует особо указать на тот момент, который свидетельствует об объективном существовании обстоятельств, обуславливающих невозможность преодоления информационного равновесия, что делает невозможным продолжение процесса доказывания. Но если прокурор придет к выводу, что продолжение процесса доказывания в стадии предварительного расследования невозможно, то, естественно, уголовное дело должно быть прекращено. В связи с этим возникает вопрос об основаниях прекращения уголовного дела прокурором при установлении состояния абсолютного равновесия. По нашему мнению, в данном случае единственно верным было бы принятие решения о прекращении уголовного дела за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления, т. е. по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 213 УПК УССР (п. 2 ст. 208 УПК РСФСР). Именно реально существующее абсолютное равновесие, преодоление которого невозможно, представляет собой информационную основу решения прокурора о прекращении дела по указанному основанию. Информационный подход позволяет правильно объяснить объективность существования данного основания прекращения дела. Из сказанного следует, что информационной ситуации, обусловившей прекращение уголовного дела, присуще такое состояние, при котором осуществляемый процесс доказывания не может изменить диапазон (параметры) двух конкурирующих совокупностей доказательств и тем самым преодолеть сложившееся состояние абсолютного информационного равновесия.

Именно невозможность изменения информационного равновесия в ту или иную сторону предопределяет принятие прокурором решения о прекращении уголовного дела за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления. Другое же решение не будет соответствовать объективно сложившейся ситуации. Ее игнорирование (при отсутствии реальной возможности ее изменения) приведет к принятию необъективных, по существу неверных решений. Следовательно, принятие решения о прекращении дела по указанному основанию представляет собой объективно существующую необходимость, выражаемую информационным равновесием, которое не позволяет прокурору принять решение о виновности или невиновности конкретного лица, возможности или невозможности возбуждения против него государственного обвинения и поэтому делает бессмысленным дальнейшее продолжение процесса доказывания. Очевидно, в анализируемой информационной ситуации «необходимость выступает как процесс неизбежный, обязательный, неодолимый» [161, с. 26]. Характеризуя аналогичную ситуацию, Н. В. Пилипенко указывает, что «в данном случае мы имеем как бы абсолютную необходимость, развитие которой приводит лишь к одному результату, другого результата быть не может. Такая необходимость может быть отождествлена с неизбежностью» [98, с. 33]. В связи с этим некоторые ученые правильно считают, «неизбежность высшей ступенью развития необходимости, осуществление которой приводит только к одному определенному следствию» [68, с. 19]. В нашем случае таким единственным следствием, логически вытекающим из сложившейся информационной ситуации, нужно рассматривать решение прокурора о прекращении уголовного дела. Это, как и любое другое решение, принимаемое прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения, должно быть истинным. Вопрос об истинности данного решения еще не разработан. Применительно к теме настоящего исследования укажем, что возможность принятия прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения истинного решения о прекращении уголовного дела при установлении состояния информационного равновесия следует видеть в достоверном определении абсолютного равновесия информационной системы, которое должно быть достигнуто в момент принятия прокурором такого решения. При этом прокурор должен быть убежден в наличии абсолютного равновесия и в невозможности его преодоления, что является психологическим основанием для принятия названного решения, отвечающего требованиям законности и обоснованности.

§ 2. Правовые последствия возбуждения государственного обвинения

Возбуждение государственного обвинения — юридический факт, который порождает определенные правовые последствия. Они наступают как для отдельных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, так и для уголовного процесса в целом. Особый интерес представляет характеристика правовых последствий, наступающих для обвиняемого и лиц, ведущих процесс. К числу последних относятся прокурор, возбуждающий государственное обвинение, и суд, принимающий его для разрешения. Именно с этими субъектами, ведущими процесс, лицо, совершившее преступление, вступает в определенные правовые отношения. Как видно, возбуждение государственного обвинения порождает правовые последствия для лица, совершившего преступление, прокурора, соответствующего суда и, наконец, для всего уголовного процесса. Представляется целесообразным охарактеризовать правовые последствия, наступающие в связи с возбуждением государственного обвинения, в той последовательности, в которой названы перечисленные субъекты уголовно-процессуальной деятельности.

Правовые последствия, наступающие для лица, совершившего преступление. Государственное обвинение возбуждается против конкретного лица. Им может быть только такое лицо, виновность которого в совершении преступления установлена с достоверностью. В стадии предварительного расследования данное лицо именуется обвиняемым. Таковым оно является и в стадии возбуждения государственного обвинения. Приведенное однозначное обозначение лица, совершившего преступление и занимающего различное процессуальное положение в разных стадиях процесса, неправомерно хотя бы потому, что оно не отражает указанных различий в названных стадиях процесса. Следовательно, речь идет о необходимости выработки таких обозначений лица, совершившего преступление, которые должны, с одной стороны, отражать его процессуальное положение, а с другой — выражать сущность и характер предъявленного ему обвинения в соответствующей стадии процесса.

На предварительном следствии лицу, совершившему преступление, предъявляется следственное обвинение. В связи с этим данное лицо может (и должно) именоваться следственно обвиняемым или, что одно и то же, подследственным, или просто обвиняемым, как принято в настоящее время. В последующей стадии уголовного процесса лицо, совершившее преступление, перестает быть подследственным, так как следствие завершено и против лица, в отношении которого составлено обвинительное заключение, прокурором возбуждено государственное обвинение. Этот факт ставит указанное лицо в новое

процессуальное положение, предопределяющее необходимость его индивидуализации путем соответствующего наименования. Отражая сущность обвинения, возбуждаемого против подследственного, последнего можно было бы называть государственно обвиняемым. Однако подобное наименование, во-первых, громоздко (не лаконично), во-вторых, каждый раз требует разъяснения, не является ли данное лицо обвиняемым в совершении какого-либо государственного преступления. Поскольку обвиняемое в совершении преступления лицо привлекается к уголовной ответственности лишь в связи с решением прокурора о возбуждении против него государственного обвинения, представляется целесообразным именовать его *уголовно ответственным лицом*.

Приведенное обозначение подчеркивает предварительный характер следственного обвинения и окончательный — государственного, возбуждаемого в соответствующей стадии процесса. Кроме того, оно отражает новое процессуальное положение, которое обвиняемое следователем лицо стало занимать в процессе с момента возбуждения против него государственного обвинения. Таким образом, после возбуждения государственного обвинения подследственный становится уголовно ответственным лицом. Это первое правовое последствие, которое наступает для лица, совершившего преступление, в связи с возбуждением против него государственного обвинения.

В общей системе отношений, возникающих между прокурором и обвиняемым, в связи с возбуждением государственного обвинения каждое из названных лиц имеет свои права и обязанности. В частности, обвиняемый вправе знать сущность возбужденного против него государственного обвинения, а также требовать от прокурора вручения ему копии обвинительного заключения и постановления о его утверждении и возбуждении государственного обвинения; обжаловать действия прокурора, связанные с возбуждением государственного обвинения; требовать перевода обвинения в суд для разрешения в сроки, установленные законом, и т. д.

Права и обязанности уголовно ответственного лица зависят и от характера возбужденного прокурором государственного обвинения. В тех случаях, когда прокурор изменил следственное обвинение, целесообразно представить уголовно ответственному лицу право на свидание с защитником для выработки совместной позиции по поводу государственного обвинения. Такой вывод полностью вытекает из ст. 141 УПК УССР (ст. 154 УПК РСФСР), в соответствии с которой при изменении обвинения на предварительном следствии лицо, производящее дознание, или следователь обязаны в одном случае перепредъявить обвинение, а в другом — поставить обвиняемого в известность, но во всех случаях указанное лицо должно быть осведомле-

но об изменениях, внесенных в обвинение, которое ему инкриминировалось. Следовательно, ходатайство уголовно ответственного лица о предоставлении ему свидания с защитником необходимо признать вполне правомерным. Отказ в его удовлетворении нужно считать существенным нарушением права уголовно ответственного лица на защиту от возбужденного против него государственного обвинения. В этой связи представляется целесообразным дополнить уголовно-процессуальное законодательство соответствующей нормой закона.

Кроме указанных прав, лицо, против которого возбуждено государственное обвинение, несет определенные обязанности. К их числу относится обязанность уголовно ответственного лица понести уголовную ответственность за совершенное преступление. Это его основная обязанность. Решение вопроса о необходимости уголовной ответственности подсудимого составляет предмет процесса, реализуемого в стадии возбуждения государственного обвинения. Поэтому основное внимание в процессе дальнейшего изложения необходимо уделить всесторонней характеристике предмета данной стадии процесса.

Привлечение к уголовной ответственности — основной вопрос не только в теории советского уголовного процесса, но и в практической деятельности органов расследования, прокуратуры и суда. Его основополагающий характер обуславливается и тем, что на практике акт привлечения к уголовной ответственности рассматривается как способ реализации уголовной ответственности лица, совершившего преступление.

Отметим, что до сих пор не выработано единого мнения по вопросу о времени привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Н. С. Лейкина считает, что уголовная ответственность «возникает в момент совершения преступления и оканчивается с отбытием наказания и погашением судимости или когда лицо освобождается от нее на основании ст. 10, 50, 51, 52 УК РСФСР» [71, с. 31]. Сопоставление этой позиции автора с дальнейшими ее рассуждениями свидетельствует о противоречивости ее концепции о границах и стадиях уголовной ответственности. Действительно, если уголовная ответственность возникает в момент совершения преступления, то почему исходные границы первой стадии уголовной ответственности автор связывает с моментом предъявления конкретному лицу обвинения? По мнению Н. С. Лейкиной, «привлечение к уголовной ответственности — это первоначальный этап реализации уголовной ответственности. Он оформляется процессуальным актом предъявления обвинения» [71, с. 32]. Она полагает, что «сущность первой стадии состоит в признании следственными органами лица ответственным за совершение определенного преступления в качестве обвиняемого по определенной статье Особенной части Уголовного

авекса» [71, с. 32]. При таком подходе период с момента совершения преступления до предъявления обвинения выпадает за общих границ уголовной ответственности преступника. Он не относится к предшествующей стадии и не выделяется автономно в самостоятельную стадию уголовной ответственности.

Необходимо, однако, заметить, что *в момент совершения преступления возникает не уголовная ответственность, а лишь обязанность лица, его совершившего, понести уголовную ответственность перед советским государством*. Путать эти два обстоятельства недопустимо, поскольку каждое из них порождает специфические правовые последствия. Если совершение преступления является юридическим фактом, порождающим условно-правовые отношения между государством и преступником, а также обязанность последнего понести уголовную ответственность перед государством, то сама уголовная ответственность наступает в процессе производства по делу в отношении конкретного лица. Причем ее наступление возможно лишь в том случае, если компетентные лица в установленном законом порядке совершили совокупность действий, образующих в своем единстве акт привлечения лица к уголовной ответственности. Как видно, речь идет о необходимости отличить привлечение к уголовной ответственности от самой уголовной ответственности.

В теории уголовного права некоторые авторы отождествляют уголовную ответственность с обязанностью лица понести ее в установленном законом порядке [см. 67, с. 91]. Это имеет место и в литературе по уголовному процессу [см. 139, с. 20—21], и по общей теории права [см. 149, с. 77]. Так, А. Ф. Черданцев и С. Н. Кожевников, выясняя понятие и содержание юридической ответственности, приходят к выводу, что «юридическая ответственность есть разновидность обязанности, наступающей при наличии определенных деяний или их результатов, отрицательно оцениваемых законодателем и очерченных в нормах права» [149, с. 77]. Но обязанность — категория, отражающая статическое состояние субъекта, указывающая на долг лица совершить что-либо, предписывающая определенный вид и меру его активности, реализуемой им добровольно (например, уплата штрафа) или принудительно (вызыскание штрафа в установленном законом порядке). Ответственность же во всех случаях представляет собой специфический процесс, содержание которого отражает динамическое состояние субъекта, призванного исполнить возложенную на него обязанность понести конкретный вид и меру ответственности. Ответственность представляет собой не обязанность, а процесс реализации этой обязанности, т. е. ее следствие. Причем следствие не собственно обязанности, а испытываемых на основе и в процессе ее исполнения тягот, лишений и иных нежелательных последствий в связи с реализацией в установлен-

ном законом порядке обязанности понести данный вид и меру ответственности.

Следовательно, только исполнение обязанности выражает сущность ответственности и характеризует ее содержание как специфического процесса, имеющего объективную и субъективную стороны. Его субъективную сторону образует обязанность лица понести (в нашем случае) уголовную ответственность и те переживания, которые характеризуют его психическое состояние, обусловливаемое индивидуальным реагированием лица на испытываемые им тяготы, лишения и другие негативные для него последствия реализуемой ответственности. Объективная сторона рассматриваемого процесса выражается в действиях уголовно ответственного лица или в совместных действиях этого лица и других лиц, влияющих на виновное в совершении наказуемого деяния лицо, заставляющих его испытывать тяготы и лишения, которые образуют содержание данного вида ответственности. Из сказанного видно, что ответственность хотя и предполагает обязанность лица понести ее в установленном законом порядке, но не тождественна ей.

О недопустимости отождествления ответственности с обязанностью лица понести ее свидетельствует и сравнительный анализ уголовно правовых и уголовно процессуальных понятий, используемых законодателем для характеристики различных аспектов уголовной ответственности. Уголовное законодательство в зависимости от контекста конкретной нормы говорит о том, что лицо «не подлежит уголовной ответственности» и «не подлежит наказанию» (ст. 11, 39 УК РСФСР), а процессуальное законодательство — о «привлечении к уголовной ответственности» или о необходимости «повысить ответственность» лица (ст. 2 УПК УССР). Анализируя эти и другие правовые категории, А. Ф. Черданцев и С. Н. Кожевников указывают, что все они выражают обязанность лица понести конкретный вид и меру ответственности. Но это не верно. Можно говорить, что лицо подлежит или не подлежит ответственности. Но нельзя сказать, что оно подлежит или не подлежит какой-либо обязанности. Аналогично обстоит дело и с интерпретацией процессуальных категорий. Можно говорить о привлечении к уголовной ответственности, но нельзя сказать, что лицо привлекается к какой-либо обязанности. Обязанность устанавливается законом для ее выполнения тем, на кого она возложена. Факт ее нарушения выступает в качестве правового основания привлечения лица к уголовной ответственности с целью ее последующей реализации. Как видим, этимологический анализ сравниваемых понятий указывает на недопустимость отождествления обязанности понести уголовную ответственность с самой ответственностью.

Что же в данном случае следует понимать под уголовной ответственностью? Это особый вид юридической ответственно-

сти. Следовательно, анализируемое понятие должно содержать указание на такие признаки, которые, во-первых, являются общими для любого вида юридической ответственности; во-вторых, отражают специфические свойства, присущие только уголовной ответственности. Обязанность же хотя и общеправовая категория, не отражает динамики процесса ответственности лица.

Следовательно, для адекватного отражения сущности любого вида ответственности требуется такое понятие, которое могло бы выразить динамизм реально осуществляемой ответственности как специфический процесс несения лицом тягот и лишений, являющихся следствием реализации его обязанности понести конкретный вид юридической ответственности. На наш взгляд, категория ответственности может быть определена через понятие процесса несения тягот и лишений за содеянное лицом правонарушение.

С учетом сказанного *под уголовной ответственностью следует понимать процесс фактического несения лицом на основе решения компетентного судебного органа предусмотренных законом тягот и лишений, равно как и других негативных для него последствий, связанных с реализацией его обязанности отвечать перед государством за совершенное им преступление*¹. Ответственность — акт двусторонний. Она не может наступить по воле одного лица, т. е. того, кто ответственен за совершенное деяние, или органа (должностного лица), который возлагает на него ответственность или требует ее понести. Ответственность всегда реализуется во взаимодействии ответственного лица с органом, перед которым она должна быть понесена. Поэтому ответственность во всех случаях есть специфический процесс. Для того, чтобы он мог наступить, требуется совершение компетентным лицом определенного комплекса действий, подготавливающих возможность реализации уголовной ответственности. Их совокупность образует содержание такого процессуального института, как привлечение лица к уголовной ответственности. Вне реализации этого института наступление уголовной ответственности, а значит, и реализация соответствующего уголовно-правового института невозможны. Какова же сущность данного процессуального института?

Привлечение к уголовной ответственности — процесс возложения определенного вида ответственности на конкретное лицо. «Возложение юридической ответственности предполагает отчет за свои действия виновного субъекта (объяснение причин, мотивов совершения действия, влекущего ответственность)» [149, с. 41], но не сводится к нему. Лицо может

¹ В юридической литературе высказано немало мнений о понятии уголовной ответственности и ее сущности. Их анализ содержится в работах различных авторов, но особенно обстоятельно в монографии Л. В. Багрий-Шахматова [см. 17, с. 383].

ничего не объяснять о причинах совершенного им действия, но в то же время понести ответственность, причем вполне законно и обоснованно. На практике известны случаи, когда лицо не только объясняет характер своих поступков, но и полностью отрицает их совершение. Однако, невзирая на это, оно несет уголовную ответственность, иногда (в случае судебной ошибки) даже необоснованно. Поэтому возложение ответственности как деятельность должностных лиц органа, компетентного воздействовать на лицо, подлежащее, по их мнению, ответственности, может и должно быть обоснованным, но может быть (хотя и не должно) и необоснованным.

При обоснованном возложении ответственности лицо по заслугам несет производные от этого тяготы и лишения, а при необоснованном — незаслуженно. Отсюда следует, что привлечение к уголовной ответственности должно быть во всех случаях законным и обоснованным. Тогда и сама ответственность будет вполне обоснованной и принесет те результаты, которые преследуются компетентными органами в процессе ее реализации.

Необоснованное привлечение к уголовной ответственности уже само по себе наносит ущерб не только лицу, но и советской уголовной политике в целом. Он во много раз увеличивается при реализации необоснованной уголовной ответственности конкретного лица вследствие его незаконного привлечения к уголовной ответственности. Поэтому исследование теоретических основ привлечения лица к уголовной ответственности имеет непосредственное практическое значение, способствует выработке оптимального варианта применения тех норм права, которые устанавливают уголовную ответственность лица в случае совершения им преступления, предусмотренного нормами уголовного закона.

В теории уголовного процесса вопрос о процессуальном порядке привлечения лица к уголовной ответственности обсуждается давно. Все авторы справедливо отмечают процессуальный характер данного института, но при этом верно указывают на то, что его действие во всех случаях направлено на реализацию норм уголовного права, а вместе с тем и уголовной ответственности, т. е. одного из основных институтов советского уголовного права. Если реализация уголовной ответственности предполагает деятельность компетентных должностных лиц, осуществляющих производство по делу, возбужденному в связи с совершением преступления конкретным лицом, то привлечение этого лица к уголовной ответственности зависит от вынесения компетентными органами системы определенных процессуальных решений.

Следует подчеркнуть, что действующее законодательство связывает привлечение лица к уголовной ответственности с вынесением ряда процессуальных актов не только следователем или лицом, производящим дознание, но и прокурором.

Первым таким актом, индивидуализирующим лицо, виновное в совершении преступления, является постановление о его привлечении в качестве обвиняемого. Но правомерно ли утверждать, что в связи с принятием подобного решения следователем указанное лицо считается уже привлеченным к уголовной ответственности? Иначе говоря, можно ли полагать, что лицо привлекалось к уголовной ответственности, так как в процессе расследования оно занимало процессуальное положение обвиняемого, хотя в последующем уголовное дело о нем было производством прекращено?

Правильный ответ на поставленный вопрос можно получить лишь с учетом структуры обвинительной деятельности, осуществляемой в уголовном процессе, и в результате анализа точек зрения различных авторов. По мнению Л. М. Карнеевой, привлечение к уголовной ответственности представляет собой «единовременный процессуальный акт» [56, с. 16]. Большинство ученых, высказавших свое мнение по данному поводу, также полагают, что привлечение в качестве обвиняемого является актом привлечения лица к уголовной ответственности [см. 72, с. 7—41; 39; с. 9, 17; 15, с. 21; 141, с. 11 и др.]. Согласно Н. А. Стручкову, «уголовная ответственность наступает уже в процессе производства дознания или предварительного следствия» [88, с. 8]. При этом, уточняя момент ее возникновения, автор указывает, что предъявление обвинения и есть привлечение к уголовной ответственности [88, с. 8]. Между тем привлечение к уголовной ответственности не может быть сведено к ее реализации. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством оно включает в себя и вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, и предъявление этого постановления обвиняемому, и его допрос (ст. 131, 140, 143 УПК УССР, ст. 143, 148, 150 УПК РСФСР). Кроме того, сюда, на наш взгляд, входит и деятельность прокурора по утверждению обвинительного заключения и возбуждению государственного обвинения. При этом следует иметь в виду, что предъявление обвинения само по себе не ставит лицо в какое-либо процессуальное положение. Оно призвано довести до сведения обвиняемого сам факт привлечения его в качестве обвиняемого, сообщить ему содержание обвинения и, наконец, выяснить его отношение к тому, что он совершил. Только акт привлечения в качестве обвиняемого ставит конкретное лицо в положение обвиняемого, в связи с чем к последнему могут применяться различные меры процессуального принуждения. Именно поэтому недопустимо связывать привлечение лица к уголовной ответственности с предъявлением ему обвинения.

Нельзя согласиться и с мнением Н. А. Стручкова о том, что «все последующее производство по делу — дознание, предварительное следствие, производство в суде, наказание лица, совер-

шившего преступление (назначение наказания) — есть не что иное, как уголовная ответственность» [88, с. 8]. Если придерживаться подобной точки зрения, окажется, что сам факт производства по делу, осуществляющегося в отношении конкретного лица, уже дает основание считать его понесшим уголовную ответственность. При этом, согласно выводам, которые вытекают из логической структуры анализируемой концепции, не имеет никакого правового значения то обстоятельство, что уголовное дело в отношении обвиняемого прекращено по реабилитирующим его основаниям. Все равно следует считать, что такое лицо в процессе производства по делу несло уголовную ответственность. Но изложенное явно противоречит практике и теории уголовного процесса, поскольку в нашей стране ни одно лицо, не виновное в совершении преступления, не несет уголовной ответственности. Нелогичность приведенной позиции очевидна еще и потому, что уголовная ответственность, как это считает Н. А. Стручков, «включает в себя и наказание виновного в совершении преступления лица» [88, с. 8]. Спрашивается, является ли само по себе производство по делу какой-либо мерой наказания, предусмотренной уголовным кодексом? Конечно же, нет. И по одному этому основанию следует признать недопустимым отождествление производства по делу с уголовной ответственностью лица. Как видно, проанализированная позиция Н. А. Стручкова не выдерживает критики. Она не отражает реальное положение дел на практике и поэтому не может быть приемлема уголовно-процессуальной теорией.

При решении вопроса о времени привлечения к уголовной ответственности нельзя игнорировать факт привлечения лица в качестве обвиняемого, однако неправомерно отождествлять привлечение к уголовной ответственности с привлечением лица в качестве обвиняемого, рассматривая его как одноактное действие.

Правильный ответ на поставленный вопрос можно получить лишь в том случае, если при его решении учитывается общая структура обвинительной деятельности, т. е. ее осуществление не только следователем, но и прокурором. В соответствии с законом уголовную ответственность несет лицо, виновное в совершении преступления. Как уже отмечалось, впервые оно индивидуализируется следователем в момент привлечения в качестве обвиняемого. Таким образом, привлечение к уголовной ответственности связано с привлечением лица в качестве обвиняемого, но не сводится к нему. Почему нельзя допускать такого отождествления? Дело в том, что в момент вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого его виновность в совершении преступления еще не полностью доказана. Практика показывает, что в процессе последующего производства по делу обвинение может отпасть, и лицо признается невиновным. Как же можно фор-

мировать убеждение о виновности конкретного лица и привлекать его к уголовной ответственности, когда еще не полностью доказано, что именно оно совершило инкриминируемое ему преступление? «Если люди составляют себе «убеждения» раньше проверки фактов, кои не трудно проверить, то как это называется?» — спрашивал В. И. Ленин [2, т. 52, с. 226]. Такой вопрос вполне уместен и в данном случае, поскольку при условии неполной доказанности виновности лица нельзя считать, что уже в стадии предварительного расследования оно несет уголовную ответственность.

Изложенное делает очевидной несостоятельность отождествления решения следователя о привлечении в качестве обвиняемого с привлечением лица к уголовной ответственности. Если бы все обстояло так, как это утверждают авторы рассматриваемой точки зрения, то после привлечения лица в качестве обвиняемого нужно было бы не продолжать процесс доказывания, а предъявить соответствующим лицам материалы для ознакомления, а затем передать дело прокурору для решения вопроса об утверждении обвинительного заключения, возбуждения государственного обвинения и направления его в суд для предания обвиняемого суду.

Но структура уголовного процесса предусматривает другой порядок осуществления деятельности следователя после привлечения лица в качестве обвиняемого. Она отражает незавершенность познавательной деятельности следователя, объективную необходимость продолжения процесса доказывания с целью получения дополнительной информации, всесторонне и полно устанавливающей виновность лица в инкриминированном ему обвинении¹.

Практика показывает, что с момента привлечения лица в качестве обвиняемого до составления обвинительного заключения проходит довольно большой период напряженной работы следователя. Когда же следователь на основании совокупности имеющихся доказательств сформировал убеждение о виновности данного лица в совершении инкриминируемого ему преступления и выполнил все необходимое по делу, он принимает решение об окончании предварительного следствия и предъявлении всем заинтересованным лицам материалов дела для ознакомления (ст. 217, 218 УПК УССР, ст. 200, 201 УПК РСФСР). Указанное решение следователя должно облекаться в форму постановления.

Только после выполнения всех необходимых действий, связанных с окончанием производства по делу, следователь переходит к составлению обвинительного заключения. Этот

¹ Естественно, что в совокупность доказательств, устанавливающих виновность обвиняемого, входят и те, которые изобличают конкретное лицо в совершении преступления и на основании которых оно привлечено в качестве обвиняемого.

заключительный акт предварительного расследования находится в определенном соотношении с постановлением о привлечении лица в качестве обвиняемого. На данное обстоятельство уже обращалось внимание в нашей литературе¹. При этом можно выделить различные аспекты соотношения названных актов. Рассмотрим один из возможных аспектов и тем самым подчеркнем не только общее, но и то, что отличает информационные и психологические основы решений следователя, находящих свое отражение в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении.

В основе каждого из исследуемых актов лежит убеждение следователя о виновности конкретного лица. Это то, что является общим с точки зрения психологической характеристики сформулированного следователем обвинения. Но и здесь имеются определенные различия. Они касаются полноты, всесторонности внутреннего убеждения, которое лежит в основе сравниваемых актов. Убеждение, на основании которого вынесено постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, отличается от убеждения следователя в соответствии с которым он составил обвинительное заключение. В первом случае убеждение следователя лежит в основе исходного акта обвинения, которое в дальнейшем подлежит доказыванию, во втором речь идет о конечном для стадии расследования акте. Для следователя убеждение, нашедшее отражение в обвинительном заключении, является окончательным. Каждый из названных актов порождает различные правовые последствия. Они уже были предметом исследования в советской юридической литературе. Здесь нужно указать, что убеждение следователя о виновности конкретного лица в совершении преступления, нашедшее свое отражение в обвинительном заключении, выступает основанием направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения.

¹ Постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого занимает специфическое место в общей системе обвинительных актов. Оно является актом первоначального (исходного) обвинения и непосредственно влияет не только на содержание иных процессуальных актов, но и на решение вопроса о судьбе лица, привлеченного в качестве обвиняемого. Именно поэтому очень важно обеспечить законность и обоснованность исходного акта обвинения. Весьма наглядно данный аспект соотношения анализируемых актов обвинения показан А. Ф. Кони. «Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду, — отмечает он — очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу. Знаменитый канцлер Дангессо называл осуждение невиновного общественным бедствием. Такое же бедствие, только менее громкое, но одинаково тяжелое и далеко не всегда поправимое, вносящее скорбь, смущение и боль в жизнь человека и окружающих его, составляет неправильное привлечение к следствию в качестве обвиняемого» [61, с. 401].

Таким образом, привлечение к уголовной ответственности — не единовременный акт [см. 56, с. 16], а протяженный, обладающий определенной длительностью процесс, пространственно-временные границы которого охватывают период с момента привлечения лица в качестве обвиняемого до утверждения обвинительного заключения прокурором, возбуждения им государственного обвинения с последующим направлением уголовного дела в суд для решения вопроса о предании обвиняемого суду. Как видно, привлечение лица к уголовной ответственности осуществляется не только следователем, но и прокурором. Данный аспект проблемы до сих пор не был предметом самостоятельного исследования. Между тем правильное его решение зависит от уяснения соотношения обвинительной деятельности следователя и обвинительной деятельности прокурора.

При этом следует исходить из того реально существующего и общепризнанного положения, что функция публичного обвинения является единой, целостной для всего уголовного процесса, хотя и осуществляется различными субъектами. Анализ взаимодействия субъектов обвинения заслуживает самостоятельного исследования. Главное, что следует здесь подчеркнуть, — это невозможность осуществления функции публичного обвинения без взаимной, совместной деятельности следователя и прокурора. Действительно, именно с деятельностью следователя связано возникновение в уголовном процессе функции обвинения. Затем в связи с завершением производства по делу и передачей его прокурору происходит процесс трансформации следственного обвинения в государственное. Дальнейшая обвинительная деятельность осуществляется прокурором, возбуждающим государственное обвинение при утверждении обвинительного заключения. Как видно, реализация следственного обвинения невозможна без обвинения государственного, а возникновение последнего невозможно без следственного обвинения. При этом необходимо отметить, что следственное и государственное обвинения находятся в отношении дополнительности, представляют собой различные уровни публичного обвинения, осуществляемого в уголовном процессе. Указанный факт еще раз подчеркивает то обстоятельство, что, во-первых, в уголовном процессе функция обвинения всегда осуществляется общими усилиями следователя и прокурора; во-вторых, она реализуется в определенных пространственно-временных границах, нижним пределом которых следует рассматривать момент привлечения лица в качестве обвиняемого, а верхним — осуществление обвинительной деятельности прокурором в различных судебных стадиях. Важно при этом уточнить конечный момент осуществления прокурором обвинительной деятельности и в досудебных стадиях процесса, так как именно в них возникает, развивается

и завершается формирование функции публичного обвинения. На наш взгляд, в качестве такого момента следует рассматривать возбуждение прокурором государственного обвинения против конкретного лица. Именно на данном этапе производства по делу возникает функция государственного обвинения в уголовном процессе. С момента перевода прокурором обвинения в суд с ходатайством о принятии его к своему разрешению начинается процесс поддержания государственного обвинения или, иначе говоря, осуществление функции обвинения в судебных стадиях процесса.

Из сказанного следует, что привлечение лица к уголовной ответственности представляет собой сложную по своей структуре уголовно-процессуальную деятельность. Она охватывает две смежные стадии — предварительного расследования и возбуждения государственного обвинения — и состоит из следующих структурообразующих элементов: привлечения лица в качестве обвиняемого; предъявления ему обвинения; составления обвинительного заключения и направления его прокурору для утверждения и решения вопроса о возбуждении государственного обвинения; утверждения обвинительного заключения и возбуждения прокурором государственного обвинения против конкретного лица с последующим направлением уголовного дела в суд.

Совершением совокупности указанных действий создаются необходимые и достаточные условия для решения судом вопроса о виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности. Поэтому следует согласиться с мнением Л. М. Карнеевой о том, что «значение привлечения к уголовной ответственности состоит не в признании лица виновным, и не в установлении уголовной ответственности, а в создании для этого необходимых условий» [56, с. 16]. Это утверждение справедливо еще и потому, что ни следователь, ни прокурор не признают лицо виновным в плане тех правовых последствий, которые наступают по решению органа, осуществляющего правосудие.

Права и обязанности прокурора, возникающие в связи с возбуждением государственного обвинения. Прокурор — основной субъект государственного обвинения. Именно он и никто другой правомочен возбуждать при наличии необходимых и достаточных оснований государственное обвинение против лица, совершившего преступление. Тем самым прокурор не только возлагает определенные обязанности на уголовно-ответственное лицо, но и принимает их на себя. Они производны от процессуального положения уголовно-ответственного лица, поэтому их характеристика предполагает анализ процессуального положения лица, против которого возбуждено государственное обвинение. Поскольку государственное обвинение обладает присущей ему самостоятельностью и порождает

существенные для различных лиц, прежде всего для обвиняемого, последствия, не вызывает сомнения, что оно должно возбуждаться и развиваться, не минуя уголовно-ответственное лицо. Последнее является субъектом стадии возбуждения государственного обвинения, т. е. лицом, в отношении которого данное обвинение возбуждается. В этой связи и государственный обвинитель, и уголовно ответственное лицо должны обладать определенными правами и соответствующими обязанностями. Мы не будем рассматривать весь комплекс полномочий, свойственных каждому субъекту. Фактическое положение последних позволяет уже сейчас указать на наличие в данной стадии у государственного обвинителя и обвиняемого определенных прав и обязанностей.

Прежде всего обвиняемый, зная структуру советского уголовного процесса, ожидает, что в связи с поступлением уголовного дела к прокурору тот может принять ряд решений, многие из которых затрагивают или могут затронуть его права или охраняемые законом интересы. Поэтому для обвиняемого важно установить, какое из возможных решений принял прокурор. Следовательно, логично предположить, что суждению обвиняемого должна соответствовать обязанность прокурора поставить его в известность о характере принятого им решения в связи с поступлением к нему уголовного дела с обвинительным заключением. Таким образом, в данной стадии процесса прокурор и обвиняемый должны вступить в непосредственное взаимодействие, чего в настоящее время фактически не бывает. При ныне существующем положении сам факт сообщения обвиняемому, как и другим лицам, об окончании предварительного следствия воспринимается им как «автоматическое» поступление дела в судебные органы для решения вопроса о предании его суду. При таком порядке утверждение обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения всегда предполагаются как само собой разумеющиеся. Внешне они воспринимаются заинтересованными лицами как формальность, не связанная с защитой интересов обвиняемого и других лиц на этапе утверждения прокурором обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения. Этим, на наш взгляд, умаляется роль прокурора и его решение об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения.

Как видно, непосредственное взаимодействие государственного обвинителя и лица, привлеченного к уголовной ответственности, соответствует интересам прокурора и обвиняемого, равно как и правосудия в целом. Осуществление указанных интересов должно быть гарантировано действующим законодательством и практикой его применения. Следовательно, это область будущей правовой регламентации. Но уже сейчас следует отметить, что необходимость доведения до

сведения уголовно ответственного лица сущности принятого прокурором решения обуславливается еще и тем, что прокурор на данном этапе производства по делу не только утверждает обвинительное заключение, но и возбуждает государственное обвинение против конкретного лица. Поскольку же данное обвинение заставляет обвиняемого предстать перед судом, естественно, что именно оно должно доводиться до его сведения. Соблюдение этого требования предопределяется еще и тем, что здесь речь идет о новом виде и новом более высоком уровне публичного обвинения — государственном обвинении. Оно обвиняемому не предъявлялось ранее и, естественно, должно быть предъявлено.

В стадии предварительного расследования обвиняемый, равно как и другие участники процесса, знакомится с большим количеством процессуальных актов: постановлением об избрании меры пресечения, назначением экспертизы, решением о привлечении в качестве обвиняемого, об отказе в удовлетворении заявленных ходатайств и т. д.

Сопоставление содержания и функционального назначения этих актов с обвинительным заключением и постановлением прокурора о его утверждении и возбуждении государственного обвинения позволяет установить, что хотя все они важны, но с точки зрения их понимания и освоения обвиняемым содержащейся в них информации менее сложны, чем итоговые акты стадии предварительного расследования и стадии возбуждения государственного обвинения. Более того, именно итоговые акты порождают существенные правовые последствия как для обвиняемого, так и для всего уголовного процесса. Почему же тогда первая группа актов обязательно предъявляется и разъясняется обвиняемому лично следователем или другим лицом, в производстве которого находится уголовное дело, а обвинительное заключение и постановление прокурора о его утверждении и возбуждении государственного обвинения вообще ему не предъявляются и не разъясняются? Полагаем, что совершение указанных действий имеет большое практическое значение. Оно соответствует интересам обвиняемого и органов, ведущих борьбу с преступностью, в производстве которых находилось уголовное дело. Следует установить такой порядок, чтобы каждому обвиняемому, который привлечен к уголовной ответственности, было предъявлено государственное обвинение и разъяснена сущность обвинительного заключения с вручением ему копии данного процессуального акта вместе с решением прокурора о возбуждении государственного обвинения. Эта необходимость особенно очевидна в случаях изменения прокурором обвинения, которое предъявил обвиняемому

следователь. Осведомленность обвиняемого о характере внесенных прокурором изменений в следственное обвинение позволяет ему выработать соответствующую позицию защиты.

Таким образом, возбуждение государственного обвинения порождает у прокурора — государственного обвинителя — обязанность довести до сведения обвиняемого сущность инкриминируемого ему государственного обвинения. Сам факт доведения до сведения обвиняемого, что против него возбуждено государственное обвинение, во-первых, подтверждает законность и обоснованность обвинительной деятельности следователя, осуществлявшейся в предшествовавшей стадии процесса; во-вторых, констатирует обязанность обвиняемого предстать перед судом и понести в соответствии с законом наказание за совершенное им преступление.

В связи с этим возникает вопрос о форме доведения до сведения обвиняемого об утверждении обвинительного заключения и возбуждения против него государственного обвинения. Если бы речь шла только об утверждении обвинительного заключения, можно было бы согласиться с тем, что о подобном решении прокурора обвиняемый может быть поставлен в известность направлением ему специального сообщения. Но акт утверждения обвинительного заключения взаимосвязан с актом возбуждения прокурором государственного обвинения против лица, привлеченного к уголовной ответственности. Они представляют собой комплексное решение, которое лишь в своем объективном единстве порождает правовые последствия, предусмотренные законом. Поэтому указанные акты должны направляться обвиняемому, т. е. лицу, в отношении которого возбуждено обвинение, не кем иным, как прокурором, т. е. субъектом государственного обвинения. Приведенное положение следует также из того, что именно между прокурором и лицом, в отношении которого возбуждено государственное обвинение, возникают и развиваются правоотношения по поводу данного вида обвинения. Оно изложено в обвинительном заключении, а решение о его утверждении и возбуждении государственного обвинения — в специально выносимом прокурором постановлении (ст. 130 УПК УССР). Эти акты — обвинительное заключение и постановление прокурора о его утверждении и возбуждении государственного обвинения — *должны вручаться обвиняемому лично прокурором или одним из его помощников.* Поскольку обязанность прокурора передать обвинительное заключение и постановление о возбуждении государственного обвинения есть следствие возникновения между ним и уголовно ответственным лицом соответствующих процессуальных отношений, непонятно, почему обвинительное заключение должен вручать этому лицу суд. При подобном положении правомерно полагать о каком-то

особом отношении суда к государственному обвинению. Именно данное обстоятельство породило утверждения, будто суд тоже является субъектом обвинения в советском уголовном процессе. Такой ошибочной позиции придерживаются М. А. Чельцов, И. И. Малхазов, П. М. Давыдов. При этом каждый из них излагает ее с учетом общего контекста своей работы и поэтому выражает с различной степенью определенности. М. А. Чельцов, ссылаясь на ст. 17 Положения о прокурорском надзоре в СССР и ст. 20, 40 УПК РСФСР, утверждает, что «обязанность доказывания лежит одинаково на прокуроре, как на представителе органа охраны законности, и на суде, как на органе правосудия» [147, с. 127]. И. И. Малхазов считает, что «обязанность доказывания виновности лежит не только на прокуроре, следователе и органах дознания, но и на суде» [79, с. 22]. Анализируя сущность судебной функции, П. М. Давыдов приходит к выводу о том, что кроме лица, производящего дознание, следователя, прокурора «субъектом формулирования обвинения является суд» [39, с. 28—29]. Между тем «судья не может брать на себя в процессе роль обвинителя» [12, с. 4]. В соответствии с законом субъектами обвинения, осуществляемого должностными лицами, выступают следователь, лицо, производящее дознание, и прокурор. Поэтому изложенная точка зрения была подвергнута правильной критике. По мнению В. М. Савицкого, «по конструкции нашего процесса суд никогда не становится автором обвинения и не претендует на такое авторство, хотя его и пытаются ему навязать» [118, с. 361—362]. Эти замечания справедливы, так как «ни в одном советском законе о суде... нельзя найти даже отдаленного намека на то, что суд выступает как обвинитель, выполняет функцию обвинения» [124, с. 111—112]. С приведенными доводами нельзя не согласиться, так как нельзя не признать ошибочность рассмотренных точек зрения, поскольку они не отражают сущность правосудия в СССР, а напротив, искажают ее. Следовательно, они необоснованы. Для того, чтобы подобные взгляды не возникали впредь, следует изменить порядок вручения обвинительного заключения обвиняемому, т. е. отстранить суд от деятельности, которая по аналогии со стадией предварительного расследования фактически является не чем иным, как предъявлением государственного обвинения конкретному лицу, привлеченному к уголовной ответственности. Указанную деятельность должен осуществлять тот орган, чью специфическую сущность она выражает. Им как раз и является прокурор, осуществляющий по закону функцию государственного обвинения.

Изменение существующего порядка приведет к тому, что суд будет заниматься лишь свойственной ему деятельностью —

отправлять правосудие. Введение такой новеллы не повлечет никаких нежелательных последствий ни для правосудия, ни для общих интересов борьбы с преступностью. Напротив, с психологической точки зрения она изменит отношение обвиняемого и других граждан к акту предания суду. Тогда четкое отграничение правосудия от обвинительной деятельности будет восприниматься заинтересованными лицами как объективный факт, вселяющий уверенность в реальной независимости суда и подчинении его только закону, в справедливости выносимых им решений, в отсутствии у него какой-либо заинтересованности в реализации именно того обвинения, которое сформулировано государственным обвинителем. Обвиняемый же, получивший обвинительное заключение от прокурора, будет ожидать от суда не обвинительного заключения, как это имеет место теперь, а его решения по поводу обвинительного заключения и решения прокурора о возбуждении им государственного обвинения.

Приняв обвинение к своему разрешению, суд в стадии предания суду решает комплекс специальных вопросов и в случае предания обвиняемого суду должен направлять ему не обвинительное заключение, а только копию определения о предании обвиняемого суду или иное принятое им решение. В частности, если суд прекратил производством уголовное дело или направил его на следствие, об этом он должен ставить в известность обвиняемого и его защитника.

Изложенное позволяет вполне определенно решить вопрос о том, *кто должен оглашать обвинительное заключение в суде.* На наш взгляд, *такие действия входят в структуру обвинительной деятельности прокурора.* Они являются публичным оглашением обвинения в суде, которое необходимо рассматривать в качестве исходного, начального момента деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения в стадии судебного разбирательства. Именно поэтому *оглашать обвинительное заключение в суде должен прокурор.* В тех случаях, когда суд, решая вопрос о предании обвиняемого суду, внес своим определением какие-либо изменения в обвинительное заключение, а вместе с тем и в решение прокурора о возбуждении государственного обвинения, то после оглашения прокурором обвинительного заключения и своего решения о его утверждении суд в лице секретаря судебного заседания должен поставить в известность присутствующих о тех изменениях, которые он внес с сформулированное прокурором государственное обвинение. Таким порядком оглашения обвинительного заключения прокурором и соответствующих решений судом по рассматриваемому обвинению еще раз в присутствии всех граждан подчеркивается незаинтересованность суда в предъявлении обвинения и его подлинная независимость в советском уголовном процессе.

По нашему мнению, прокурор оглашает обвинение, а не обвинительное заключение, поскольку в начале судебного заседания должна оглашаться лишь заключительная (резюмирующая) часть обвинительного заключения, т. е. фабула обвинения, а не все обвинительное заключение. Это не повлечет за собой никаких нежелательных последствий для обвиняемого, по сравнению с теми гарантиями, которые существуют в настоящее время. Напротив, указанная новелла, во-первых, позволит сэкономить время, затрачиваемое на оглашение обвинительного заключения; во-вторых, суду и всем участникам процесса, чьи интересы обвинение затрагивает, уже известны материалы уголовного дела, а обвиняемому вручено в полном объеме и само обвинительное заключение. При таком положении оказывается, что полное оглашение обвинительного заключения необходимо лишь для лиц, присутствующих в зале. Но при оглашении обвинительного заключения присутствующие в зале граждане узнают только то, что установлено в стадии предварительного расследования. Присутствуя же в зале, они, как и суд, могут непосредственно воспринимать всю необходимую информацию о совершенном преступлении и формировать на ее основе свое убеждение о виновности или невиновности подсудимого. Кроме того, картина совершенного преступления, все обстоятельства дела будут еще раз не только воспроизводиться в суде, но и глубоко анализироваться государственным обвинителем и защитником обвиняемого, равно как и другими участниками судебного разбирательства. Таким образом, в судебном разбирательстве будет обеспечиваться воспитательное и предупредительное значение процесса и не наступит никаких нежелательных последствий от неполного оглашения обвинительного заключения в суде.

Придерживаясь такой позиции по данному вопросу, мы, однако, не считаем, что предложенный нами вариант оглашения обвинительного заключения является единственно приемлемым. Можно, например, установить такой альтернативный порядок, когда вопрос о необходимости полного оглашения обвинительного заключения обсуждается субъектами судебного разбирательства и окончательно решается судом. Какой из вариантов является наиболее оптимальным, покажет время. Здесь же следует отметить, что рассмотренный вопрос требует своего обсуждения и, возможно, экспериментальной проверки, особенно в плане дискуссии об экономии процессуальных средств в уголовном судопроизводстве¹.

¹ Такая экспериментальная проверка вполне возможна, ибо «в принципе нет оснований для возражений против проведения правового эксперимента при условии ограждения установленных прав граждан и обеспечения их законных интересов» [143, с. 5—6]. Естественно, что эти эксперименты должны не только планироваться, но и проводиться на основе экспериментального нормативного акта и в полном соответствии с принципами пра-

Возбуждение государственного обвинения отражает тенденцию поступательного развития уголовно-процессуальной деятельности в направлении судебных стадий процесса. Поэтому выполнение прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения возложенных на него задач предполагает реализацию им его обязанности передать уголовное дело в соответствующий суд для разрешения сформулированного им государственного обвинения и решения вопроса об уголовной ответственности обвиняемого. Но не только логика уголовно-процессуальной деятельности обуславливает необходимость передачи уголовного дела в суд. Все заключается в том, что государственное обвинение возбуждается против конкретного лица. Принятие прокурором указанного решения ставит обвиняемого в положение уголовно ответственного лица, которое заставляет его находиться в состоянии психической напряженности¹. Однако он не может пребывать в таком положении постоянно или определенное время, поскольку оно оказывает на него определенное психическое воздействие и влечет за собой известные ограничения². Следовательно, период, в течение которого обвиняемый может находиться в состоянии государственного обвинения, должен быть ограничен четкими процессуальными сроками. Анализ действующего законодательства показывает, что соблюдение этих сроков зависит от двух самостоятельных органов: прокурора и суда. Но исходные процессуальные действия, направленные на изменение указанного состояния обвиняемого, должен раньше всех совершить прокурор. Именно он в соответствии со ст. 232 УПК УССР (217 УПК РСФСР) обязан направить уголовное дело в суд для решения вопроса о предании обвиняемого суду. В этой связи возникает вопрос *о правовой сущности решения прокурора о переводе обвинения в суд*. Данный вопрос еще не был предметом самостоятельного исследования. Однако в литературе имеются отдельные высказывания относительно природы названного решения прокурора.

Действительно, если прокурор с момента возбуждения государственного обвинения против конкретного лица становится государственным обвинителем, то не является ли его решение о переводе обвинения в суд актом обвинения? «Передачу прокурором дела в суд с обвинительным заключением»

нового эксперимента, которые ни в коем случае не должны противоречить действующим принципам советского уголовного процесса. Подробно о правовом эксперименте говорится в работах [см. 91, 43].

¹ В последнее время психическая напряженность, особенно такая ее разновидность, как стрессовое состояние человека, стала предметом активного исследования в советской психологической литературе. Среди работ, специально посвященных данной проблеме, необходимо назвать монографию Н. И. Ноенко [см. 92].

² Вопрос о степени испытываемой обвиняемым напряженности представляет практический интерес и требует проведения специальных исследований.

[127, с. 56] М. С. Строгович включает в структуру обвинительной деятельности, осуществляемой в уголовном процессе. По его мнению, «к уголовному преследованию относятся те действия прокуратуры, которые направлены на то, чтобы обосновать перед судом предъявленное обвинение, убедить суд в виновности обвиняемого и необходимости применить к нему заслуженное наказание (передача прокурором дела в суд с обвинительным заключением, участие прокурора в подготовительном и судебном заседании)» [127, с. 56]. С приведенным выводом нельзя не согласиться. Возбуждение государственного обвинения отражает внутреннее убеждение прокурора в виновности конкретного лица в совершении преступления, т. е. позицию государственного обвинителя. Все последующие действия, производные от этого решения прокурора и направленные на его реализацию, имеют обвинительный характер. *Поэтому перевод обвинения в суд следует рассматривать в качестве одного из элементов обвинительной деятельности прокурора.* Он является последним действием в общей системе его обвинительной деятельности, осуществляемой в досудебных стадиях процесса. Это одна сторона исследуемого вопроса. Однако посредством ее характеристики дан лишь частичный ответ на поставленный вопрос, ибо не проанализировано содержание решения прокурора о переводе обвинения в суд.

Как и любая обвинительная деятельность, перевод обвинения в суд обладает своим содержанием, специфика которого отражает его сущность и тем самым отличает от других актов обвинения. Прежде всего укажем, что содержание характеризуемой деятельности прокурора не может сводиться к совокупности технических действий, связанных с передачей им уголовного дела компетентному органу правосудия. В данном случае прокурор действует как обвинитель, — он переводит в суд обвинение, выступающее результатом его обвинительной деятельности. Последний содержится в деле, которое суд и должен исследовать. Но при этом уголовное дело является процессуальной формой производства о совершенном конкретным лицом преступлении. Оно рассматривается судом как специфическая форма, отражающая определенную правовую реальность, в том числе и обвинение, представшее перед судом в виде специфической правовой задачи, подлежащей разрешению. Поэтому следует говорить не о передаче уголовного дела в суд, а о переводе в суд государственного обвинения для его разрешения. Доведение прокурором в порядке, установленном законом, до сведения суда о возбуждении государственного обвинения против лица, совершившего преступление, с ходатайством принять его вместе с уголовным делом к своему разрешению мы именуем переводом обвинения в суд.

Таким образом, перевод обвинения в суд представляет собой процессуальное действие, порождающее соответствующие

уголовно-процессуальные отношения. Их субъектами являются прежде всего прокурор, исполняющий функцию государственного обвинителя, суд (или единолично действующий судья), рассматривающий вопрос о возможности принятия обвинения к своему разрешению, а также лица, чьи интересы это процессуальное действие затрагивает. К последним относятся все иные участники процесса, среди которых следует особо выделить обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей. Но из всего многообразия субъектов, участвующих в деле, нужно отметить тех, которые при совершении каждого акта перевода обвинения в суд обязательно по любому делу вступают во взаимодействие и между ними по каждому делу возникают уголовно-процессуальные отношения. Это основные субъекты характеризуемых правоотношений: прокурор, суд, судья и обвиняемый, против которого возбуждено государственное обвинение. Другие лица образуют группу дополнительных субъектов. В зависимости от обстоятельств конкретного дела и интересов лиц, которые затрагиваются переводом обвинения в суд, интенсивность взаимодействия между основными и дополнительными субъектами может быть различной. Но во всех случаях по каждому уголовному делу прокурор должен вступить во взаимодействие с обвиняемым и тем судом, которому подсудно данное уголовное дело.

Каждый субъект возникших правовых отношений имеет права и обязанности. Прокурор, в частности, вправе требовать от суда принять государственное обвинение к своему разрешению. При этом именно требование о принятии обвинения к своему разрешению образует содержание решения прокурора о переводе обвинения в суд.

Характеризуя обвинительную деятельность прокурора, А. Л. Ривлин указывал: «Обвинение является результатом процесса доказывания его следствием и выражается в утверждении о виновности данного лица, в привлечении его в силу этого в качестве обвиняемого, в требовании предания его суду и осуждения... Обвинять — значит утверждать на основании собранных доказательств, что данное лицо виновно в совершении преступления, привлечь его в силу этого в качестве обвиняемого, требовать предания его суду, осуждения и наказания. В этом сущность обвинения» [109, с. 257—258]. Как видно, А. Л. Ривлин, так же как и М. С. Строгович, рассматривал взаимодействие прокурора и суда по поводу обвинения в виде отношений обвинительного характера. По его мнению, их содержание образует требование прокурора, адресованное суду, принять сформулированное им государственное обвинение к разрешению и предать обвиняемого суду. С этой точкой зрения следует полностью согласиться. Императивный характер

решения прокурора, отражаемого в его требовании принять обвинение к своему разрешению и на этой основе передать обвиняемого суду, обуславливается государственно-правовой сущностью данного вида обвинения. Речь идет о выражении прокурором в его государственном обвинении воли государства, которое не может выражаться в иной, неимперативной форме. Такая форма может получить свое внешнее адекватное выражение лишь в требовании прокурора. Основание, на котором базируется требование прокурора о предании обвиняемого суду, носит комплексный характер. Оно во всех случаях должно основываться на обвинительном заключении следователя и решении прокурора о его утверждении и возбуждении государственного обвинения. Ни один из этих актов самостоятельно в отрыве друг от друга не может выполнять роль основания требования прокурора о предании обвиняемого суду. Поэтому нужно признать недостаточно обоснованным утверждение А. Л. Ривлина, что именно обвинительное заключение «влечет за собой требование о предании обвиняемого суду» [109, с. 259]. Как видно, перевод обвинения в суд имеет самостоятельное процессуальное значение.

Если поставленный вопрос рассматривать с точки зрения структуры обвинительной деятельности, необходимо отметить, что действия, образующие содержание такого правового акта, как перевод обвинения в суд, совершаются на стыке деятельности, связанной с возбуждением государственного обвинения, и деятельности, направленной на его поддержание. Поэтому без перевода обвинения в суд невозможна, с одной стороны, реализация возбужденного прокурором государственного обвинения, а с другой — совершение действий, связанных с поддержанием государственного обвинения, ибо отсутствуют правовые основания для их возникновения. Следовательно, перевод обвинения в суд является тем актом, который связывает все предшествовавшие стадии процесса (возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и возбуждения государственного обвинения) с последующими, т. е. с судебными стадиями процесса. Без данного акта невозможен процесс восходящего развития уголовно-процессуальной деятельности, а значит, и осуществление правосудия. В сказанном, в частности, также проявляется связь функции обвинения с функцией правосудия. И речь, конечно, идет не о технической (или процедурной) стороне взаимосвязи различных стадий процесса и различных видов процессуальной деятельности, а о тех правовых основах и производных от них юридических последствиях, которые наступают в связи с переводом обвинения в суд. Иначе говоря, речь идет о характеристике того этапа в производстве по делу, который является необходимым связывающим звеном между досудебными и судебными стадиями советского уголовного процесса. Указанное

обстоятельство весьма важно подчеркнуть в плане дальнейшей характеристики государственного обвинения.

Сущность государственного обвинения, его юридическая природа должна получить свое выражение в каждом самостоятельном элементе обвинительной деятельности прокурора, а также в рассматриваемом процессуальном действии. В связи с тем, что объектом негативных уголовно-правовых отношений является советский социалистический правопорядок, нарушенный преступлением, то в ходатайстве прокурора, выражающемся в специфической процессуальной деятельности, должно содержаться указание (обращенное к суду) на необходимость защиты советского социалистического правопорядка. Поэтому прав Н. Н. Полянский, утверждая, что «обращенное к суду ходатайство обвинителя есть ходатайство о защите социалистического правопорядка и нарушенной нормы права» [100, с. 107]. Вместе с тем, защищая социалистический правопорядок, советский суд защищает нарушенные совершенным преступлением права и законные интересы советских граждан. Необходимость этого также вытекает из характера ходатайства прокурора, выраженного им в его решении о переводе государственного обвинения в суд. Поэтому недопустимо противопоставление в ходатайстве прокурора интересов государства и интересов отдельных граждан. Подобное противопоставление допускал Н. Н. Полянский, когда, характеризуя обращенное к суду ходатайство государственного обвинителя, писал, что «оно не есть ходатайство о защите нарушенного права и нарушенных законных интересов... Обвинитель, если он не гражданский истец, не просит о признании или восстановлении нарушенного права или компенсации причиненного ущерба, он просит о защите социалистического правопорядка и авторитета нормы права путем наказания виновного» [100, с. 107]. Ошибочность приведенных утверждений очевидна. Она производна от неверной исходной позиции в интерпретации социальной сущности обвинения, которое рассматривалось автором в качестве специфического уголовного иска, подвергнутого справедливой критике в советской процессуальной литературе [см. 148; 76; 108, с. 53—64].

Перевод обвинения в суд является тем юридическим фактом, наличие которого порождает *судебный процесс*. Именно с данного момента начинается в полном смысле слова судопроизводство, точнее говоря, одна из первых его стадий, которая именуется стадией предания обвиняемого суду. Действительно, получив уголовное дело вместе с утвержденным обвинительным заключением, судья в соответствии со ст. 241 УПК УССР (ст. 221 УПК РСФСР) должен назначить слушание дела о предании обвиняемого суду не позднее пяти суток, а в случаях сложности дела — не позднее десяти суток со дня его поступления в суд. Следовательно, начальным

моментом, порождающим необходимость реализации судьей своей обязанности рассмотреть дело в указанные сроки, являясь время фактического поступления уголовного дела в суд. Этот перевод и следует считать моментом перевода обвинения в суд. Поэтому можно утверждать, что направлением уголовного дела в суд осуществляется перевод всей системы уголовного процесса в новое состояние, которое характеризуется особенностями функционирования советской судебной системы.

Особенности судопроизводства, его отличие от других видов процессуальной деятельности уже были предметом самостоятельного исследования [40, 86]. Здесь же отметим, что и названная специфика, и то общее, что роднит, объединяет все стадии уголовного процесса в одну процессуальную систему, предусмотрены действующим законодательством. Значит, характеризующее новое состояние, возникающее в результате перевода обвинения в суд, нужно рассматривать в качестве правового по своему характеру и подлежащему изучению, как и любая другая правовая реальность. Перевод обвинения в суд — это не право, а обязанность прокурора, возникающая у него в момент утверждения обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения. Приняв такого рода решение, прокурор не вправе задерживать далее уголовное дело в стадии возбуждения государственного обвинения (ибо оно полностью исчерпало все свои функции), а обязан передать его на рассмотрение суду. Данный вывод полностью согласуется со ст. 232 УПК УССР (217, УПК РСФСР), в соответствии с которой прокурор, утвердив обвинительное заключение, составленное органом дознания или следователем, или составив новое обвинительное заключение, направляет дело в суд, которому оно подсудно. Реализация указанной обязанности прокурора находит свое концентрированное выражение в действиях, образующих перевод обвинения в суд. Из сказанного видно, что перевод обвинения в суд индивидуализирует полномочия прокурора, заявившего суду о своем намерении добиваться перед органами правосудия осуждения лица, виновного, по его мнению, в совершении инкриминируемого ему преступления. Такое «намерение представляет собой по существу не что иное, как зафиксированную решением направленность на осуществление цели» [113, с. 460], выраженную в обвинительном заключении и постановлении прокурора о его утверждении и возбуждении государственного обвинения.

С точки зрения восходящего развития обвинительной деятельности намерение прокурора носит общий, более того, можно даже сказать, стратегический характер, поскольку оно направлено на осуществление вполне определенной конечной цели — добиться осуждения виновного. Характеризуя психологическую сторону общих намерений, С. Л. Рубинштейн писал: «Общее намерение, направленное на осуществление конеч-

ной цели, распространяется на всю цепь ведущих к ней действий и обуславливает общую готовность совершать применительно к различным ситуациям, создающимся в ходе действий, целый ряд различных частных действий» [113, с. 460]. В уголовном процессе подобные ситуации возникают в каждой следующей после возбуждения государственного обвинения стадии процесса. И, поскольку речь идет о реализации прокурором государственного обвинения, которое он возбудил, все последующие действия, направленные на осуществление обвинения, будут иметь обвинительный характер. Мы обращаем внимание на данное обстоятельство для того, чтобы подчеркнуть, что утверждение авторов об осуществлении прокурором обвинительной по своему характеру деятельности во всех судебных стадиях процесса подтверждается и в психологической структуре его деятельности, осуществляемой им после акта возбуждения государственного обвинения. Для нашей работы указанный вывод выступает в качестве логического основания для характеристики специфики обвинительной деятельности в судебных стадиях процесса.

Перевод обвинения в суд представляет собой отдельный вид решения, принимаемого прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения, от реализации которого зависит дальнейшее движение обвинения в общей системе стадий советского уголовного процесса. Этим понятием одновременно обозначается совокупность действий прокурора, обеспечивающих ведение обвинения до суда. Поэтому оно должно облекаться в определенную процессуальную форму и получить достаточную правовую регламентацию. Поскольку перевод обвинения в суд является следствием возбужденного прокурором государственного обвинения, естественно, что оно должно отражаться в том же постановлении прокурора, которым он утверждает обвинительное заключение и возбуждает государственное обвинение. Если говорить о месте данного решения в системе иных решений, содержащихся в постановлении прокурора, то оно должно быть изложено в качестве одного из самостоятельных пунктов. Исполнение постановления прокурора в этой его части предполагает не только доведение до суда о принятом прокурором решении, но и совершении совокупности практических действий, обеспечивающих фактическую передачу дела в соответствующий суд.

На практике решение прокурора о переводе обвинения в суд доводится до компетентного органа правосудия в сопроводительном письме, приобщенном к уголовному делу, которое направляется в суд. Совершением этого действия прокурор доводит до органа правосудия о реальном существовании уголовно-правовых отношений между государством (в лице органа государственного обвинения) и лицом, совершившим преступление, в связи с чем против него возбуждено государ-

ственное обвинение, представляемое в суд для его разрешения. Поскольку разрешение обвинения зависит от того, соответствует ли все производство по делу требованиям закона, выполнение которых суд проверяет с точки зрения вопросов, выясняемых при предании обвиняемого суду (ст. 242, 253 УПК УССР, ст. 222, 228 УПК РСФСР), в письме о переводе обвинения в суд должно быть указано о выполнении в предшествующих стадиях процесса всех условий принятия обвинения судом к своему разрешению.

Совершением указанных действий прокурором производство по делу в стадии возбуждения государственного обвинения завершается. Однако отсюда не следует, что после передачи дела в суд прокурор больше не должен заботиться о его судьбе, равно как и о судьбе сформулированного им обвинения. Обязанность прокурора передать дело на решение суда как раз указывает на то, что он должен заботиться о судьбе государственного обвинения во всех судебных стадиях, и прежде всего в стадии предания обвиняемого суду, где будет рассматриваться вопрос о принятии обвинения судом к своему разрешению и о возможности предания обвиняемого суду. Но вмешательство прокурора в судебный процесс возможно лишь в пределах его компетенции, ибо во всех случаях решающая роль в осуществлении судебного процесса принадлежит суду. В юридической литературе соотношение полномочий суда и прокурора в судебном процессе исследовано достаточно полно [см. 142, 21, 117, 118]. В плане рассматриваемого вопроса отметим, что разграничение компетенции двух названных органов начинается с момента перевода обвинения в суд. Констатация данного факта в соответствующих процессуальных актах означает, что прокурор в судебных стадиях процесса уже не волен сам решать вопрос о судьбе сформулированного им по делу государственного обвинения. Из сказанного вытекает, что при возникновении необходимости внесения каких-либо изменений в обвинение или исправления ошибок, допущенных в предшествующих стадиях процесса, прокурор не вправе отозвать для этой цели уголовное дело, направленное им в суд, в установленном законом порядке. С момента перевода обвинения в суд любые изменения как в обвинении, так и в материалах дела могут осуществляться лишь по решению суда, в порядке, установленном законом. Подчеркивая указанное обстоятельство, мы тем самым обращаем внимание на решающую роль суда, его независимость с момента перевода обвинения в суд и принятия его к своему разрешению. Удовлетворение ходатайства прокурора о предании обвиняемого суду во многом зависит от компетентности суда, перед которым такое ходатайство им возбуждено. Отсюда видна важность правильного определения прокурором подсудности уголовного дела.

Полномочия суда, возникающие в связи с переводом государственного обвинения в суд. Если решение суда (судьи) в стадии предания обвиняемого суду влияет на движение уголовного дела в общей системе стадий и в зависимости от характера принятых здесь решений наступают определенные правовые последствия для обвиняемого и лиц, осуществляющих производство по делу в предшествовавших стадиях процесса, очевидно, что перевод прокурором государственного обвинения в суд порождает определенные последствия и для самого суда. Такая взаимозависимость очевидна, ибо судебное производство возможно лишь после перевода государственного обвинения в суд. Важно при этом не только констатировать наличие указанных последствий, но и выяснить их характер, а также значение для развития уголовно-процессуальной деятельности, решения задач советского уголовного процесса. Поскольку возникновение правоотношений между всеми названными субъектами уголовного процесса — реальный факт, не вызывает сомнения и наличие обязанности у каждой из перечисленных сторон. Единство прав и обязанностей в структуре правового статуса субъектов уголовно-процессуальной деятельности предопределяется реально существующей взаимосвязью объективных и субъективных факторов, обуславливающих компетенцию конкретного лица. Подчеркивая названную взаимосвязь, К. Маркс писал: «... *Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав*». [1, т. 17, с. 446]. Правомочия обвиняемого и прокурора, возникающие в связи с возбуждением государственного обвинения, уже были предметом рассмотрения. Каковы же права и обязанности суда?

Направляя согласно ст. 232 УПК УССР (ст. 217 УПК РСФСР) уголовное дело в суд для решения вопроса о предании обвиняемого суду, прокурор тем самым переводит весь уголовный процесс в новое правовое состояние. Данное обстоятельство уже подчеркивалось, однако здесь уместно его повторить с целью показать, что судебный процесс начинается помимо каких-либо специально выносимых об этом судебных решений. Как только уголовное дело поступило в суд, судья единолично или суд коллегиально обязаны выяснить, подсудно ли дело суду, на рассмотрение которого оно поступило (п. 1 ст. 242 УПК УССР, п. 1 ст. 222 УПК РСФСР). Это первый вопрос, разрешаемый судом в связи с переводом обвинения в суд. Подобный автодинамический порядок, когда судопроизводство по делу с обвинительным заключением начинается автоматически, независимо от воли конкретного судьи, представляет собой *специфическую организационно-процессуальную (функциональную) гарантию*, действие которой обеспечивает оптимальное функционирование всей советской уголовно-процессуальной системы.

Как видно, характер правовых последствий, наступающих для суда в связи с возбуждением государственного обвинения и переводом его в суд, обуславливается характером тех решений, которые содержатся в соответствующем постановлении прокурора. Если прокурор принял решение поддерживать государственное обвинение в суде, то суд должен допустить его к участию в деле. В этой связи следует признать незаконными случаи отказа судом в удовлетворении решения прокурора о личном его участии в судебном разбирательстве с целью поддержания государственного обвинения, которые в прошлом имели место в практической деятельности некоторых судебных органов [см. 123, с. 54]. Хотя незаконность таких действий суда очевидна, представляется целесообразным законодательство специальной нормой, закрепляющей право прокурора вступить в дело, разбираемое судом на любом этапе его рассмотрения, но до начала судебного следствия.

В связи с переводом обвинения в суд обвиняемый вправе обратить внимание суда на недостатки в деятельности следователя и прокурора, которые, по его мнению, имели место при производстве в предшествовавших стадиях процесса. На наш взгляд, нужно дополнить действующее законодательство нормой, разрешающей обвиняемому обжаловать обвинительную деятельность прокурора суду. Предоставление такого права обвиняемому будет способствовать защите его интересов, повышению ответственности как прокурора, так и суда, что в свою очередь будет содействовать установлению истины по уголовному делу. Следует детально регламентировать и сам процесс рассмотрения судом жалоб обвиняемого. Суд обязан принять к своему разрешению любую жалобу обвиняемого, независимо от ее содержания. Однако пределы ее рассмотрения в стадии предания суду и в судебном разбирательстве должны определяться дифференцированно. В стадии предания суду рассматриваются лишь те вопросы, изложенные в жалобе обвиняемого, которые не выходят за пределы компетенции суда на данном этапе производства по делу. Остальные вопросы должны быть обсуждены в судебном разбирательстве. В каждой стадии процесса суд выносит специальное решение о пределах рассмотрения жалобы обвиняемого, результаты которого он обязан каждый раз доводить до его сведения.

Глава III. РЕШЕНИЯ, ПРИНИМАЕМЫЕ ПРОКУРОРОМ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

§ 1. Понятие и виды решений, принимаемых прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения

Любая стадия процесса характеризуется тем, что результаты осуществляемой в ней деятельности отражаются в процессуальных актах, принимаемых или выносимых субъектом, ведущим процесс. Естественно, что в стадии возбуждения государственного обвинения такие решения принимает прокурор, ведущий процесс на данном этапе производства по делу. Всем этим решениям, хотя они и обладают определенной спецификой, обусловливаемой государственно-правовым и процессуальным статусом прокурора в уголовном процессе, присущи также общие правовые свойства, которыми наделены уголовно-процессуальные решения. Присоединяясь к мнению П. А. Лупинской, под уголовно-процессуальными решениями будем понимать «правовые акты, облеченные в установленную законом процессуальную форму, в которых органы дознания, следователь, прокурор, судья или суд, в пределах своей компетенции, в определенном законом порядке дают ответы по возникающим по делу правовым вопросам и содержат властное возмездное изъятие о действиях, вытекающих из установления обстоятельств и предписаний закона, направленных на достижение задач уголовного судопроизводства» [75, с. 11].

Б соответствии со ст. 229 УПК УССР (ст. 214 УПК РСФСР) прокурор, проверив дело с обвинительным заключением, принимает одно из следующих решений: 1) утверждает обвинительное заключение или составляет новое обвинительное заключение; 2) возвращает дело органу дознания или следователю со своими письменными указаниями для производства дополнительного расследования; 3) прекращает дело, составив об этом постановление с соблюдением требований ст. 214 УПК УССР (ст. 209 УПК РСФСР).

Более того, УПК РСФСР конкретизирует некоторые из названных пунктов закона, устанавливая, что прокурор в случае несоответствия обвинительного заключения требованиям закона (ст. 205 УПК РСФСР) может возвратить дело со своими письменными указаниями следователю или органу дознания для пересоставления обвинительного заключения. Несмотря на это дополнение, приведенный перечень решений не является исчерпывающим, так как в стадии возбуждения государственного обвинения прокурор принимает и другие решения.

С учетом неполноты правовой регламентации системы решений, принимаемых прокурором по делу, поступившему к нему с обвинительным заключением, Н. П. Подольная предприняла попытку их классификации. Положив в основу классификации содержание функций правоприменительного процесса, она делит все решения прокурора на два класса: «1) решения, принятые в силу исполнения закона; 2) решения, принятые в силу обеспечения закона. К первым относятся решения: 1) об изменении меры пресечения; 2) о составлении обвинительного заключения; 3) о прекращении уголовного дела с применением к обвиняемому мер общественного воздействия; 4) об изменении списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание; 5) о направлении дела в суд. Ко вторым относятся решения: 1) о возвращении уголовного дела органам дознания или предварительного следствия для дополнительного расследования, для прекращения уголовного дела, для пересоставления обвинительного заключения; 2) о прекращении уголовного дела при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 5 УПК РСФСР» [192, с. 14—15]. Несмотря на увеличение перечня решений, предлагаемая автором классификация характеризуется существенной неполнотой. Последняя выражается не только в том, что в ней не нашлось места решению прокурора об утверждении обвинительного заключения, т. е. тому основному решению, которое является результатом деятельности прокурора, избранной Н. П. Подольной в качестве предмета ее исследования, но и в том, что она приводит исчерпывающий перечень решений, которые прокурор может принять в данной стадии процесса. Между тем это утверждение неверно, так как в полном соответствии со ст. 227 УПК УССР (ст. 211 УПК РСФСР) прокурор не только имеет право, но в зависимости от обстоятельств конкретного дела обязан принять целый ряд других решений. Их примерный перечень будет изложен в дальнейшем. Здесь же укажем, что неполнота предложенной Н. П. Подольной классификации решений, принимаемых прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения, предопределена неправильным выбором классификационных оснований.

Исходя из содержания функций правоприменительного процесса, к числу которых отнесены правоисполнительная и право-

обеспечительная, Н. П. Подольная искусственно ограничила объективные основы классификации и тем самым не включила в нее те решения, которые независимо от того, как часто прокурору приходится их принимать по делу, фактически имеют место и не могут не входить в общую классификацию процессуальных актов, выносимых прокурором в данной стадии процесса.

Любая классификация, в том числе и анализируемая здесь, должна базироваться на вполне естественных и достаточно масштабных основаниях, позволяющих с учетом существующей правовой регламентации получить объективные результаты, которые отражают содержание сложной процессуальной деятельности прокурора. Такая классификация прокурорских решений, принимаемых им в стадии возбуждения государственного обвинения, может быть выработана, если при этом исходить из юридической природы вопросов, в связи с разрешением которых прокурор принимает то или иное решение.

Если все исследуемые по делу вопросы (ст. 228 УПК УССР, ст. 213 УПК РСФСР) делить на уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические, этические, предполагающие получение таких же по своему характеру ответов, то решения прокурора, являющиеся процессуальной формой его ответов на рассмотренные им вопросы, также могут классифицироваться на процессуальные акты, отражающие решение уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминологических вопросов, а также вопросов этического характера. К процессуальным актам, связанным с решением вопросов уголовно-правового характера, относятся постановления прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения; о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления (п. 2 ст. 6 УПК УССР; п. 2 ст. 6 УПК РСФСР); в связи с привлечением лица к административной ответственности (ст. 7¹, 7² УПК УССР); в связи с передачей материалов дела на рассмотрение товарищеского суда (ст. 8 УПК УССР; ст. 7 УПК РСФСР); в связи с передачей материалов дела на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних (ст. 9 УПК УССР; ст. 8 УПК РСФСР); в связи с передачей виновного на поруки (ст. 10 УПК УССР, ст. 9 УПК РСФСР); о составлении обвинительного заключения; о возбуждении уголовного дела против новых лиц.

В число процессуальных актов, отражающих решение вопросов уголовно-процессуального характера, входят постановления прокурора о выделении уголовных дел; об отстранении обвиняемого от должности; о применении или отмене меры пресечения; о принятии мер к охране имущества и жилища обвиняемого, оставшегося без присмотра; об отмене наложенного ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию; о нало-

жении ареста на имущество; о наложении ареста на денежный вклад; об отмене ареста на денежный вклад; о приостановлении производства по делу; о прекращении производства по делу на основаниях, предусмотренных п. 1, 3—10, ст. 6 УПК УССР (п. 1, 3—10 ст. 5 УПК РСФСР), п. 2 ст. 213 УПК УССР (п. 2 ст. 208 УПК РСФСР); о результатах рассмотрения жалобы на действия следователя; об удовлетворении ходатайства обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика; об изменении списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание; о направлении уголовного дела в суд для предания обвиняемого суду и в этой связи о возложении обязанности поддержания государственного обвинения в суде на одного из своих помощников, если сам прокурор не считает возможным принять личное участие в рассмотрении дела судом.

К процессуальным актам, отражающим решение прокурором вопросов криминологического характера, относится представление прокурора об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления¹. К ним близко примыкают и такие решения прокурора, в которых он в соответствии с указаниями ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по усилению борьбы с нарушениями общественного порядка дает положительную оценку действиям гражданина, проявленным им в борьбе с правонарушителями и преступностью, и сообщает об этом по месту его работы или другим органам, компетентным поощрять граждан за такие поступки. Хотя перечисленные решения прокурора также имеют предупредительно-воспитательное значение, они по своей природе отличаются от превентивных решений тем, что базируются не только на нормах закона, но и на нормах коммунистической нравственности, закрепленных в Моральном кодексе строителя коммунизма. Этим, в частности, они также отличаются от названных прокурорских актов, носят рекомендательный характер, в силу чего выделяются нами в самостоятельный вид процессуальных актов, отражающих решение прокурором вопросов этического характера.

Изучая материалы уголовного дела, прокурор может установить данные, указывающие на совершение дисциплинарного или административного проступка лицами, не причастными к расследованному преступлению. Реализуя свои надзорные полномочия, прокурор может привлечь таких лиц к административной или дисциплинарной ответственности. Каждое принимаемое прокурором решение дает ответ на конкретный вопрос. Поскольку он может быть как положительным, так и отрицательным, аналогичным может быть и соответствующее решение прокурора.

¹ Такого рода решение носит четко выраженный государственно-властный характер и поэтому должно облекаться в форму постановления [49, с. 116—122; 52, с. 56—65; 75, с. 40; 74, с. 30].

В плане решения основного вопроса — о возможности или невозможности возбуждения государственного обвинения — достаточно дать полную характеристику тем процессуальным решениям прокурора, в которых отражается положительное или отрицательное решение вопросов уголовно-правового характера. От того, каким будет полученный прокурором ответ на данную группу вопросов, зависит характер принимаемого им решения в стадии возбуждения государственного обвинения.

Если при исследовании всех обстоятельств дела прокурор положительно отвечает на вопрос о виновности лица, в отношении которого следователь составил обвинительное заключение и возбудил ходатайство о его утверждении, то он принимает решение об утверждении этого процессуального акта и возбуждении государственного обвинения. При отрицательном ответе на указанный вопрос прокурор принимает решение об отказе в утверждении обвинительного заключения, возбуждении государственного обвинения и в зависимости от обстоятельств конкретного дела прекращает производство по одному из предусмотренных законом оснований. Целесообразность изучения этих двух видов процессуальных решений предопределяется тем местом, которое они занимают в общей структуре прокурорской деятельности, осуществляемой им в стадии возбуждения государственного обвинения. Поскольку результаты данной деятельности могут быть достигнуты на исходном, промежуточном или конечном этапах производства по делу, все решения, отражающие достигнутые на каждом этапе результаты, образуют определенную целостную систему.

§ 2. Решение прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения

Решение об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения выражает отношение прокурора не только к результатам процессуальной деятельности следователя, но и к виновности лица, привлеченного следователем в качестве обвиняемого. Именно о его преступной деятельности следователь составил обвинительное заключение и направил его прокурору для утверждения. Поэтому речь должна идти не только об утверждении обвинительного заключения, но и о решении прокурора о возбуждении против виновного лица государственного обвинения, которое, как это было показано, является единственным основанием для реализации его уголовной ответственности в судебных стадиях процесса. «В этом случае процессуальное решение подтверждает уголовно-правовые отношения, возникающие

между государством и лицом, совершившим преступление, наличие обязанности лица, совершившего преступление, нести ответственность за свои действия» [75, с. 9]. Если по вопросу о том, возбуждает прокурор государственное обвинение в момент утверждения обвинительного заключения, еще отсутствуют какие-либо высказывания, так как он лишь недавно был поставлен в нашей литературе, то о характере итогового решения прокурора по делу, поступившему к нему с обвинительным заключением, высказано несколько различных и даже противоположных суждений.

В последние годы обсуждается не только юридическая природа указанного решения прокурора, но и ставится под сомнение реально существующий факт утверждения им обвинительного заключения. По мнению А. И. Долговой, «прокурор не утверждает обвинительное заключение, отвечая на все вопросы ст. 213 УПК РСФСР, а санкционирует его, констатируя по письменным материалам уголовного дела законность и обоснованность выводов следователя или органа дознания, законность произведенного расследования» [42, с. 13].

Прокурор действительно констатирует законность и обоснованность выводов следователя или органа дознания, содержащихся в обвинительном заключении, но делает это в форме утверждения обвинительного заключения, подтверждая тем самым наличие у него убеждения о виновности лица, привлеченного в качестве обвиняемого. При этом такое утверждение прокурор осуществляет не только в соответствии с письменными материалами уголовного дела, но и на основе тех непосредственных фрагментарных знаний, которые были получены им при его участии в производстве отдельных следственных действий. В сказанном состоит специфика информационных основ, опираясь на которые прокурор принимает решение об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения. Правильность приведенного вывода подтверждается и целевым назначением познавательной деятельности прокурора, осуществляемой им в стадии возбуждения государственного обвинения. Как это было показано, познание в данной стадии уголовного процесса реализуется для того, чтобы получить истинное знание о виновности лица, совершившего преступление, о причинах и условиях, способствовавших этому, а также для определения законности и обоснованности всей предшествовавшей познавательной деятельности. Однако получение знания о всех элементах объекта познания не является для прокурора самоцелью. Оно необходимо ему для того, чтобы принять соответствующие решения для осуществления целесообразной деятельности в соответствии с его функциональным значением. Какие решения могут здесь приниматься, указывает закон. Мы же подойдем к выяснению

поставленного вопроса с гносеологической точки зрения. Причем и в этом случае получить правильный ответ можно только в результате взаимодействия с объектом познания.

Если любой субъект, ведущий процесс, обязан исследовать все элементы объекта познания, то, очевидно, познать их и принять соответствующие решения должен и прокурор. Установив совершение преступления обвиняемым, он обязан выразить к нему свое отношение с позиций его процессуального положения в суде в качестве государственного обвинителя. В данном аспекте отношение прокурора к виновному может быть выражено в его решении о возбуждении государственного обвинения, принятию которого предшествует утверждение обвинительного заключения. Следовательно, такое решение прокурора действительно выражает не только его отношение к результатам процессуальной деятельности следователя, но и к виновности лица, дело о котором направляется в суд для реализации его уголовной ответственности. Это означает, что рассматриваемые решения прокурора актуализируют будущую уголовно-процессуальную деятельность и определяют судебную перспективу уголовного дела. Как видно, предложение А. И. Долговой является неверным. Поэтому правильно замечает В. М. Савицкий, что «автор... исходит из совершенно нежизненной и надуманной ситуации, когда прокурор, проверив дело и направив его в суд, либо вообще не имеет определенного мнения об этом деле, либо его мнение не равнозначно твердому убеждению в виновности обвиняемого и поэтому он не утверждает обвинительное заключение» [117, с. 182].

Если бы все действительно выглядело так, то ненужность изучаемой деятельности прокурора была бы очевидной, не было бы никакой необходимости осложнять и тем самым тормозить движение уголовного дела по линии, адекватной восходящему развитию процесса познания. Но на практике дело обстоит иначе. Вне социально полезной деятельности прокурора объективно невозможно восходящее развитие процесса познания, ибо при отсутствии знания, обоснованного на убеждении, невозможно возбуждение государственного обвинения, а без него немыслимо движение уголовного дела в судебные стадии процесса. Следовательно, между убеждением прокурора, утверждением обвинительного заключения, возбуждением государственного обвинения и направлением дела в суд с ходатайством о принятии его к своему разрешению существует непосредственная причинная связь. Ее нарушение до суда хотя бы в одном из указанных звеньев препятствует восходящему развитию процесса познания, обуславливая либо направление прокурором уголовного дела на доследование, либо его прекращение. Однако и в этом случае все его решения принимаются на основании убеждения и тех фактических данных, без

которых невозможно его формирование. Суть проблемы значительно сложнее, чем это считает А. И. Долгова, а содержание деятельности прокурора в данной стадии процесса намного глубже.

Таково решение обсуждаемого вопроса с гносеологической и психологической стороны. Однако и с чисто процессуальной точки зрения следует признать несостоятельность позиции А. И. Долговой. Что значит «констатировать законность произведенного расследования»? На этот вопрос В. М. Савицкий дает правильный ответ. «Законность расследования, когда по делу составлено обвинительное заключение, означает только одно: расследованием добыты ничем не опровергнутые доказательства виновности обвиняемого в совершении преступления, поэтому он должен быть предан суду. Констатация этого факта равнозначна согласию прокурора с выводами обвинительного заключения, равнозначна его убеждению в виновности обвиняемого» [117, с. 138]. Именно такое убеждение лежит в основе решения прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения. Поэтому, разделяя мнение В. М. Савицкого, можно сказать, что «утверждение прокурором обвинительного заключения означает согласие с выводом следователя и лежащей в основе его аргументацией. С этого момента обвинительный тезис следователя становится тезисом самого прокурора, а содержание его деятельности в судебном разбирательстве — доказывание этого тезиса перед судом» [117, с. 160].

Но подобное согласие не может быть всегда, во всех случаях однородным, однозначным. По одним делам прокурор полностью соглашается с тезисом обвинения, сформулированным следователем, по другим — лишь в какой-то части. Сказанное свидетельствует о наличии оснований для деления согласия прокурора на полное и частичное. При полном согласии с выводами обвинительного заключения и с теми доводами, которые в нем изложены, прокурор утверждает данный процессуальный акт, возбуждая тем самым государственное обвинение. «С этого момента обвинительный тезис следователя становится тезисом самого прокурора» [117, с. 160]. При частичном согласии прокурора с обвинительным заключением следователя возникает необходимость его корректировки. В соответствии со ст. 230, 231 УПК УССР она может осуществляться по фактической стороне обвинения и в плане правовой оценки. Здесь речь идет об изменении следственного обвинения в том порядке, который установлен ст. 231 УПК УССР [см. 140]. Согласно ч. 2 ст. 231 УПК УССР, если изменение первоначального обвинения не влечет за собой применения статьи уголовного закона с более тяжелой санкцией и не связано с существенным изменением обвинения по фактическим обстоятельствам, прокурор составляет постановление,

в котором указывает изменения, внесенные в обвинительное заключение. В некоторых случаях частичное несогласие прокурора с обвинительным заключением обуславливает необходимость составления им нового обвинительного заключения. При этом ранее составленное заключение из дела изымается.

Как видно, обвинительное заключение может быть утверждено не только при согласии, но и при несогласии прокурора с ним. Однако во втором случае утверждение может иметь место лишь в том случае, что несогласие прокурора носит частичный характер. В этом смысле доводы, лежащие в основе указанного согласия, всегда доминируют. Они подтверждают правильность (законность и обоснованность) следственного обвинения в главном, основном, и частичное несогласие прокурора не колеблет его правовой сущности. В таких случаях тезис следователя претерпевает определенные изменения, и хотя в основном он воспринимается прокурором, тем не менее это обстоятельство не позволяет говорить, что, утвердив обвинительное заключение, прокурор приходит в суд с тезисом обвинения следователя. В подобных случаях тезис обвинения приобретает новые черты, отображая позицию государственного обвинителя, которая в определенной части не совпадает с позицией следователя. В этом выражается самостоятельность знания прокурора, на основании которого он принимает соответствующие решения, а затем и отстаивает их перед судом. Поэтому содержание деятельности прокурора по доказыванию осуществляется с учетом тех изменений, которые он внес в обвинительное заключение при его утверждении.

Указанное утверждение о виновности лица является окончательным для стадии государственного обвинения и исходным с точки зрения того знания прокурора, которое у него сформировано в суде на основании непосредственно воспринятой информации, всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела. Таким образом, прокурор не санкционирует обвинительное заключение, а утверждает его, высказывая тем самым категорическое суждение о виновности. Поэтому мы не можем согласиться с А. И. Долговой, по мнению которой «даже самый добросовестный прокурор при утверждении обвинительного заключения не может сделать твердого вывода о виновности обвиняемого, если он лично не участвовал в производстве расследования или сам не производил предварительное расследование по делу» [42, с. 11—12]. Данная позиция противоречит и объективно существующей практике. Вынесение судом законного и обоснованного приговора без каких-либо изменений обвинения, отраженного в обвинительном заключении, которое утверждено прокурором, опровергает точку зрения А. И. Долговой и подтверждает правильность вывода прокурора о виновности обвиняемого. Кроме того,

в пользу этого говорит и согласие суда с изменением обвинения, осуществленного прокурором при утверждении обвинительного заключения. По мнению А. И. Долговой, «прокурор при утверждении обвинительного заключения может лишь констатировать, что письменные материалы дела дают основание считать выводы следователя или органа дознания законными и обоснованными» [48, с. 11—12], но не может получить истинное знание о виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности. Но что значит считать законными и обоснованными выводы следователя, сформулированные в обвинительном заключении? В. М. Савицкий, поставивший этот вопрос, при анализе точки зрения А. И. Долговой правильно отвечает на него: «Это значит признать, что предварительное следствие проведено в точном соответствии с законом и вывод следователя о виновности вытекает из материалов дела, подтверждается ими. Иными словами, это полное согласие прокурора с обвинением, которое в его сознании не может получить иную форму, кроме как убеждения в виновности» [117, с. 198—199].

Таким образом, решение прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения имеет комплексный характер и состоит из двух относительно самостоятельных видов решений. Первое — решение об утверждении обвинительного заключения — является ретроспективным по своей сущности, поскольку оно направлено как бы в прошлое познавательного процесса, констатирует законность и обоснованность предшествовавшей деятельности следователя, выполнение им всего комплекса правовых задач на данном этапе производства по делу. Второе — решение о возбуждении государственного обвинения — имеет иную функциональную направленность. Оно выражает отношение прокурора к виновности обвиняемого, подлежащего, по мнению прокурора, осуждению, и поэтому обращено в будущее, предопределяя перспективу дальнейшего развития уголовно-процессуальной деятельности. Единство двух названных решений образует завершающий акт привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности.

Сказанное позволяет правильно решить малоисследованный вопрос о соотношении обвинительного заключения и решения прокурора о его утверждении. Получение удовлетворительного ответа возможно лишь при том условии, если в основу его решения будет положена идея объективного единства обвинительного заключения и решения прокурора о его утвержденности.

Несмотря на то что каждый из названных актов обладает относительной самостоятельностью, ни обвинительное заключение, ни решение прокурора о его утверждении и возбуждении государственного обвинения не могут рассматриваться в качестве достаточного основания для направления дела в суд с целью решения вопроса о предании обвиняемого суду. Это

обстоятельство подчеркивается для того, чтобы указать не только на взаимосвязь обвинительного заключения следователя и рассматриваемого решения прокурора, но и на их взаимозависимость. В плане восходящего развития, познавательной и обвинительной деятельности эти акты друг без друга не существуют. Отсюда напрашивается вывод, что обвинительное заключение и решение прокурора о его утверждении при всей их самостоятельности находятся в *отношении дополнителности*. Только их единство создает достаточные условия для признания их в качестве основания рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции.

Здесь, однако, возникает еще один вопрос, ответ на который позволит правильно выяснить соотношение двух названных актов. Можно ли после утверждения обвинительного заключения рассматривать этот процессуальный акт только как следственный, или необходимо считать и прокурора автором обвинительного заключения? Отношение дополнителности, в котором находятся обвинительное заключение следователя и постановление прокурора, их единство, целостный характер применительно к судебным стадиям процесса позволяют сделать вывод о том, что после утверждения обвинительного заключения прокурор должен считаться его соавтором. На это указывает и то обстоятельство, что прокурор может утвердить обвинительное заключение лишь после того, как у него сформировалось убеждение о виновности обвиняемого. Он утверждает обвинительное заключение только потому, что полностью или с изменениями воспринимает содержащиеся в нем положения и в последующем рассматривает их как свои собственные. Отметим, что такое соавторство носит долевого характер, и индивидуальная определенность деятельности каждого названного субъекта указывает на относительную самостоятельность обвинительного заключения и постановления прокурора о его утверждении. Изложенное дает возможность заключить, что единство и относительная самостоятельность исследуемых актов имеют непосредственное практическое значение. Если только единство обвинительного заключения и постановления прокурора может рассматриваться в качестве основания для направления дела в суд и предания обвиняемого суду, то относительная самостоятельность этих актов позволяет их индивидуализировать, определить законность и обоснованность каждого из них, выявить и точно указать тот факт, в котором содержится фактическая или юридическая ошибка. «В результате каждый из двух названных документов становится неотъемлемой, органической частью другого и юридически существует лишь постольку, поскольку существует его естественный компонент» [118, с. 245]. О таком соотношении обвинительного заключения следователя и постановления прокурора о его утверждении правильно говорить не только при изменении

прокурором обвинения (ст. 215 УССР), но и во всех иных случаях, ибо «без постановления прокурора обвинительное заключение недействительно, так как оно не утверждено» [118, с. 245]. Конечно, особенно наглядны не только взаимосвязь, но и взаимозависимость и даже единство обвинительного заключения и постановления прокурора при изменении обвинения. Без обвинительного заключения постановление прокурора о внесении в него изменений теряет смысл, если оно рассматривается без самого обвинительного заключения. По существу два этих процессуальных документа сливаются в единый акт, который вместе с делом направляется для проверки в стадию предания суду. Отношение дополнительности, в котором находятся обвинительное заключение и постановление прокурора о его утверждении, позволяет определить и указать относимость названного постановления к числу актов обвинения, выносимых в советском уголовном процессе. Между тем в специальной литературе нет единства взглядов по этому вопросу. По мнению П. М. Давыдова, «в типичных условиях производства по уголовному делу обвинение формулируется в постановлении (определении) о возбуждении дела, постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, приговоре и актах кассационного и надзорного производства» [39, с. 34]. Отметим необоснованность попытки автора отнести решение о возбуждении уголовного дела к актам обвинения. Любой акт обвинения строго индивидуален, он персонифицирует лицо, которое обвиняется по делу. Между тем именно этих признаков не содержит постановление о возбуждении уголовного дела. Указанный акт направлен на возбуждение производства по уголовному делу для расследования обстоятельств совершенного преступления и никого в этом не обвиняет. Обвинение возникает после возбуждения уголовного дела на том этапе процесса, на котором выносятся постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. Оно и является первым актом обвинения, выносимым в уголовном процессе. Нужно, однако, обратить внимание на противоречивость анализируемой позиции. Если считать, что в итоговых актах кассационного и надзорного производства, которые имеют факультативный характер, обвинение формулируется, то как можно отказать в признании обвинительного характера постановлению прокурора об утверждении обвинительного заключения. Если акты кассационного и надзорного производства факультативны, то названное постановление прокурора строго обязательно. Оно представляет собой составную часть акта привлечения лица к уголовной ответственности в досудебных стадиях процесса. Без него и, конечно же, обвинительного заключения нет государственного обвинения, которое является предметом судебного разбирательства. Следова-

тельно, постановление прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения — акт обвинения. В системе иных обвинительных актов оно выступает последним из числа тех, которые выносятся в досудебных стадиях процесса. В них, как правило, решения принимаются единолично. Однако среди обвинительных актов имеются такие, которые необходимо рассматривать как результат коллективной деятельности следователя и прокурора.

Изучение таких актов предварительного расследования выходит за пределы нашей работы. Остановимся на характеристике коллегиальных решений, одинаково относящихся к стадии предварительного расследования и к стадии возбуждения государственного обвинения.

Единственным решением, отражающим коллективные усилия следователя и прокурора по выработке их общей позиции по делу, является обвинительное заключение, утверждаемое прокурором в связи с возбуждением им государственного обвинения против конкретного лица. С указанным подходом к решению данного вопроса не согласна П. А. Лупинская. По ее мнению, «то обстоятельство, что ряд решений следователя получают правовую силу и могут быть реализованы только с санкции прокурора, не меняет характера этих решений как решений единоличных» [74, с. 34]. Но если правовой акт, принятый одним лицом, не имеет силы без действий другого должностного лица, то по всей видимости он не может именоваться собственно решением в полном смысле этого слова. В решении, как правильно считает П. А. Лупинская, всегда содержатся ответы на возникающие по делу правовые вопросы и оно во всех случаях выражает властное волеизъявление о действиях, вытекающих из установленных обстоятельств и предписаний закона. Если же правовой акт, вынесенный следователем, содержит ответы на конкретные вопросы, но не может быть реализован без соответствующих действий прокурора, так как не имеет правовой силы, то он, вероятно, обладает лишь таким решением, которое по своей природе относится к числу незавершенных. Завершение процесса его выработки предполагает совершение таких действий, которые находятся в отношении дополнительности к уже совершенным действиям следователя. Лишь единство действий следователя и прокурора, отраженных в общем процессуальном акте, выражает властное волеизъявление о действиях, вытекающих из установленных обстоятельств и предписаний закона, которые направлены на достижение задач советского уголовного процесса. Если подобные последствия могут наступить только в результате совместных действий следователя и прокурора, то и правовой акт, отражающий их совместное решение, может по своей природе быть, а значит, и именоваться коллегиальным, но не единоличным. Данный вывод вполне логичен и еще раз, но в другом

аспекте, подтверждает обоснованность утверждения о коллегиальном характере привлечения лица, виновного в совершении преступления, к уголовной ответственности и что этот процесс завершается в момент утверждения прокурором обвинительно-го заключения и возбуждения государственного обвинения.

В соответствии с изложенным следует различать разные по своему характеру процессы выработки коллегиальных решений по уголовному делу. Они, как видно из анализа действующего закона и практики его применения, делятся на процессы непосредственной выработки коллегиальных решений (например, в судебном разбирательстве) и опосредствованной. Именно такие процессы характерны для выработки всех процессуальных решений, требующих санкции, согласия или утверждения прокурора. В случаях ошибочного принятия этих коллегиальных решений правовая ответственность (уголовно-процессуальная, дисциплинарная и т. д.) наступает для всех лиц, принимавших участие в их выработке. Вместе с тем, в зависимости от того, в какой части процесса выработки решения допущена ошибка, ее устранение начинается с данной же части, если это не влечет за собой новых нарушений закона или каких-либо нежелательных последствий для лиц, чьи интересы рассматриваемый восстановительный процесс может затрагивать. Данное положение можно проиллюстрировать на примере процесса восстановления правовой квалификации¹, на что впервые обратил внимание М. И. Бажанов. В его работах [см. 19, с. 12; 20, с. 17—24]² содержатся анализ и теоретическое обоснование реальности существования восстановительных процессов по некоторой категории уголовных дел в стадии предания суду. Рассмотрим те вопросы, которые еще не были предметом самостоятельного исследования.

На наш взгляд, то, что сейчас именуется восстановлением квалификации, является неполным обозначением деятельности суда более глубокого содержания. Ее сущность состоит в реабилитации судом следственного обвинения, истинность которого поставлена под сомнение прокурором, изменившим его в стадии возбуждения государственного обвинения. При этом важно напомнить, что в процессе восходящего развития обвинительной деятельности следственное обвинение всегда трансформируется в государственное. Иначе оно не может войти

¹ Восстановление компетентным лицом, ведущим процесс в последующей стадии, правовой оценки, данной преступлению в предшествующей стадии, порождающей для виновного те же последствия обвинения, которые наступали для него до изменения прокурором постановления следователя о привлечении в качестве обвиняемого, именуется восстановлением квалификации преступления.

² В юридической литературе имеются положительные [см. 134, с. 85—86; 29, с. 39—40; 30, с. 60—62] и отрицательные [см. 89, с. 405—406; 115, с. 27; 28, с. 93—97; 27, с. 77—78] высказывания по отношению к данной идее автора, что указывает на необходимость ее дальнейшей разработки.

в судебные стадии процесса. Даже войдя в судебный процесс через государственное обвинение, оно не обладает той самостоятельностью, которая присуща государственному обвинению. Лишь после восстановления судом правовой квалификации следователя сформулированное им обвинение получает статус самостоятельности в судебных стадиях процесса. То же самое происходит при отказе прокурора от государственного обвинения, о чем мы здесь говорим только для того, чтобы подчеркнуть неединичные случаи приобретения статуса самостоятельности следственным обвинением в советском уголовном процессе. В обоих случаях со всей очевидностью осуществляется не требующая вынесения специальных решений замена государственного обвинения в суде следственным. Этот объективный процесс замены государственного обвинения следственным мы с целью индивидуализации именуем редукцией обвинения. Иначе говоря, *под редукцией обвинения следует понимать процесс, обратный трансформации следственного обвинения в государственное, приводящий в суде к замене последнего следственным.*

Введение данного понятия позволяет объяснить не только реально осуществляемый процесс замены государственного обвинения следственным, но и ответить на вопрос, что является предметом судебного разбирательства при восстановлении квалификации судом, равно как и после отказа прокурора от государственного обвинения. Следовательно, наш подход объясняет, почему после восстановления квалификации или отказа прокурора от государственного обвинения суд продолжает рассматривать уголовное дело и выносит по нему приговор. Другими словами, предлагаемая концепция дает возможность установить объективные информационные и нормативные основы дальнейшего рассмотрения дела, а также логичность правовой регламентации, содержащейся в ст. 264 УПК УССР.

Таким образом, желаем мы этого или нет, но в уголовном процессе редукция обвинения фактически имеет место и происходит в суде по тому количеству уголовных дел, по которым суд восстановил квалификацию следователя, или по делам, по которым прокуроры отказались от государственного обвинения в стадии судебного разбирательства. В связи с редукцией обвинения возникает вопрос, какое именно обвинение должно быть предметом судебного разбирательства, если прокурор, утверждая обвинительное заключение следователя, изменит его и тем самым возбудит государственное обвинение, которое отличается от следственного. Правильный ответ можно получить лишь с учетом решений, принятых в стадии предания суду. Если прокурор при утверждении обвинительного заключения изменил обвинение, предъявленное следователем обвиняемому, а суд в стадии предания суду согласился с этим

решением, то и в случае редукции обвинения дело должно рассматриваться по тому обвинению, которое утвердил прокурор. Если же прокурор изменил обвинение при утверждении обвинительного заключения, а суд при решении вопроса о предании обвиняемого суду восстановил первоначальную квалификацию обвинения, то последнее и выступает предметом судебного разбирательства. Таким образом, *то, что сейчас принято именовать восстановлением квалификации, является частным случаем редукции обвинения в советском уголовном процессе.*

Уголовно-процессуальное законодательство УССР не говорит о том, в какую форму должно облекаться решение прокурора об утверждении обвинительного заключения и, естественно, не содержит указаний о процессуальной форме его решения о возбуждении государственного обвинения. В ст. 229 УПК УССР лишь общим образом отмечается, что, проверив дело с обвинительным заключением, прокурор принимает одно из трех решений, в числе которых перечисляется утверждение обвинительного заключения или составление нового обвинительного заключения. Когда же речь идет об изменении обвинения, которое не влечет за собой применения статьи закона с более тяжкой санкцией или не связано с существенным изменением обвинения по фактическим обстоятельствам, закон предписывает вынесение прокурором специального постановления.

С учетом всего изложенного можно сделать вывод о том, что закон устанавливает две исключительные формы утверждения обвинительного заключения. Что касается общего порядка и, следовательно, общей для всех дел формы утверждения названного акта при отсутствии двух описанных случаев, составляющих исключение, то закон их не называет. Между тем от формы процессуального акта зависит возможность точного выражения принятого решения, которое, как известно, порождает существенные правовые последствия. УПК РСФСР устанавливает одну общую и две исключительные формы внешнего выражения решений прокурора об утверждении обвинительного заключения (ст. 214, 215 УПК РСФСР).

При наличии достаточных оснований для направления уголовного дела в суд и согласии с выводами обвинительного заключения прокурор принимает решение об утверждении данного процессуального акта и делает это своей резолюцией на обвинительном заключении (п. 1 ст. 214 УПК РСФСР). Так закон регламентирует общий порядок утверждения обвинительного заключения прокурором.

При несогласии с выводами обвинительного заключения и необходимости внести в него изменения, связанные с исключением отдельных пунктов или применением закона о менее тяжком преступлении, прокурор выносит специальное постановление (ст. 215 УПК РСФСР). В некоторых случаях он

может составить новое обвинительное заключение. Такой же порядок оформления решения прокурора об утверждении обвинительного заключения предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством других союзных республик (ст. 239, 240 УПК Литовской ССР; ст. 291 УПК Молдавской ССР; ст. 215, 216 УПК Таджикской ССР; ст. 212 УПК Армянской ССР; ст. 222, 223 УПК Туркменской ССР).

Процессуальное законодательство Грузинской ССР также предусматривает возможность утверждения обвинительного заключения резолюцией прокурора или вынесением специального постановления. Но в отличие от УПК названных союзных республик УПК Грузинской ССР не указывает, при каких условиях может или должна быть применена та или иная форма решения прокурора об утверждении обвинительного заключения (ст. 214 УПК Грузинской ССР).

Представляется, что *решению прокурора об утверждении обвинительного заключения наиболее соответствует форма постановления*. Возможность использования в УССР именно такой формы для отражения рассматриваемого решения прокурора прямо вытекает из ст. 130 УПК УССР, в соответствии с которой все решения, принятые следователем или прокурором при производстве предварительного следствия, а также в случаях, когда это будет признано необходимым, следователь или прокурор выносит мотивированное постановление.

Использование указанной формы более всего приемлемо и для практики, в связи с чем в некоторых областях УССР решение прокурора об утверждении обвинительного заключения облекается в форму соответствующего постановления. Целесообразность такого развития практики подтверждается сложным характером структуры анализируемого решения прокурора, которая наиболее полно и точно может быть отражена лишь в форме соответствующего постановления. Действительно, при утверждении обвинительного заключения и возбуждении против конкретного лица государственного обвинения прокурор должен принять несколько производных от этого решений. Хотя они касаются вопросов, которые по отношению к названным основным актам носят как бы частный характер, тем не менее они имеют существенное значение для дела, поскольку влекут различные правовые последствия для прокурора и других субъектов уголовно-процессуальной деятельности. В частности, прокурор должен в связи с утверждением обвинительного заключения принять решения о возбуждении государственного обвинения против виновного в совершении преступления лица; о личном поддержании обвинения в судебных стадиях процесса или о возложении такой обязанности на одного из своих помощников, который лишь после этого становится субъектом уголовно-процессуальной деятельности

и может быть допущен в процесс по конкретному уголовному делу; об избрании, изменении или отмене ранее избранной в отношении обвиняемого меры пресечения; об изменении в необходимых случаях следственного обвинения; о направлении уголовного дела по подсудности.

Отсутствие в законе указания на постановление как общую и единую форму всех решений на практике делает невозможным их комплексное отражение в одном процессуальном акте; порождает необходимость их фиксации в документах, форма которых не соответствует правовой природе решения¹.

Необходимость вынесения постановления особенно очевидна в случаях изменения обвинения. Поскольку принятое об этом решение прокурора не может быть отражено в его резолюции на обвинительном заключении, законодатель был вынужден установить для указанных решений прокурора форму постановления. Из сказанного следует, что для существования двойного порядка оформления одного и того же по своей юридической природе решения прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения отсутствуют достаточно веские теоретические основания и доводы практического характера. Однако, несмотря на то, в какую процессуальную форму будет облекаться решение прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения, она во всех случаях должна гарантировать защиту прав и интересов участников процесса.

Необходимость обеспечения таких гарантий на практике чаще всего возникает в данной стадии процесса при изменении прокурором обвинения, отраженного в обвинительном заключении. В случаях внесения прокурором указанных изменений представляется целесообразным поставить об этом в известность потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика направлением им, а в необходимых случаях и представителям их интересов, копии постановления прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения, в котором эти изменения должны найти свое отражение.

Из правовой регламентации, которая содержится в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, такая обязанность прокурора не вытекает. Но не вызывает сомнения, что изменения, внесенные им в следственное обвинение, могут

---

¹ Именно такую ситуацию отражают и рекомендации, высказанные в литературе. Например, по мнению Н. А. Якубович, «если прокурор считает необходимым слушать дело в суде с участием представителя прокуратуры, то он сообщает об этом в препроводительном письме» [160, с. 139]. С этим вряд ли можно согласиться, так как желание прокурора, о котором пишет автор, выражает его решение поддержать государственное обвинение в суде. Оно, как и любое другое решение, должно быть облечено в форму соответствующего процессуального акта.

затрагивать интересы всех названных лиц или кого-нибудь из них, поэтому они для него не безразличны. Для защиты интересов потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика в действующем законодательстве следовало бы предусмотреть право этих лиц, а значит, и обязанность прокурора обеспечить реализацию, предоставив им возможность получения копии постановления прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения, где указанные изменения нашли свое отражение.

Целесообразно было бы предоставить право потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику обжаловать решение прокурора об изменении следственного обвинения в суд, который обязан разобрать жалобу при обсуждении вопроса о предании обвиняемого суду. Во всех случаях такая жалоба должна рассматриваться в распорядительном заседании с участием прокурора, лица, принесшего жалобу, или его представителя. Это соответствует интересам не только потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, но и правосудия.

§ 3. Решение прокурора об отказе в возбуждении государственного обвинения и прекращении уголовного преследования лица

В процессе исследования обстоятельств уголовного дела прокурор может прийти к выводу об отсутствии оснований для утверждения обвинительного заключения и возбуждения государственного обвинения. В таких случаях возникают вопросы о судьбе следственного обвинения, отраженного в обвинительном заключении и уголовного дела в целом. Если утверждение обвинительного заключения и возбуждение государственного обвинения невозможны ввиду того, что один из обвиняемых привлечен к делу незаконно или одно из обвинений, предъявленное кому-либо из них, не подтверждается материалами дела, то в полном соответствии со ст. 229 УПК УССР (п. 3 ст. 214 УПК РСФСР) прокурор должен прекратить обвинение в отношении незаконно привлеченного в качестве обвиняемого лица в той части обвинения, которая не обоснована доказательствами.

В зависимости от характера уголовного дела, результатов осуществляемой по нему познавательной деятельности прекращение обвинения может устранять все производство по делу или же влечь за собой такие последствия лишь в отношении лица, привлеченного в качестве обвиняемого, не препятствуя

продолжению уголовно-процессуальной деятельности лица, ведущего процесс. В связи с этим возникает практическая необходимость четкого разграничения взаимосвязанных и в то же время обладающих определенной самостоятельностью таких институтов советского уголовного процесса, как прекращение обвинения, обвинительной деятельности или функции обвинения, уголовного дела. По объему производства прекращение процесса по конкретному делу может быть полным и частичным. Полное прекращение относится к обвинению, рассматриваемому в материально-правовом аспекте; к деятельности обвинителя, в которой обвинение реализуется (уголовно-процессуальный аспект обвинения, или уголовное преследование как обвинительная деятельность, осуществляемая в отношении конкретного лица); к производству в целом.

Частичное прекращение процесса по возбужденному делу имеет место лишь в отношении обвинения (тезиса) и обвинительной деятельности, т. е. функции обвинения, или, иначе говоря, в отношении уголовного преследования. Уголовное дело представляет собой неделимое целостное образование, отражающее процесс производства, возбужденного в связи с совершением преступления. Поэтому оно может прекращаться только полностью. Неправомерно говорить о частичном прекращении уголовного дела, так как частично прекращаются либо обвинение, либо обвинительная деятельность. По лицам указанное прекращение может осуществляться в отношении одного обвиняемого или всех лиц, привлеченных в качестве обвиняемых. Но в каждом случае процесс осуществляется, а значит, существует и то целостное образование, которое его отражает.

Все виды прекращения производства по делу находятся не только во взаимосвязи, но и во взаимозависимости. Особенно наглядно их взаимосвязь проявляется при полном прекращении производства по конкретному делу. Если сформулированное обвинение (тезис) полностью аннулировано, то исчезает предмет прокурорской деятельности и, следовательно, невозможна реализация обвинительной функции. Такое развитие процесса обуславливает необходимость завершения производства, т. е. прекращения уголовного дела.

Рассмотренная взаимосвязь отдельных видов прекращения уголовного производства имеет место во всех случаях, когда обвинение было сформулировано и конкретное лицо привлечено в качестве обвиняемого, но затем в процессе дальнейшего производства по делу установлено отсутствие события преступления. Но кроме случаев, обусловивших указанное развитие процесса с момента его возникновения до полного завершения, на практике наблюдаются такие, когда обвинение хотя и прекращается полностью в отношении одного лица, но в отношении других лиц оно продолжает осуществляться. Возможно

также прекращение обвинения, а значит, и обвинительной деятельности в отношении всех лиц, но процесс производства продолжается, так как совершенное преступление остается нераскрытым. В первом случае прослеживается прямая взаимосвязь между полным прекращением обвинения и обвинительной деятельности в отношении отдельных лиц и частным прекращением производства (т. е. общего объема деятельности) при сохранении, существовании дела и продолжении производства в отношении других лиц. Во втором случае, хотя обвинение прекращено полностью в отношении всех лиц, производство продолжается в связи с невыполнением стоящей перед ним задачи раскрытия преступления. В этом аспекте прослеживается роль обвинения в реализации задач процесса, осуществляемых через обвинительную деятельность, которая, с одной стороны, выступает специфическим способом непосредственной связи обвинения с задачами процесса, а с другой — процессуальным механизмом разрешения названных задач. То обвинение, которое было прекращено, а вместе с ним и соответствующая обвинительная деятельность не выполняли такой функции и поэтому были прекращены, хотя производство о нераскрытом преступлении продолжалось.

С целью выполнения всех задач по данному делу необходимо сформулировать обвинение в отношении другого лица, но для этого прежде всего нужно раскрыть преступление. Решение этой поисковой задачи позволит осуществить законное и обоснованное обвинение в отношении конкретного лица. В свою очередь, обвинение, обладающее такими свойствами, даст возможность решить все задачи процесса и завершить производство по делу. Такова взаимосвязь задач процесса, обвинения и его функции, а также различных форм производства по делу в структуре уголовно-процессуальной деятельности.

Прекращение уголовного дела как отдельный процессуальный институт и самостоятельная форма окончания производства по делу уже неоднократно исследовались в различных аспектах, имеющих теоретическое и непосредственное практическое значение. В его разработку внесли свой вклад П. М. Давыдов, А. Я. Дубинский, Н. В. Жогин, М. Э. Курдадзе, В. М. Михайлов, Д. Я. Мирский, Г. М. Миньковский, Н. П. Митрохин, Ф. Н. Фаткулин, С. А. Шейфер, Н. А. Якубович и др. [см, 36, 44, 18, 66, 34, 83, 85, 151, 160], которые рассматривали сущность, значение и основания прекращения уголовного дела, процессуальный порядок и пределы полномочий различных субъектов, ведущих процесс, на прекращение уголовного дела в конкретных стадиях процесса. В плане данной работы речь будет идти лишь о прекращении прокурором следственного обвинения, как отдельной формы пресечения незаконно осуществляемого в отношении конкретного лица уголовного пре-

следования, и о прекращении производства по делу, как специфической формы разрешения следственного обвинения прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения.

Прекращение обвинения против определенного лица может быть *полным* и *частичным*. Если по делу в качестве обвиняемого привлечено одно лицо, то в зависимости от конкретных оснований полное прекращение обвинения означает в то же время и полное прекращение уголовного дела. Но возможны случаи, когда обвинение прекращается полностью, но дело производством продолжается, так как не установлено действительно виновное лицо и, следовательно, уголовный процесс еще не смог выполнить своего функционального назначения.

С учетом сказанного полное прекращение обвинения состоит из двух видов: 1) полное прекращение обвинения с продолжением производства по делу; 2) полное прекращение обвинения и всего уголовного производства. Во всех случаях полное прекращение обвинения может иметь место по тем основаниям, которые предусмотрены действующим законодательством. Как видно, наиболее существенным свойством полного прекращения обвинения является то, что в обоих случаях ранее сформулированное в отношении конкретного лица обвинение решением компетентного органа — прокурора — устраняется, ликвидируется, что указывает на его полную реабилитацию.

Традиционно назначение обвинения видели в том, что с его помощью достигается осуждение виновного в совершении преступления лица, его наказание, что в свою очередь обеспечивает воспитательное и предупредительное значение обвинения. На самом деле факт возбуждения любого вида обвинения против конкретного лица уже оказывает и воспитательное, предупредительное воздействие. Кроме того, именно обвинение является тем правовым основанием, которое делает возможным применение к виновному лицу различных мер правового, а иногда и общественного воздействия. Но возможно прекращение обвинения и в связи с его реализацией.

Под реализацией следует понимать осуществление обвинения с целью выполнения им своего функционального назначения. Она во всех случаях отражается в решении компетентного органа, в связи с чем возникает необходимость не только перечислить органы, но и дать характеристику каждой форме реализации обвинения в стадии возбуждения государственного обвинения. В соответствии со ст. 7², 8—10 УПК УССР (ст. 7—9 УПК РСФСР) прокурор при осуществлении им самостоятельного производства по делу, не возбуждая государственное обвинение, может прекратить дело производством с привлечением лица к административной ответственности (ст. 7² УПК УССР) или передать его в товарищеский суд (ст. 8 УПК УССР), в комиссию по делам несовершеннолетних (ст. 9

УПК УССР) или на поруки коллективу трудящихся (ст. 10 УПК УССР). В подобных случаях следственное обвинение не прекращается. Оно реализуется в деятельности тех лиц или коллективов трудящихся, кому уголовное дело передается для оказания воздействия на виновное лицо с целью его исправления и перевоспитания. Вне реально существующего обвинения достичь указанной цели невозможно, ибо нельзя себе представить возможность применения к какому-либо лицу определенных мер воздействия за совершенное преступление, если оно, во-первых, ни в чем не обвиняется, во-вторых, не осознает своей виновности в том, за что к нему эти меры применяются. Для применения мер воздействия требуется, чтобы лицо было виновно в совершении преступления и его виновность была сформулирована в соответствующем обвинении. Следовательно, для достижения целей исправления и перевоспитания виновного необходимо функционирование обвинения до завершения исправительно-воспитательного процесса.

Таким образом, следственное обвинение может быть по решению прокурора реализовано через органы общественного правосудия (товарищеский суд), коллектив трудящихся, принявший лицо на поруки, комиссию по делам несовершеннолетних и органы, правомочные применять административные меры наказания.

Первые два случая образуют общественную форму реализации обвинения, а последний — административную. Имеется еще одна особая уголовно-правовая форма реализации обвинения, которая осуществляется тогда, когда возбужденное против лица обвинение получает свое разрешение в приговоре советского суда. Эта форма — доминирующая в общей структуре деятельности, направленной на реализацию обвинения, но ее рассмотрение выходит за пределы данного исследования. Процессуальный порядок реализации обвинения в товарищеском суде, комиссии по делам несовершеннолетних и коллективе трудящихся при передаче виновного на поруки уже был предметом исследования и получил в советской литературе достаточно полную характеристику [см. 106, с. 59]. Практика показала, что введение указанных институтов полностью себя оправдало и еще раз подтвердило объективно существующую в советском государстве тенденцию к гуманизации борьбы с преступностью, которая обуславливается не только ростом сознания советских граждан, изменением динамики, структуры и характера преступности, но и общей демократизацией жизни советского общества, этому направлению в полной мере отвечало бы *введение в уголовное судопроизводство такого нового*

*института советского уголовно-процессуального права, как условное прекращение уголовного дела*¹ [см. 51, с. 66—70].

Эффективность реализации обвинения предполагает правильное согласно целям обвинения осуществление деятельности, обеспечивающей его реализацию. В соответствии с тенденцией расширения участия общественности в решении задач, стоящих перед уголовным процессом, унификации и повышения эффективности административной и общественной форм реализации обвинения представляется целесообразным принятие об этом специального положения. В нем должны найти отражение права и обязанности всех сторон исправительно-воспитательного процесса, перечень дозволенных средств воздействия на виновное в совершении преступления лицо. В отличие от исправительно-воспитательного процесса, осуществляемого в связи с передачей виновного на поруки, где имеет место реализация обвинения, при условном прекращении уголовного дела обвинение не осуществляется. Оно нейтрализуется прокурором, который своим решением об условном прекращении уголовного дела пресекает дальнейшее осуществление функций обвинения, в силу чего само обвинение теряет возможность перехода в судебные стадии процесса и не порождает тех правовых последствий, которые обычно наступают для конкретного лица при рассмотрении о нем дела по существу. Однако указанное обстоятельство не лишает превентивных свойств обвинения по данной категории дел. Оставаясь нереализованным по условно прекращенному делу, оно продолжает воздействовать на сознание виновного потенциальной возможностью реализации, если будут нарушены принципы условного прекращения уголовного дела. Осознание этого обстоятельства заставляет виновного воздержаться не только от умышленного совершения преступления, но и от тех действий, которые могут привести к нему.

Введение условного прекращения уголовного дела в общую систему мер борьбы с преступностью будет иметь большое практическое значение, которое можно рассматривать в криминологическом, воспитательном и политическом аспектах. Из них первые два находятся в тесной взаимосвязи и состоят в контроле за поведением конкретных лиц и применяемыми к ним мерами, направленными на их исправление, перевоспитание и предупреждение возможности совершения ими новых преступлений. Криминологическое значение условного прекращения уголовного дела может быть повышено посредством

¹ Институт условного прекращения уголовного дела предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством ПНР, принятым 19 апреля 1969 г. и введенным в действие с 1 января 1970 г. (ст. 27—29 УПК ПНР).

принципа сложения и запрещением применять принцип поглощения при назначении наказаний по совокупности преступлений в случае совершения лицом нового умышленного преступления в течение испытательного срока.

Отсутствие судимости у лиц, в отношении которых уголовное дело прекращено условно, дальнейшую демократизацию законодательства, а вместе с ним и уголовной политики следует отнести к политическому аспекту того значения, которое достигается введением условного прекращения уголовного дела. Такой подход полностью согласуется с предлагаемым курсом на «интенсификацию процесса ликвидации преступности посредством использования новых и совершенствования традиционных средств воздействия на нее, с одной стороны, и развитием и усилением роли в этом процессе характерных для коммунистической формации ненасильственных, экономических, культурно-воспитательных, организационно-технических и т. д. методов, а также трансформацию в том же духе традиционных уголовно-правовых мер, — с другой» [95, с. 92].

Считая целесообразным введение нового института условного прекращения производства по делу, мы *полагаем необходимым дополнить действующее законодательство совокупностью уголовно-процессуальных норм, которые бы с необходимой полнотой регламентировали все вопросы условного прекращения уголовного дела в советском уголовном процессе.* Реализация этого института в деятельности лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, т. е. в работе аппарата уголовной юстиции, который «... решает тысячи человеческих судеб и определяет нравственную физиономию общества» [1, т. 13, с. 516], будет способствовать «дальнейшей гуманизации борьбы с преступностью в развитом социалистическом обществе, наглядно демонстрируя преимущества социализма и в данной сфере социальной политики» [95, с. 93].

В заключение отметим, что реальное существование в уголовном процессе стадии возбуждения государственного обвинения обуславливает необходимость более детальной правовой регламентации деятельности прокурора и правового положения иных лиц в данной стадии процесса. Совокупность этих норм целесообразно отразить в виде самостоятельного института советского уголовно-процессуального права под названием «Возбуждение государственного обвинения». В системе УПК он должен быть расположен в виде отдельной главы после норм, регламентирующих порядок осуществления предварительного расследования уголовных дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, 17, 20, 23. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, 29, 33, 44, 52. 3. Программа Коммунистической партии

Советского Союза. М., Политиздат, 1974. 144 с. 4. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с. 5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., Политиздат, 1977. 62 с. 6. *Брежнев Л. И.* О Конституции СССР. Доклады и выступления. М., Политиздат, 1977. 64 с. 7. *Агеева Г. Н.* Принципы советского уголовного процесса, их сущность и значение. — Тр. ВЮЗИ «Проблемы укрепления законности и охраны прав личности в уголовном процессе», 1972, т. 20. с. 3—28. 8. *Алексеев Н. С., Смирнов Н. Г., Шаргородский М. Д.* Основание уголовного ответственности по советскому уголовному праву. — Правоведение, 1961, № 1, с. 73—85. 9. *Альперт С. А.* Обвинение в советском уголовном процессе. Харьков, 1974. 36 с. 10. *Альперт С. А.* Законность и обоснованность государственного обвинения в советском уголовном процессе. — В кн.: Проблемы социалистической законности на современном этапе развития советского государства. Харьков, 1968, с. 221—222. 11. *Альперт С. А.* Об обоснованности обвинения в советском уголовном процессе. — В кн.: Вопросы государства и права. М., Юрид. лит., 1970, с. 262—272. 12. *Анашкин Г.* Судейская активность и объективность. — Сов. юстиция, 1967, № 4, с. 32. 13. *Анохин П. К.* Опережающее отражение действительности. — Вопросы философии, 1962, № 7, с. 97—111. 14. *Анохин П. К.* Психическая форма отражения действительности. — В кн.: Ленинская теория отражения и современность. София. Наука и искусство, 1969, с. 109—140. 15. *Арсеньев В. Д.* Вопросы теории судебных доказательств. М., Юрид. лит., 1964. 178 с. 16. *Астапенков В. Г.* Вопросы теории и практики окончания предварительного следствия с направлением дела для предания обвиняемого суду. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Саратов, 1969. 21 с. 17. *Багрий-Шахматов Л. В.* Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. 383 с. 18. *Бажанов М. И.* Законность и обоснованность акта привлечения в качестве обвиняемого в советском уголовном процессе. Тез. докл. науч. конф. по работам, выполненным в 1964 г., Харьков, 1965, с. 141—143. 19. *Бажанов М. И.* Изменение обвинения в советском уголовном процессе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1951. 19 с. 20. *Бажанов М. И.* Предание суду в советском уголовном процессе. Харьков. 1965. 35 с. 21. *Басков В. И.* Прокурор в суде первой инстанции. М., Юрид. лит., 1968. 199 с. 22. *Безлепкин Б. Т.* Вопросы реабилитации на предварительном следствии в советском уголовном процессе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1972. 21 с. 23. *Бирюков Д. А.* Эволюция функций. М.—Л. Наука, 1964. 254 с. 24. *Божьев В. П., Добровольская Т. Н., Перлов И. Д.* Организационное руководство судами. М., Юрид. лит., 1966. 211 с. 25. *Бородин С. В.* Сущность и задачи советского уголовного процесса. — В кн.: Уголовный процесс. Под ред. Б. А. Викторова. М., Юрид. лит., 1970. 26. *Бородин С. В.* Рассмотрение судом дел об убийстве. М., Юрид. лит., 1964. 27. *Бородин С. В.* Проверка в стадии предания суду обоснованности выводов органов предварительного следствия по делам об убийстве. — Вопросы криминалистики, 1962. № 6—7. 28. *Выдря М. М.* Гарантии прав участников процесса в судах первой и второй инстанции. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук. М., 1967. 29. *Гальперин И. М.* Направление судом дела на исследование. М., Госюриздат, 1960. 30. *Гальперин И. М., Лукашевич В. З.* Предание суду. М., Юрид. лит., 1965. 148 с. 31. *Герасимов И. Г.* Научное исследование. М., Политиздат, 1972. 278 с. 32. *Грищенко В. М.* Цель как форма опережающего отражения действительности. — Учен. зап. кафедр обществ. наук вузов Ленинграда. Философия. 1974, вып. 15, с. 106—117. 33. *Голованов В. Н.* Законы в системе научного знания. М., Мысль, 1970. 230 с. 34. *Городилов В. В.* О понятии принципа советского уголовного процесса. — Науч. тр. Омской высшей школы милиции МВД СССР. 1969, вып. 5. 35. *Гусев Л. Н.* Конституционные принципы советского уголовного процесса. — Учен. зап. ВЮЗИ, 1958, вып. 6. 36. *Давыдов П. М., Мирский Д. Я.* Прекращение уголовных дел. М., Госюриздат, 1963. 37. *Давыдов П. М.* Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1964. 133 с.

38. *Давыдов П. М.* Принципы советского уголовного процесса. Свердловск, 1957. 49 с. 39. *Давыдов П. М.* Обвинение в советском уголовном процессе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. 47 с. 40. *Добровольская Т. Н.* Советское правосудие на современном этапе развернутого строительства коммунизма. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра юрид. наук. М., 1965. 34 с. 41. *Добровольская Т. Н.* Принципы советского уголовного процесса. М., Юрид. лит., 1971. 198 с. 42. *Долгова А. И.* Прокурорский надзор в советском уголовном судопроизводстве. Автореф. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., ВЮЗИ, 1969. 23 с. 43. *Дрейшев Б. В.* Особенности экспериментального правотворческого процесса. — Правоведение. 1969, № 1. 44. *Дубинский А. Я.* Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования. Киев, Изд-во КВШ МВД СССР, 1975. 131 с. 45. *Ефимичев С. П.* Кому: обвиняемому или подсудимому, должна вручаться копия обвинительного заключения? — Учен. зап. Дальневост. ун-та. Вып. 41. Сер. юрид. Владивосток, 1970, с. 130—134. 46. *Жеребкин В. Е.* Логика. Харьков, Изд-во ХГУ, 1968. 254 с. 47. *Жокин Н. В., Фаткуллин Ф. Н.* Возбуждение уголовного дела. М., Госюриздат. 1961. 205 с. 48. *Жокин Н. В., Фаткуллин Ф. Н.* Предварительное следствие. М., Юрид. лит., 1965. 366 с. 49. *Зеленецкий В. С.* Юридическая природа представления следователя. — В кн.: Проблемы правоведения. Вып. 17. Киев, Вища школа, 1970, с. 116—122. 50. *Зеленецкий В. С.* Поняття і класифікація сукупності доказів у радянському кримінальному процесі. — Рад. право, 1971, № 1, с. 74—78. 51. *Зеленецкий В. С.* Умовне закриття кримінальної справи. — В кн.: Проблеми правознавства. Вип. 28. К., Вища школа, 1974, с. 66—70. 52. *Зеленецкий В. С.* Предупреждение преступлений следователем. Харьков, Вища школа, 1975. 172 с. 53. *Звирбуль В. К.* Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности. М., Юрид. лит., 1971. 166 с. 54. *Калашикова Н. Я.* Общие условия судебного разбирательства в советском уголовном процессе. Изд-во МГУ, 1962. Саратов, 1968. 68 с. 55. *Карнеева Л. М.* Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., Юрид. лит., 1971. 132 с. 57. *Карпушин М. П., Курляндский В. И.* Уголовная ответственность и состав преступления. М., Юрид. лит., 1974. 231 с. 58. *Качаров Г. И., Миньковский Г. М.* Практика передачи на поруки по новому уголовно-процессуальному законодательству. — Сов. государство и право, 1962, № 3. 59. *Клочков В. В.* Общественное поручительство (уголовно-правовое и процессуальное исследование). Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1962. 367 с. 60. Краткий политический словарь. М., Политиздат, 1964. 351 с. 61. *Кони А. Ф.* Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., Госюриздат, 1959. 506 с. 62. *Кокорев Л. Д.* Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. 159 с. 63. *Кокорев Л. Д.* Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж, 1973. 64. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М., Наука, 1975. 720 с. 65. *Копейчиков В. В.* Механизм советского государства. М., Юрид. лит., 1968. 215 с. 66. *Курдадзе М. З.* Окончание предварительного следствия с прекращением уголовного дела. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Тбилиси, 1974. 21 с. 67. *Курляндский В. И.* О сущности и принципах уголовной ответственности. — Сов. государство и право, 1963, № 11, с. 89—92. 68. *Куценко В. И.* Социальная задача, как категория исторического материализма. К., Наукова думка, 1972. 370 с. 69. *Кучерук А. Д.* Подготовка к судебному заседанию. — В кн.: Совершенствование организации и усиление воспитательно-предупредительного воздействия судебных процессов. Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной конференции (23—24 октября 1974). М., 1974, с. 19—20. 70. *Ларин А. М.* Процессуальные гарантии и функция уголовного преследования. — Сов. государство и право, 1975, № 7, с. 95—103. 71. *Лейкина Н. С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Изд-во ЛГУ, 1968. 128 с. 72. *Лукашевич В. З.* Гарантия прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Изд-во ЛГУ, 1959. 167 с.

73. *Лукашевич В. З.* Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. Изд-во ЛГУ, 1959. 167 с. 74. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве. М., Юрид. лит., 1976. 168 с. 75. *Лупинская П. А.* Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., ВЮЗИ, 1972. 79 с. 76. *Максимов С., Чистяков Н.* За дальнейшее развитие науки советского уголовного процесса. — Соц. законность, 1952, № 8. 77. *Мангутов И. С., Уманский Л. И.* Организатор и организаторская деятельность. Изд-во ЛГУ, 1975. 312 с. 78. *Мотовиловкер Я. О.* Основные уголовно-процессуальные функции, Ярославль, 1976. 94 с. 79. *Малхазов И. И.* Важная гарантия социалистического правосудия. Ростов-на-Дону, 1961. 80. *Малхазов И. И.* Понятие и задачи советского уголовного процесса. — В кн.: Уголовный процесс РСФСР. Под ред. В. Е. Чугунова, Л. Д. Кокорева. Воронеж, 1968, с. 2—26. 81. *Марципольский Л. А., Гольст Г. Р.* К вопросу о процессуальных функциях следователя. — Сов. государство и право, 1963, № 6, с. 112—116. 82. *Миньковский Г. М., Шинд В. И., Арзуманян Т. М.* Деятельность органов расследования, прокурора и суда по предупреждению преступлений. Под ред. Н. В. Жогина, М., Госюриздат, 1962. 279 с. 83. *Миньковский Г. М.* Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. М., Госюриздат, 1957. 210 с. 84. *Михайлов В. А.* Процессуальный порядок прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования. Волгоград, Изд-во ВСИП МВД СССР, 1970. 139 с. 85. *Митрохин Н. П.* Окончание предварительного следствия в советском уголовном процессе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Киев, Изд-во АН УССР, 1964. 21 с. 86. *Нажимов В. П.* Суд, как орган правосудия по уголовным делам в СССР. — В кн.: Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1970. 87. *Нажимов В. П.* Об уголовно-процессуальных функциях. — Правоведение, 1973, № 5. 88. *Наташев А. Е., Стручков Н. А.* Основы теории исправительно-трудового права. М., Юрид. лит., 1967. 190 с. 89. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., Госюриздат, 1963. 796 с. 90. *Никаноров С. П.* Системный анализ: этап развития методологии решения задач. — В кн.: С. Л. Опнер. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М., Прогресс, 1969. 91. *Никитинский В. И.* Значение эксперимента и нормотворческой деятельности. — Сов. государство и право, 1967, № 6. 92. *Ноянко Н. И.* Психическая напряженность. М., Юрид. лит., 1976. 149 с. 93. *Ожегов С. Н.* Словарь русского языка. М., Сов. энциклопедия, 1973. 846 с. 94. *Омельяненко Г. Н.* Основания и процессуальный порядок возвращения судом дела на дополнительное расследование. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. 1968. 21 с. 95. *Осипов П. П.* Гуманистические основы предупреждения преступлений. — Правоведение, 1975. № 3, с. 87—95. 96. Основы теории государства и права. Под ред. С. С. Алексеева. М., Юрид. лит., 1971. 406 с. 97. *Павлов С.* Проблемы на основных функциях социалистической наказателен процес. София, 1966. 376 с. 98. *Пилипенко Н. В.* Необходимость и случайность. М., Наука, 1965. 99. *Полякова М. Ф.* Реабилитация невиновного: гарантии чести и достоинства личности. — Сов. государство и право, 1976, № 10, с. 121—124. 100. *Полянский Н. Н.* К вопросу о юридической природе обвинения перед судом. — Правоведение, 1960, № 1, с. 105—108. 101. Прокурорский надзор в СССР. М., Юрид. лит., 1969. 406 с. 102. *Подольная Н. П.* Деятельность прокурора по делам с обвинительным заключением. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., ВЮЗИ. 1975. 23 с. 103. *Перлов И. Д.* Предание суду в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1948. 104. *Перлов И. Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., Юрид. лит., 1955. 248 с. 105. *Постовой Д. А.* Понятие обвинувачення в новому Кримінально-процесуальному законодавстві. — Рад. право, 1961, № 3. 106. *Рагинский М. Ю.* Институт общественного поручительства как мера предупреждения и перевоспитания правонарушителя. — Сов. государство и право, 1959, № 10. 107. *Рахунов Р. Д.* Возбуждение уголовного

дела в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1954. 88 с. 108. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., Госюриздат, 1961. 277 с. 109. Ривлин А. Л. Понятие обвинения и его место в советском уголовном судопроизводстве. — В кн.: Вопросы государства и права. М., Юрид. лит., 1970, с. 254—262. 110. Ривлин А. Д. Понятие системы принципов советского правосудия. — Учен. зап. Харьк. юрид. ин-та, 1962, вып. 16, с. 28—43. 111. Ривлин А. Л. Общественное обвинение в суде. — Сов. государство и право. 1960, № 9. 112. Рожин В. П. Социальные системы и их законы. — Учен. зап. кафедр обществ. наук вузов Ленинграда. Философия, 1976, вып. 15, с. 3—17. 113. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940. 596 с. 114. Рудаков Ю. Элементы исследования операций информационного обеспечения системы управления. — В кн.: Исследования потоков экономической информации. М., Экономика, 1968. 115. Савицкий В. М. Полезный комментарий. — Сов. юстиция, 1963, № 21, с. 32. 116. Савицкий В. М. По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию. — Сов. государство и право, 1965, № 10. 117. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., Наука, 1971. 340 с. 118. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. М., Наука, 1975. 381 с. 119. Савицкий М. Я. К вопросу о системе принципов советского уголовного процесса. Сов. государство и право, 1950, № 1. 120. Свистунова Т. В. Функции советского уголовно-процессуального права. — Учен. зап. Дальневост. ун-та. Владивосток, 1970, вып. 41. 121. Сетров М. И. Основы функциональной теории организации. Л., Наука, 1972. 163 с. 122. Серов Н. К. Процессы и мера времени. М., Наука, 1974. 190 с. 123. Соц. законность, 1957, № 12. 124. Строгович М. С. О состязательности и процессуальных функциях в советском уголовном судопроизводстве. — Правоведение, 1962, № 1. 125. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., Наука, 1968. 470 с. 126. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. 515 с. 127. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., Изд-во АН СССР, 1951. 189 с. 128. Стрёмовский В. А. Актуальные проблемы предварительного следствия в советском уголовном процессе. Краснодар, 1975. 272 с. 129. Словарь иностранных слов. М., Сов. энциклопедия, 1964. 784 с. 130. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., Юрид. лит., 1973. 734 с. 131. Томин В. Т., Безлепкин Б. Т. Иерархия целей и задач в уголовном процессе. — В кн.: Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. Ярославль, 1976, с. 138—140. 132. Томин В. Т. О понятии принципа советского уголовного процесса. — Тр. высшей школы МОП РСФСР, 1965, вып. 12. 133. Труды научной сессии ВЮОН. Важный этап в развитии советского права. М., Госюриздат, 1960. 210 с. 134. Турічев І. В. Межі змінення обвинувачення в стадії видання до суду. — В кн.: Питання теорії і практики радянського права. Вип. 4. Львів, Вид-во ЛДУ, 1958. 135. Тыричев И. В. Природа принципов советского уголовного процесса. — В кн.: Роль правовой науки в совершенствовании практической деятельности государственных органов, хозяйственных органов и общественных организаций. Львов, 1967, с. 234—236. 136. Уголовный процесс. Под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькинд. М., Юрид. лит., 1972. 583 с. 137. Утевский Б. С. Новые методы борьбы с преступностью и некоторые вопросы уголовной ответственности. — Правоведение, 1961, № 2. 138. Утевский Б. С. Вопросы уголовного права в проекте закона. — Сов. государство и право, 1960, № 1. 139. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965. 330 с. 140. Фаткуллин Ф. Н. Изменение обвинения. М., Юрид. лит., 1971. 163 с. 141. Фаткуллин Ф. Н., Зиннатуллин З. З., Аврах Я. С. Обвинение и защита по уголовным делам. Казань, 1976. 165 с. 142. Фильков В. Д. Прокурор в судебном разбирательстве уголовных дел. Харьков, 1965. 28 с. 143. Ципкин А. Д. Очерки советского уголовного судопроизводства. Саратов, 1975. 118 с. 144. Ципкин А. Д. Система принципов советского уголовного процесса. — Науч. тр. Саратовск. юрид. ин-та, 1957. 145. Чеканов В. Я. Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1972. 187 с.

146. *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. М., Госюриздат, 1951. 511 с. 147. *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. М., Госюриздат, 1962. 503 с. 148. *Чельцов М. А.* Система основных принципов советского уголовного процесса.—Учен. зап. ВИЮН, 1946, вып. 6, с. 117—146. 149. *Черданцев А. Ф., Кожевников С. Н.* О понятии и содержании юридической ответственности.—Правоведение, 1976, № 5, с. 39—48. 150. *Шафир Г. М.* Эффективность участия защитника в уголовном судопроизводстве. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук, Л., 1968. 23 с. 151. *Шейфер С. А.* Прекращение дела в советском уголовном процессе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Куйбышев, 1963. 21 с. 152. *Шенель В. М.* Социальное управление производственным коллективом. Опыт социологического исследования. М., Мысль, 1976. 211 с. 153. *Шентулин А. П.* Категории диалектики. М., Высшая школа, 1971. 154. *Шентулин А. П.* Философия марксизма-ленинизма. М., Политиздат, 1970. 384 с. 155. *Шпилев В. Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. 142 с. 156. *Шифман М. Л.* Прокурор в уголовном процессе. М., Изд-во МЮ СССР, 1948. 246 с. 157. *Элькинд П. С.* К вопросу о функции обвинения в советском уголовном процессе.—В кн.: Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Саратов, 1974, с. 3—13. 158. *Элькинд П. С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Изд-во ЛГУ, 1976. 142 с. 159. *Якуб М. Л.* Демократические основы советского уголовно-процессуального права. Изд-во МГУ, 1960. 170 с. 160. *Якубович Н. А.* Окончание предварительного следствия. М., Госюриздат, 1962. 147 с. 161. *Яхот О. О.* Необходимость и случайность. М., Наука, 1956. 172 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение		3
Глава I.	Возбуждение государственного обвинения—самостоятельная стадия советского уголовного процесса	
	§ 1. Теоретическое обоснование стадии возбуждения государственного обвинения	7
	§ 2. Сущность стадии возбуждения государственного обвинения	27
	§ 3. Границы стадии возбуждения государственного обвинения	38
	§ 4. Задачи стадии возбуждения государственного обвинения	43
	§ 5. Функции прокурора в стадии возбуждения государственного обвинения	53
Глава II.	Основания возбуждения государственного обвинения в советском уголовном процессе	
	§ 1. Понятие и структура основания возбуждения государственного обвинения	65
	§ 2. Правовые последствия возбуждения государственного обвинения	86
Глава III.	Решения, принимаемые прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения	
	§ 1. Понятие и виды решений, принимаемых прокурором в стадии возбуждения государственного обвинения	115
	§ 2. Решение прокурора об утверждении обвинительного заключения и возбуждении государственного обвинения	119
	§ 3. Решение прокурора об отказе в возбуждении государственного обвинения и прекращении уголовного преследования лица	133
Список	литературы	139